

В. С. ДРАГОМИРЕЦКІЙ

ЧЕХОСЛОВАКИ ВЪ РОССІИ 1914-1920

В. С. ДРАГОМИРЕЦКІЙ

ЧЕХОСЛОВАКИ ВЪ РОССІИ

1914-1920

„Безъ Чеховъ славянское дѣло будетъ потеряно навсегда; они передняя стража всего славянства“.

Фадѣевъ.

ПАРИЖЪ-ПРАГА

1928 Г.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ГЛАВА III-ья.

ГЛАВА IV-ая.

ПРИЛОЖЕНІЕ.

---

*) До 1917 г. — ст. ст., съ 1917 г. — нов. ст.

ОТЪ АВТОРА.

Много лѣтъ тому назадъ мнѣ пришлось встрѣтиться съ великимъ русскимъ славянофиломъ Иваномъ Сергѣевичемъ Аксаковымъ. Это было за полгода до его смерти. Съ тоже уже покойными: его секретаремъ С. Ф. Шараповымъ и профессоромъ Н. Поповымъ, я часто просиживалъ у постели больного и слушалъ его горячія рѣчи о славянскомъ братствѣ.

27 января 1886 года Ивана Сергѣевича не стало. Еще наканунѣ я былъ у него и въ послѣдній разъ внималъ его священнымъ призывамъ.

Похороны почившаго славянофила были очень торжественны. Отпѣвали въ Москвѣ, хоронили въ Троицко-Сергіевской Лаврѣ. Надъ его могилой лились рѣчи о его великой любви къ людямъ, о его завѣтахъ славянамъ. Погребальное богослуженіе скоро кончилось. Останки незабвеннаго славянофила опустили въ могилу. Собравшіеся друзья и почитатели съ грустью покидали монастырскую ограду и подъ звонъ лаврскихъ колоколовъ уносили въ своихъ сердцахъ и мысляхъ завѣщанныя Аксаковымъ идеи.

Съ тѣхъ поръ прошло много лѣтъ. Мнѣ досталось въ удѣлъ всю жизнь прожить въ тѣсномъ кругу славянофиловъ, гдѣ завѣты И. С. Аксакова бережно хранились въ сердцахъ его послѣдователей.

Когда возникла свѣтовая война, тѣми же великими ицеями оказались полны сердца почти всѣхъ славянскихъ народовъ. Эти завѣты подсказали мнѣ мысль написать эту книгу.

При ея составленіи я старался разсматривать затронутыя мною событія съ точки зрѣнія совокупности всѣхъ оттѣнковъ политической мысли русскаго и чешскаго народовъ.

Разсматривая вопросъ объ участіи чехословаковъ въ великой войнѣ, я вмѣстѣ съ тѣмъ стремился установить, насколько это участіе и полученные результаты соотвѣтствовали призывамъ величайшихъ славянскихъ патріотовъ-мыслителей, къ которымъ на протяженіи многихъ лѣтъ прислушивался весь славянскій міръ.

Когда 35 лѣтъ тому назадъ я, въ качествѣ редактора-издателя славянофильскаго журнала «Русская Бесѣда» и члена С. Петербургскаго Славянскаго Благ. Общества, впервые посѣтилъ тогдашнюю австрійскую Чехію, меня поразили великій патріотизмъ чеховъ и ихъ неугасающее стремленіе быть въ единеніи съ славянами.

Эти ихъ чувства остались у меня въ памяти на всю жизнь.

Участвуя въ теченіе многихъ лѣтъ въ разныхъ славянскихъ организаціяхъ и изданіяхъ, я имѣлъ возможность еще больше углубиться въ міровоззрѣніе славянъ и уразумѣть ихъ свободолюбивыя стремленія и ожиданія.

Когда въ 1914 году Манифестъ Русскаго Царя о борьбѣ славянства съ германизмомъ вызвалъ бури восторга между чехословаками въ Россіи, — это былъ естественный результатъ тѣхъ чувствъ, которыя издавна яркимъ пламенемъ пылали въ сердцахъ порабощенныхъ славянъ на Лабѣ, Велтавѣ, Моравѣ и Вагѣ...

Въ этомъ мнѣ суждено было убѣдиться и въ долгіе годы моей государственной службы и особенно, въ 1915 году, когда я, будучи командированъ Министерствомъ Внутреннихъ Дѣлъ на театръ военныхъ дѣйствій, встрѣтился тамъ съ участниками «Чешской Дружины» и съ многочисленными партіями переходившихъ на сторону Россіи чехословаковъ. Въ ихъ глазахъ горѣла надежда на скорое осуществленіе великихъ призывовъ Добровскаго, Коллара, Шафарика, Палацкаго..., о которыхъ съ колыбели напѣвали имъ ихъ отцы и матери.

Въ 1925 году мнѣ попалась книга бывшаго главнокомандующаго сибирской арміей генерала Сахарова, въ которой онъ «отъ имени русскаго народа» обрушился великимъ гнѣвомъ на чехословаковъ, обвиняя ихъ въ измѣнѣ славянскому дѣлу, которое также подвергъ жестокой критикѣ. Появленіе этой

книги совпало съ временемъ, когда переоцѣнивались всѣ цѣнности и когда нерѣдко повергалось въ прахъ все то, что еще вчера было дорого и свято.

Откинувъ въ сторону всѣ симпатіи, я, слѣдуя духу времени, еще разъ принялся за переоцѣнку той цѣнности, которой на протяженіи многихъ лѣтъ восторгались лучшіе представители славянскаго міра и которая будила всегда и во мнѣ чувства глубокой вѣры.

Мой трудъ преслѣдуетъ одну цѣль: устранить всякія недоразумѣнія между славянами и углубить мысль о необходимости славянскаго единенія. Если онъ принесетъ хотя небольшую пользу, — моя цѣль будетъ достигнута.

В. Драгомирецкій.

1928 г.

ГЛАВА I.

Начало славянскихъ взаимоотношеній теряется въ глубокой древности. Уже въ первые вѣка по принятіи христіанства встрѣчается много цѣнныхъ фактовъ, свидѣтельствующихъ о родственномъ тяготѣніи одного славянскаго племени къ другому. Послѣднее красной нитью проходитъ по всей исторіи славянскихъ народовъ. Оно освящено вѣками, создало величайшій памятникъ славянской взаимности — Грюнвальдъ, глубоко запало въ сердца и мысли народныхъ массъ и въ разныя эпохи и времена оживляло надежды всѣхъ славянъ. Еще въ давно минувшія времена, въ дни державной жизни Польши и Чехіи, чешскій король Пржемыславъ Оттокаръ II писалъ польскому королю что *«нѣтъ болѣе близкаго родства, какъ между чехами и поляками, что счастье одного народа есть счастьемъ другого и гибель одного повлекла бы гибель другого»*.

Когда славянскіе народы потеряли свою самостоятельность, ихъ взоры стали обращаться на Россію, единственную славянскую страну, сберегшую свою независимость и располагавшую крупной силой для защиты своихъ порабощенныхъ братьевъ. Чѣмъ чувствительнѣе было ихъ порабощеніе, тѣмъ притягательнѣе была сила Россіи. Въ прежнія времена эти тяготѣнія ограничивались главнымъ образомъ надеждами и упованіями, новѣйшее же время дало имъ возможность принять уже болѣе реальныя формы. Во второй половинѣ 19-го вѣка интересъ къ славянамъ до того возросъ, что въ этой области создалась обширнѣйшая литература какъ въ Россіи, такъ и между зарубежными славянами.

Славянофильство зародилось въ нѣдрахъ величайшей идеи, имѣющей въ своемъ основаніи любовь къ ближкимъ. Эта любовь

въ давно минувшія времена сосредотачивалась въ тѣсномъ кругу родовъ и классовъ, распространилась затѣмъ на отдѣльныя націи, а теперь порывается охватить цѣлыя племена и даже цѣлое человѣчество. Кто помогаетъ развитію славянофильства, тотъ тѣмъ самымъ укрѣпляетъ единеніе людей въ предшествовавшихъ первичныхъ формаціяхъ и вмѣстѣ съ тѣмъ подготовляетъ пути къ воспріятію высшихъ его формъ. Это нужно имѣть въ виду при опредѣленіи какъ значенія славянофильства, такъ и его стремленій.

Въ Россіи славянофильское движеніе вышло изъ Москвы. Оно возникло въ тридцатыхъ годахъ 19-го столѣтія и достигло расцвѣта въ сороковыхъ и пятидесятыхъ годахъ, в дни особеннаго подъема русскаго духовнаго творчества. Тогда оно вылилость въ особое общественное движеніе, создавшееся отчасти подъ вліяніемъ заимствованныхъ у народа его мыслей и чаяній, отчасти же подъ вліяніемъ византійской культуры, философіи Гегеля, а также установившагося въ Россіи государственнаго строя. Фундаменты этой старой славянофильской теоріи давно разрушены. При столкновеніи съ жизнью эти ортодоксальныя славянофильскія воззрѣнія стали угасать, уступая мѣсто болѣе реальнымъ взглядамъ на жизнь и оставляя отъ прежнихъ мечтаній о всемірноисторической роли Россіи только то, что вытекало изъ народныхъ чувствъ и требованій. Постепенно это старое культурное славянофильство очищало себя отъ византизма и гегеліанства и выливалось въ идею горячей любви къ родинѣ и родственнымъ ей славянскимъ племенамъ. Послѣдніе годы дѣятельности великаго русскаго славянофила И. С. Аксакова проходили уже въ этой стадіи развитія русскаго славянофильства. Съ каждымъ годомъ оно все болѣе сближалось съ народомъ и тѣмъ самымъ стало реальной силой.

Нѣкоторые западно-славянскіе мыслители утверждаютъ, что славянофильство не есть тотъ идеалъ, къ которому можетъ быть обращено вниманіе современныхъ славянъ. «Всѣ западные славяне, — заявляютъ они, — воспринявшіе культуру запада, пріобщились уже къ болѣе высокимъ идеямъ, стремящимся къ объединенію людей.» Идея соціализма, — по ихъ мнѣнію, — восприняла формы интернаціональныя и тѣмъ самымъ подчер-

кнула; что всѣ люди — люди, что со всѣми нужно ладить и быть въ добромъ согласіи, не взирая ни на какія національныя принадлежности. Одинъ изъ выдающихся политическихъ дѣятелей современной Чехословацкой Республики, *д-ръ Бенешъ*, выразился еще болѣе опредѣленно. Онъ сказалъ, что «чехи могли славянофильствовать пока не были государствомъ, теперь же у нихъ сосѣди: и поляки, и нѣмцы, и мадьяры, и румыны, а нужно имѣть въ виду также англичанъ, французовъ, итальянцевъ...»

Славянофильство, какъ и социализмъ, имѣютъ въ своей основѣ одно общее стремленіе: единеніе и братство людей. Первое придерживается національныхъ формъ, а второй старается перешагнуть эти формы и, взбираясь на высшія ступени человѣческаго развитія, входитъ въ область интернаціональныхъ отношеній. Національность создавалась вѣками, дается по рожденію и обладаетъ крупной объединяющей силой, сковывающей націи. Соціализмъ есть плодъ человѣческаго ума, возникшаго на почвѣ, главнымъ образомъ, необходимости регулированія соціальныхъ условій жизни. Время національной идеи еще не прошло. Она еще сильно держится и соціализмъ не пытается ее ни уничтожить, ни замѣнить. Національная идея развивается въ болѣе тѣсномъ кругу, а соціализмъ въ болѣе широкомъ, всеобъемлющемъ. Чувство принадлежности къ какой-либо націи сказывается — національмомъ, чувство родственности славянскихъ племенъ — славянофильствомъ, а стремленіе къ общечеловѣческому единенію находитъ удовлетвореніе въ соціализмѣ. Культура диктуетъ всѣмъ людямъ стремиться къ единенію и доброму сожительству со всѣми людьми, но она не уничтожаетъ націй. А разъ послѣднія существуютъ, то имѣется и родство между ними, которое, на ряду съ благороднѣйшими порывами объединить все человѣчество, властно требуетъ объединенія между собою наиболѣе близкихъ.

Точно такъ же ошибаются и тѣ, которые думаютъ, что нынѣшнія послѣдствія русской революціи, перешагнувшія всѣ этапы человѣческаго развитія, схоронили навсегда славянофильскую проповѣдь. Человѣчество, какъ все на свѣтѣ, развивается постепенно. Русскому народу навязана теорія, которая

на практикѣ не можетъ еще получить надлежащаго осуществленія. Она сильнѣе его пониманія и тѣхъ соціальныхъ условій, среди которыхъ протекаетъ его жизнь. Нынѣшнія переживанія русскихъ народныхъ массъ, быть можетъ, принесутъ имъ широкую грамотность, уничтожатъ многія неравенства, быть можетъ, сблизятъ ихъ съ культурнымъ міромъ, но ни въ какомъ случаѣ не дадутъ имъ ни настоящаго образованія, ни равенства, ни тѣмъ болѣе культуры. Всѣ многообѣщающіе лозунги этого новаго идеализируемаго развитія человѣческой жизни входятъ пока что въ формы первоначальныхъ человѣческихъ мышленій и также далеки отъ осуществленія ихъ въ Россіи, какъ вообще во всемъ свѣтѣ.

Исходя изъ этихъ точекъ зрѣнія, необходимо стать на вполнѣ реальную почву, диктуемую жизнью и не выполненнымъ еще процессомъ нашего развитія. Каждый шагъ въ дѣлѣ человѣческаго развитія является результатомъ долгой эволюціи. Нынѣшнее время все еще принадлежитъ къ эпохѣ расцвѣта націй. Правда, человѣчество порывается взойти на высшую ступень своего развитія, оно разрабатываетъ и подготовляетъ для этого почву, но оно не можетъ дать плодовъ, не успѣвъ расцвѣсти. Переживая періодъ національнаго сплоченія, оно вмѣстѣ съ тѣмъ стремится устранить все то, что еще вчера мѣшало этому сплоченію. Опасность передъ этимъ вчерашнимъ зломъ заставляетъ людей соблюдать особенную осторожность въ желаніяхъ перешагнуть естественный ходъ своего развитія. Объ этомъ нужно помнить всѣмъ славянскимъ народамъ. Имъ надлежитъ сначала твердо обезпечить свое національное единство и, объединившись съ соплеменниками, войти затѣмъ свободными въ семью свободнаго человѣчества. Необходимо, чтобы въ дни великихъ призывовъ къ свободѣ, равенству и братству, каждое славянское племя въ отдѣльности и цѣломъ, получило возможность сначала осуществить эти идеалы у себя, а потомъ уже, наравнѣ съ другими, стать ихъ всемірными глашатаями.

Лучшіе патріоты чешскаго народа еще въ 1848 году указывали, что главною причиною страданій славянъ является ихъ отчужденность. Это заставило всѣхъ славянъ не угашать своихъ

призывовъ къ взаимному единенію. Послѣдняя война принесла имъ побѣду. Она досталась имъ послѣ долгихъ ожиданій и трудовъ. Отказаться теперь отъ всего того, что въ теченіе долгаго времени побуждало ихъ къ жизни, все равно что остаться безъ традицій, порвать связь съ тѣмъ, что привело къ этой побѣдѣ. Наоборотъ, всѣ освобожденные нынѣ славяне обязаны претворить въ жизнь всѣ тѣ идеи, которыя были для нихъ путеводной звѣздой въ ихъ завѣтныхъ стремленіяхъ, точно такъ же, какъ претворилась уже въ жизнь главная ихъ мечта — освобожденіе отъ рабства. Всѣмъ извѣстно съ какимъ трудомъ договариваются народы между собою и какъ недолговѣчны бываютъ всѣ соглашенія и союзы. А между тѣмъ, между славянами издавна существуетъ уже готовая почва, обусловленная естественнымъ влеченіемъ одного славянина къ другому. Раньше, въ дни рабства, подобнаго рода союзы, договоры, общенія, носили характеръ благородныхъ порывовъ, нынѣ они стали реальной необходимостью. Потому-то, видоизмѣняя слова чешскаго политика, необходимо изложить ихъ нѣсколько иначе, а именно, что если раньше неосвобожденные еще славяне позволяли себѣ славянофильствовать, то *сегодня, когда они освободились и живутъ самостоятельной жизнью, они должны претворить въ дѣйствительность всѣ лучшіе завѣты ихъ величайшихъ патріотовъ — славянофиловъ.*

Единеніе славянъ является пугаломъ лишь для тѣхъ, кто носится еще съ мыслью ихъ поработить. Не надо забывать, что славяне, объединяясь между собой, лишь скрѣпляютъ свою свободу и подготовляютъ почву для единенія всѣхъ свободныхъ со всѣми свободными. Это скрѣпленіе пріобрѣло бы больше силы, если бы Россія не потеряла своей мощи и если бы освобожденные могли опереться на неё, не во имя какихъ-либо мессіанистскихъ цѣлей, а исключительно лишь ради сохраненія своего національнаго облика въ свободномъ союзѣ со всѣми народами міра. Потому-то исканіе средствъ къ возвращенію русскому народу его мощи должно стать постоянной заботой молодыхъ славянскихъ государствъ. Эта необходимость диктуется не только порывами сердца, но и холоднымъ государственнымъ умомъ.

Когда въ началѣ войны верховный главнокомандующій, великій князь Николай Николаевичъ, обратился къ чехословакамъ и полякамъ съ воззваніемъ, это не были слова отдѣльнаго лица, вызванныя обычными пріемами войны, а вполнѣ реальное проявленіе тѣхъ чувствъ русскаго народа, которыя давно ждали своего осуществленія и подъ давленіемъ которыхъ возникла самая война. Славяне хорошо поняли значеніе этихъ словъ и потому во время войны подъ русскими знаменами очутились чехословаки, поляки, югославяне и даже нѣкоторые болгары. Ихъ объединило общее стремленіе къ свободѣ и къ уничтоженію всѣхъ слѣдовъ порабощенія.

Угроза славянамъ со стороны нѣмцевъ росла вѣками. Она увеличивалась съ ростомъ нѣмецкаго племени. Переизбытокъ населенія и трудныя экономическія условія толкали нѣмцевъ на близъ лежащія славянскія земли. Съ завоеваніемъ же ими политическаго могущества, они проявляли такую гордость, алчность и жестокость по отношенію къ славянамъ, что никакое доброе сожительство стало немыслимымъ. Единственная славянская страна, которая могла противостоять этому нѣмецкому натиску, была Россія. На неё надѣялись почти всѣ славяне. Правда, ея государственная политика въ отношеніи къ польскому народу шла въ разрѣзъ съ стремленіями славянофильства, но и тутъ источникомъ этого отклоненія были тѣ-же причины, отъ которыхъ страдало все славянство. Когда возникла война, эти причины сразу отпали и русскій народъ заговорилъ вполнѣ опредѣленнымъ языкомъ. Это было ясно для всѣхъ славянъ и это заставило ихъ стать на сторону Россіи и ея союзниковъ.

Въ числѣ первыхъ, ставшихъ рука объ руку съ русскими, были чехословаки, болѣе другихъ выставленные подъ нѣмецкую угрозу и чувствовавшіе ихъ удары.

Дѣятельность великихъ чешскихъ патріотовъ-славянофиловъ: Добровскаго, Шафарика, Колара, Палацкаго и другихъ, принесла плоды. Чехословаки сразу опредѣлили свое мѣсто. Скоро при арміяхъ: русской, французской, итальянской, образовались чехословацкіе легіоны, мужественно сражавшіеся за свободу своей родины и славянъ. Изъ нихъ наиболѣе крупное

развитіе получила *«чехословацкая дружина»*, образовавшаяся въ 1914 году въ Россіи. Она увлекла за собою тысячи чехословацкихъ добровольцевъ, показавшихъ чудеса храбрости въ рядахъ русской арміи. Этимъ своимъ участіемъ на сторонѣ Россіи чехословаки подчеркнули ту великую родственную связь, которая отъ вѣковъ существовала между славянами, особенно между чехами и русскими. Въ давно, давно минувшіе годы, еще въ первые вѣка послѣ принятія христіанства, нерѣдко встрѣчались чешскія войска въ рядахъ тогдашнихъ русскихъ княжескихъ дружинъ. Въ 1123 году у князя Ярослава, сына Святополка, былъ большой чешскій отрядъ, съ которымъ онъ совершалъ походы. Такіе же чешскіе отряды упоминаются и въ 1138 году у князя Ярополка, а также въ 1144 году у кіевскаго великаго князя Всеволода, сына Олега. Въ 1148 году чешскій король Владиславъ II возвращался изъ несчастнаго крестоваго похода изъ Азіи въ Чехію. Послѣ продолжительнаго изнурительнаго пути по Черному морю и по рѣкѣ Днѣпру онъ прибылъ съ своей дружиной въ городъ Кіевъ, гдѣ ихъ встрѣтилъ, какъ родныхъ братьевъ, великій князь Кіевскій Изяславъ Мстиславовичъ. Ихъ пребываніе въ Кіевѣ скрѣпило дружбу между Чехіей и Кіевской Русью и съ тѣхъ поръ чешскіе полки нерѣдко присылались изъ Чехіи то къ одному, то къ другому русскому князю. Свидѣтелями этихъ древнихъ походовъ являются, между прочимъ, старинныя русскія пѣсни, перенесенныя чешскими солдатами въ Чехію, гдѣ онѣ чехизировались, сохранивъ поразительную точность оригиналовъ.

По стопамъ предковъ пошли и нынѣшніе чехи на помощь своему брату-славянину.

Въ 1917 году «чехословацкая дружина» столкнулась съ ужасами русской революціи. Потерявъ вѣру въ возможность сражаться на русскомъ фронтѣ, она хотѣла пробраться черезъ Владивостокъ на французскій фронтъ для соединенія со своими соотечественниками, сражавшимися подъ французскими знамёнами. Однако, по пути черезъ Сибирь она встрѣтила величайшія препятствія. Оказалось, что нѣмцы, заключившіе въ Брестъ-Литовскѣ союзъ съ большевиками, стали готовить новую угрозу союзникамъ. Они предполагали перебросить на запад-

ный фронтъ всѣхъ нѣмецкихъ и мадьярскихъ военноплѣнныхъ, находившихся въ сибирскихъ концентраціонныхъ лагеряхъ. Появленіе чехословаковъ сильно мѣшало этому. Ихъ рѣшили устранить, а когда это не удалось, напали на нихъ. Чехословацкому войску пришлось обороняться съ оружіемъ въ рукахъ. Затѣмъ, послѣ цѣлаго ряда удачныхъ боевъ съ ихъ преслѣдователями, имъ предложено было союзниками остаться въ Сибири, образовать новый поволжскій противонѣмецкій фронтъ и тамъ, на склонахъ далекаго Урала, продолжать защищать дѣло славянъ. Повинуясь этому, они скоро освободили всю Сибирь отъ Волги до Тихаго Океана отъ засилья большевиковъ, нѣмцевъ и мадьяръ, помогли мѣстнымъ русскимъ людямъ сорганизовать свои силы для дальнѣшей борьбы съ ихъ врагами, усмиряли возстанія, оберегали сибирскія желѣзныя дороги, поддерживали спокойствіе въ странѣ и т. д., и т. д. Но всему бываетъ конецъ. Узнавъ объ окончаніи великой войны и побѣдѣ союзниковъ, чехословаки, истомленные долголѣтней войной, непосильно тяжелой работой и суровыми климатическими условіями, сразу потянулись мыслями домой, въ освобожденную ихъ пятилѣтними трудами родину, куда ихъ звало новое чехословацкое правительство, ихъ отцы, жены, дѣти и матери.

Одновременно съ тѣмъ въ сибирскихъ событіяхъ произошли крупныя перемѣны, повлекшія за собой ликвидацію фронта, паденіе колчаковскаго правительства и гибель освободительнаго движенія. Послѣднее не могло удержаться передъ взбаламученнымъ моремъ человѣческихъ страстей и точно такъ же, какъ и всѣ другія такія же движенія, должно было пасть. Причины ихъ общія и только въ нихъ можно доискиваться правды. Русская общественность, потерявшая вѣковую спайку, не въ силахъ была справиться съ выпавшими на ея долю великими задачами. Лѣвыя партіи выставляли свои широковѣщательныя программы, но не имѣли опытныхъ людей для государственнаго строительства. Правыя же руководствовались устарѣвшими методами управленія, неподходившими къ создавщейся обстановкѣ. Многіе, въ то время, когда горѣла крыша дома, разсуждали о его наилучшей меблировкѣ. Созда-

лось положеніе, придававшее лихорадочный оттѣнокъ всему хаотическому обществу, плохо спаянному, въ громадномъ большинствѣ состоявшему изъ очень неуравновѣшенныхъ людей, которыхъ, въ довершеніе всего, обуялъ сумасшедшій страхъ, когда они почуяли себя на краю пропасти. Это въ свою очередь создало взаимное озлобленіе, заподозрѣваніе, человѣконенавистничество..., и еще болѣе расширило рамки гражданской войны. Чехословакамъ оставалось: или кинуться въ омутъ этой всеобщей разрухи, или уйти домой.

Они выбрали второе.

Народная гордость, послѣ отчаянныхъ усилій во время войны, старается найти причины разгрома, а дѣйствительные виновники его пытаются скрыться и сложить всю отвѣтственность на кого нибудь другого. То же самое произошло и въ данномъ случаѣ. Всю вину свалили на чехословаковъ. На нихъ посыпались обвиненія рѣшительно во всемъ. Каждое ихъ дѣйствіе, каждый шагъ, каждую ихъ мысль старались истолковать въ самомъ враждебномъ для нихъ смыслѣ. Дошло до того, что этими обвиненіями стараются очернить весь чехословацкій народъ, и даже все славянство.

Вредъ этихъ обвиненій заключается въ томъ, что ими оказывается услуга врагамъ славянства и разрушается то русско-славянское достояніе, которое больше другихъ можетъ помочь русскому народу въ его нынѣшнемъ горѣ.

Исторія пребыванія чехословацкихъ войскъ въ Россіи представляетъ крупный общественный интересъ. Постараемся ознакомиться какъ съ этой исторіей и сопровождавшими ее событіями, такъ и съ тѣми обвиненіями, которыя создались на этой почвѣ.

Въ дни, когда раздаются призывы славянъ къ единенію и братству, всѣ неясности должны быть выяснены.

ГЛАВА II.

1.

Борьба между нѣмцами и славянами назрѣвала вѣками. Съ ростомъ германизма росли завоевательныя стремленія нѣмецкаго племени. Германскія волны угрожали залить славянскія земли. Когда въ 1914 году вспыхнула война, взоры порабощенныхъ славянъ устремились на Россію. Это былъ великій историческій моментъ въ жизни тѣхъ славянъ, которые въ единеніи славянства видѣли опору своимъ стремленіямъ къ свободѣ. Смыслъ войны былъ ясенъ почти для всѣхъ славянъ. Такимъ же онъ былъ и для Россіи. Но нашлись и такіе, для которыхъ эта война открывала болѣе широкіе горизонты и, въ то время, когда одни хотѣли принести на своихъ штыкахъ свободу порабощеннымъ славянамъ, другіе шли дальше и пытались разрѣшить мечемъ всѣ тѣ вопросы, которые, по ихъ мнѣнію, создавали постоянныя недоразумѣнія и тревоги.

Между славянами, наиболѣе выдвинутыми на западъ, и выставленными подъ постоянные удары ихъ поработителей, были чехи и словаки. *Чехи* тонули въ окружавшемъ ихъ нѣмецкомъ морѣ, а *словаки* задыхались подъ мадьярскимъ игомъ, но и одни, и другіе, не забывая своей исторіи, боролись съ нѣмцами и мадьярами и никогда не угашали въ себѣ благородныхъ порывовъ къ освобожденію. Когда вспыхнула война, они воскресили въ себѣ завѣты своихъ великихъ народныхъ учителей и вождей. Но ихъ положеніе было въ высшей степени трагическое. За малѣйшее проявленіе симпатій къ Россіи ихъ арестовывали, конфисковали имущество, мучили, убивали... Подвергали безпощаднымъ гоненіямъ за одну мысль о раскрѣпощеніи, за одно

стремленіе къ освобожденію. Всѣ тюрьмы были переполнены лучшими чехословацкими патріотами. Многіе изъ нихъ были приговорены къ смертной казни, какъ, напримѣръ, знаменитый проповѣдникъ славянскаго единенія д-ръ Крамаржъ, выдающійся общественный дѣятель д-ръ Рашинъ и другіе.

Изъ опубликованной нынѣ переписки между австрійскимъ министромъ внутреннихъ дѣлъ Гейнольдомъ и верховнымъ главнокомандующимъ эрцгерцогомъ Фридрихомъ отъ 19 октября, 29 ноября и 7 декабря 1914 года*), видно, что считалось въ Австріи величайшимъ преступленіемъ и за что мучили, терзали и убивали людей. «Отъ десяти лѣтъ, — говорится въ этихъ обвинительныхъ документахъ, — существуетъ въ Чехіи движеніе, которое, подъ лозунгомъ славянской взаимности, стремится *къ сближенію чешскаго народа съ другими славянами, особенно съ русскими*, причемъ эта мысль находитъ особенно усердную поддержку среди народныхъ представителей и печати». И вотъ, за одно сочувствіе этому, какъ они называли, «*панславистскому движенію*», подвергали гоненіямъ, лишали мѣста, арестовывали, избивали... Требовалась особенная сдержанность, чтобы не разъярить враговъ; нужно было колоссальное терпѣніе, чтобы выдержать глумленія надъ своей «святая святыхъ».

Зато чехи и словаки, жившіе внѣ предѣловъ плѣненной родины, сразу же стали въ ряды борцовъ за тѣ идеалы, которые хранились въ сердцахъ милліоновъ ихъ соотечественниковъ. Къ нимъ принадлежали и многочисленныя чехословацкія колоніи въ Россіи. Упованія ихъ всецѣло возлагались на Россію. Цѣлый рядъ восточныхъ войнъ за освобожденіе южныхъ славянъ, проповѣдь русскихъ славянофиловъ, проявленіе русскими народными массами горячихъ симпатій къ славянамъ и вообще доминирующее положеніе русскаго народа постоянно привлекали къ Россіи вниманіе порабощеннаго славянства. Боевой кличъ русскаго народа въ 1914 году напомнилъ проживающимъ въ Россіи чехословакамъ ихъ долгъ къ славянству и родинѣ. Сознаніе этого долга заставило ихъ стать въ ряды русской арміи.

---

*) Naše revoluce. Hist. sborník. Roč. II., Praha. Tři úřední dokumenty.

«Чехи въ Россіи», — говоритъ одинъ изъ историковъ чехословацкаго освободительнаго движенія, д-ръ Штейдлеръ, — *«пробудились политически, когда къ нимъ долетѣли слова царскаго манифеста о борьбѣ славянства съ германизмомъ. Славянское сознаніе и руссофильскія тенденціи*, — продолжаетъ д-ръ Штейдлеръ, — *«ожили повсемѣстно. Въ царскихъ словахъ проявилась историческая роль «бѣлыхъ царей», — сильная славянская нота, повторенная затѣмъ и въ воззваніи верховнаго главнокомандующаго великаго князя Николая Николаевича къ «полякамъ» и «чехамъ»**).

Насколько эти надежды на освобожденіе воодушевляли тогда чехословаковъ и насколько они связывались съ Россіей, видно изъ цѣлаго ряда выраженныхъ ими чувствъ въ разныхъ адресахъ, памятныхъ запискахъ, рѣчахъ и т. п.

27 іюля ст. ст. 1914 года имѣла мѣсто въ г. Кіевѣ грандіозная манифестація, устроенная чехами, проживавшими въ юго-западномъ краѣ. Она поражала своей внушительностью, а своей сердечностью и искренностью показала, что между чехами и русскими нѣтъ недомыслій и что старыя славянскія чувства, проходящія красной нитью по всей исторіи чешскаго народа, не порвались и крѣпко держатся среди современныхъ чеховъ. Въ пламенныхъ рѣчахъ, произнесенныхъ мѣстными чешскими дѣятелями В. Вондракомъ, И. Іиндржишекомъ и другими, чувствовалась безпредѣльная преданность чехословаковъ къ Россіи. Такія же манифестаціи имѣли мѣсто въ Петроградѣ, Москвѣ, Одессѣ и въ разныхъ другихъ городахъ Россіи и вездѣ чехи одинаково заявляли о своей преданности русскимъ и о полной готовности своей сражаться за одно съ ними противъ враговъ славянства. Одновременно съ тѣмъ они массами отказывались отъ подданства Габсбургамъ и вступали въ русское подданство, присоединялись къ православію, старались внести свою лепту въ общее дѣло борьбы, устраивали лазареты, собирали пожертвованія и постоянно, въ подаваемыхъ ими телеграммахъ и памятныхъ запискахъ, высказывались за созданіе свободной Чехословакіи подъ защитой Россіи. На собраніи, устроен-

---

*) Dr. Šteidler F. V. Čsl. hnutí na Rusi. Praha, 1922.

номъ въ г. Кіевѣ, одновременно съ манифестаціей, было принято пожеланіе, чтобы Россія, вѣрная своей исторической роли — защитницы славянъ, помогла чехословакамъ отстоять свою національную самобытность,*) а во время чешской манифестаціи въ г. Москвѣ, одинъ изъ представителей мѣстныхъ чеховъ заявилъ, что всѣ чехи и словаки охвачены однимъ горячимъ желаніемъ помочь Россіи и вѣрятъ, что русскій народъ и русскій царь станутъ во главѣ единенія славянъ.**) Такія же чувства были выражены чехословаками Государю Императору Николаю II на аудіенціяхъ: 7 августа ст. ст. 1914 г. — въ Московскомъ Кремлѣ и 4 сентября ст. ст. того же года — въ Царскомъ Селѣ. На одной изъ этихъ аудіенцій чехословацкая делегація вручила Государю Императору меморандумъ, въ которомъ приводилось желаніе видѣть *«свободную и независимую корону Св. Вацлава сіяющей въ лучахъ короны Романовыхъ»*.***)

Высказывая такія патріотическія чувства, почти всѣ тогдашніе чехословацкіе дѣятели руководствовались не подчиненіемъ Чехіи — Россіи, какъ это нѣкоторые желали истолковать, а исключительно только свободнымъ развитіемъ всѣхъ славянскихъ народовъ — свободнымъ союзомъ полноправныхъ славянскихъ державъ. Надежды на Россію были тогда естественны. Въ дни объявленія войны въ могуществѣ Россіи никто не сомнѣвался и разные запоздалые пророки явились уже послѣ ея трагедіи.

Прямымъ послѣдствіемъ этихъ патріотическихъ порывовъ явилось учрежденіе въ Россіи «Чехословацкой Дружины». Уже 25-го іюля ст. ст. 1914 года въ засѣданіи чешскаго комитета въ Петроградѣ членъ его г. Зденекъ Рейманъ заявилъ, что было бы великимъ грѣхомъ молчаливо глядѣть чехословакамъ на кровавую борьбу русскихъ братьевъ съ ихъ отвѣчными поработителями — нѣмцами. На насъ, русскихъ чеховъ, сказалъ г. Рейманъ, падаетъ обязанность стать легендарными Бланицкими рыцарями, отдать свои силы на освобожденіе нашей

*) Čechoslovan, č. 70 отъ 31 іюля 1914 г. Кіевъ.
**) Čechoslovan, č. 72 за 1914 г. и Čsl. Denik č. 239 за 1919 г.
***) Čechoslovan, 1914 г. č. 72.

родины и быть бокъ о бокъ съ русскими богатырями. Одновременно, такое же заявленіе было сдѣлано и въ Московскомъ Чешскомъ Комитетѣ выдающимся его членомъ г. Тучекомъ, который, подобно Рейману, призывалъ Чехословаковъ къ борьбѣ за славянское дѣло.

Эти мысли отвѣчали тогда настроенію всѣхъ чехословаковъ. Чехословацкія манифестаціи въ разныхъ русскихъ городахъ и особенно грандіозная манифестація въ Кіевѣ, въ которой участвовало 3.000 чехословаковъ, сразу показали русскимъ, какого вѣрнаго друга они имѣютъ въ чехословацкомъ народѣ.

Желанія чехословаковъ увѣнчались полнымъ успѣхомъ. 30 іюля ст. ст. 1914 года *«чехословацкая боевая дружина»* стала реальнымъ фактомъ. Проектъ ея былъ одобренъ совѣтомъ министровъ съ тѣмъ, чтобы формированіе чешскихъ добровольческихъ частей производилось въ г. Кіевѣ, подъ непосредственнымъ наблюденіемъ штаба кіевскаго военнаго округа и при непремѣнномъ участіи представителей чешскихъ обществъ: Петроградскаго, Московскаго, Кіевскаго и Одесскаго.*)

Чехословаковъ охватили самыя радужныя надежды.

20-го августа 1914 г. изъ Петрограда выѣхала уже первая партія чешскихъ добровольцевъ. Проводы ихъ отличались особенной задушевностью. Подъ крики «да здравствуетъ свободная Чехія», «да здравствуетъ Россія», они уѣхали въ Кіевъ, осѣняемые крестнымъ знаменіемъ собравшихся на вокзалѣ ихъ многочисленныхъ друзей.

Почти всѣми русскими чехословаками руководило тогда одно всесильно захватившее ихъ чувство глубокой вѣры въ Россію, съ которой они спокойно и дружно шли противъ общаго врага. Это былъ возвышенный и искренній періодъ братанія двухъ славянскихъ народовъ. Чехословаки старались вложить всѣ силы въ общую работу. Отъ 28 августа по 5 сентября ст. ст. 1914 г. въ Петроградѣ происходилъ съѣздъ представителей чешскихъ обществъ въ Россіи. На немъ, между прочимъ, была поднята мысль объ основаніи объединяющаго всѣ чехословацкія общества органа «Союза чехословацкихъ обществъ въ Рос-

*) См. Приложеніе № 3.

сіи». Делегаты этого съѣзда представились 4-го сентября, ст. ст., Государю Императору и получили отъ него полное одобреніе ихъ патріотической дѣятельности. До этого они посѣтили также министра иностранныхъ дѣлъ г. Сазонова, который категорически увѣрилъ ихъ, что возстановленіе чехословацкаго государства входитъ въ программу русскаго правительства.*)

Эти событія сильно отразились на дальнѣйшемъ развитіи «Дружины». Уже къ половинѣ сентября она насчитывала три роты и каждый день прибывали новыя силы. 28-го сентября (ст. ст.) было освящено ихъ боевое знамя. Торжество происходило въ г. Кіевѣ на Софійской площади, въ присутствіи многочисленныхъ представителей военныхъ и гражданскихъ властей, славянскихъ гостей, чешскихъ делегатовъ и массы публики. Картина этого историческаго момента была весьма величественна. Передъ собравшимися русскими стояли представители чехословаковъ, слетѣвшихся со всѣхъ концовъ Россіи на помощь общеславянскому дѣлу. Они были горды выпавшимъ на ихъ долю долгомъ. На ихъ боевомъ знамени, вышитомъ чешскими дамами въ Москвѣ, красовались съ одной стороны русскіе національные цвѣта, а съ другой чешскіе, съ короной Св. Вацлава посрединѣ и съ гербами Чехіи, Моравіи, Силезіи и Словаччины по бокамъ. На верхушкѣ древка высился русскій двуглавый орелъ. Это боевое знамя было: для чехословаковъ — предвѣстникомъ самостоятельности ихъ родины, для русскихъ — знаменемъ славянскаго единенія.**) Съ 1618 года чехи впервые послѣ долгаго періода рабства присягали своему знамени.

Создавая «Дружину», они имѣли въ виду положить основаніе будущему чехословацкому державному войску, что въ концѣ концовъ осуществилось. Изъ Кіева началось ихъ шествіе къ своей державности. Далекій путь ихъ былъ устланъ терніемъ и политъ потоками крови. Проходя этимъ путемъ, маленькая сначала горсть чехословацкихъ добровольцевъ разрослась до крупныхъ размѣровъ и, обратившись въ великолѣпный гра-

*) Dr. E. Mašín. Česká Družina. Praha 1922.
**) Тамъ-же, стр. 46—47 и «Кіевская Мысль» отъ 29. IX. 1914. Slavnostní list na pamět přísahy na prapor čsl. Družiny v Kyjevě 1914. г.

нитъ, послужила основаніемъ для созданія чехословацкой арміи.

9-го октября (ст. ст.) 1914 года *«чехословацкая дружина»*, въ количествѣ 701 добровольца, выѣхала изъ Кіева на фронтъ. Она была назначена въ распоряженіе генерала Радко Дмитріева, командовавшаго 3-ей арміей, расположенной въ западной Галиціи. Это былъ первый этапъ на ея долгомъ пути.

По прибытіи въ прифронтовую полосу, дружинниковъ разбили на нѣсколько отрядовъ и распредѣлили по разнымъ частямъ для несенія развѣдочной службы.

Сознавалось-ли тогда болѣе широкими общественными и правительственными кругами Россіи великое политическое значеніе этой горсточки славянскихъ борцовъ? Чтобы уразумѣть отвѣтъ на этотъ вопросъ, нужно было знать тогдашнюю Россію.

Славянофильская идея издавна жила въ русскомъ народѣ, а съ половины минувшаго столѣтія вылилась уже въ болѣе реальныя формы. Богатѣйшая литература по вопросамъ славянофильства свидѣтельствуетъ о тѣхъ чувствахъ, которыми руководствовались лучшіе русскіе люди. Какой богатый матеріалъ, какую силу любви къ славянамъ проявилъ русскій народъ въ памятные дни освобожденія балканскихъ славянъ. Но справедливо сказалъ великій русскій поэтъ:

Умомъ Россіи не понять,
Ее аршиномъ не измѣрить,
У ней особенная стать
Въ Россію можно только вѣрить.

Русскій народъ, выросшій на огромныхъ просторахъ своей свободной страны, усвоилъ себѣ нѣсколько иное міровоззрѣніе, чѣмъ славянинъ, жившій на небольшой сравнительно территоріи, порабощенной нѣмцами, мадьярами и турками. Тотъ глубокій всепоглощающій патріотизмъ, которымъ проникнуты малыя славянскія племена, существовалъ въ Россіи въ нѣсколько другомъ видѣ. То, что для другого *славянина* представлялось первостепенною важностью, для *русскаго* было обыкновеннымъ явленіемъ. Это иногда сильно озадачивало славянъ. Не менѣе оза-

дачивало ихъ и то, что славянская идея хотя и жила въ русскомъ народѣ несокрушимо, но славянъ мало знали. Исключеніе составляли лишь славянофильскіе кружки, ученые, высшія правительственныя лица и болѣе образованная часть духовенства. Остальная же часть интеллигенціи при столкновеніи со славянскими вопросами руководствовалась общимъ порывомъ русскаго народа къ славянству, не вникая, какъ слѣдуетъ, ни въ ихъ отдѣльныя стремленія, ни въ ихъ нѣсколько иное міровоззрѣніе. Чувствуя свою силу, русское общество было спокойно за славянъ. Всѣмъ извѣстная характерная фраза «шапками забросаемъ» всесильно жила и живетъ еще въ русскомъ народѣ.

«Умомъ Россіи не понять», въ ней нужно долго жить, нужно слиться съ русскимъ народомъ въ одно, чтобы понять извилины его души, его сложное міровоззрѣніе. «Въ Россію можно только вѣрить», вѣрить прежде всего въ ея прирожденное стремленіе къ славянофильству, въ ея искреннюю готовность помочь всѣмъ, а наиболѣе — своимъ братьямъ славянамъ.

Происходящія нынѣ событія не измѣнятъ души русскаго народа. Десятилѣтнія наслоенія не сотрутъ того, что складывалось тысячелѣтіемъ. Только то долговѣчно, что спаяно любовью. Изъ нынѣшняго испытанія русскій народъ выйдетъ лишь болѣе осторожнымъ и твердымъ въ своихъ дѣйствіяхъ и стремленіяхъ...

При упоминаніи, однако, о славянствѣ, необходимо имѣть въ виду не старую славянофильскую теорію, а народную ея идею, безъ всякихъ наслоеній, создавшихся частью подъ вліяніемъ русской государственности, частью благодаря порабощенному положенію славянъ, гдѣ многое казалось навязаннымъ и стѣсняющимъ ихъ. Нынѣ, благодаря цѣлому ряду измѣнившихся обстоятельствъ и въ особенности освобожденію славянъ, пониманію славянофильской идеи долженъ быть присвоенъ тотъ смыслъ, который соотвѣтствуетъ ея свободолюбивымъ началамъ и который затемнялся лишь отсутствіемъ тѣхъ факторовъ, которые имѣются сегодня. Въ «*православіи*», которое такъ усердно выставляли на первый планъ многіе русскіе славянофилы, заключается пониманіе «вѣры», наиболѣе родственной духу

даннаго славянскаго племени; въ *«самодержавіи»* — самостоятельное управленіе своей страной каждымъ славянскимъ народомъ; а въ *«народности»* — тѣ сокровища, которыя обогащаютъ каждую націю.

Душа русскаго человѣка инстинктивно рвалась къ чехословакамъ при видѣ ихъ «боевой дружины», точно такъ-же, какъ сердца и мысли чехословаковъ естественно стремились къ русскому народу.

Первое столкновеніе «чехословацкой дружины» съ австрійскими войсками произошло 6-го ноября (ст. ст.) 1914 года у деревень Недзелиска и Боржечинъ, сѣверо-западнѣе города Тарнова, въ западной Галиціи. Это было ихъ первое боевое крещеніе, изъ котораго они вышли героями. Чехословацкіе добровольцы не довольствовались, однако, одной только развѣдочной службой, а принимали участіе въ бояхъ и одновременно вели усиленную пропаганду въ славянскихъ полкахъ австрійской арміи, увлекая ихъ на сторону Россіи. Такъ, благодаря ихъ воздѣйствію, къ русскимъ перешли части 28-го пражскаго полка, такъ называемыя *«пражскія дѣти»*, а за ними, уже по собственному почину, послѣдовали и другіе полки: 36-й младоболеславскій, 88-й, большая часть 21-го чаславскаго полка и часть 13-го оломуцкаго ополченскаго полка. «Дружинники» удивляли своей энергіей и дисциплиной. Нерѣдко, получивъ извѣстіе, что противъ нихъ находятся непріятельскія части, составленныя изъ чеховъ или словаковъ, они смѣло шли къ нимъ и черезъ короткое время возвращались съ плѣнными, дружно распѣвая патріотическія пѣсни и шумно привѣтствуя Россію — защитницу славянъ. Иногда они спускались съ Карпатъ въ Словаччину, врывались въ деревни, собирали крестьянъ и призывали ихъ къ работѣ въ пользу освобожденія ихъ родины отъ нѣмцевъ и мадьяръ. Тотъ, кто былъ свидѣтелемъ этихъ самоотверженныхъ трудовъ чехословацкихъ дружинниковъ, долженъ былъ признать за ними полное право на свободу.

Въ декабрѣ 1914 года верховный главнокомандующій великій князь Николай Николаевичъ, придавая огромное политическое значеніе привлеченію на сторону Россіи чешскаго населенія Австріи, разрѣшилъ принимать въ «Дружину» также

желающихъ чехословацкихъ военноплѣнныхъ, причемъ такой пріемъ признавался возможнымъ допускать тотчасъ по взятіи въ плѣнъ.*) Затѣмъ, въ виду потерь въ «Дружинѣ» и отсутствія достаточныхъ источниковъ для ея пополненія, верховнымъ главнокомандующимъ разрѣшено было переводить въ «Дружину» и желающихъ нижнихъ чиновъ чешскаго и словацкаго происхожденія, состоявшихъ въ запасныхъ ополченскихъ частяхъ.*) Немного позже признано возможнымъ установить въ чехословацкихъ добровольческихъ частяхъ также чешскій командный языкъ.*)

Дѣятельность «Дружины» постепенно расширялась, а вмѣстѣ съ ней увеличивался и составъ ея участниковъ. Скоро въ ея рядахъ очутилось много перешедшихъ на сторону Россіи чешскихъ и словацкихъ крестьянъ, учителей, студентовъ, инженеровъ, адвокатовъ, писателей и т. д.

Работа кипѣла...

Не дремали, конечно, и оставшіеся въ тылу. Съ 22 по 26 февраля (ст. ст.) 1915 г. въ Москвѣ происходилъ новый съѣздъ чехословацкихъ общественныхъ дѣятелей, на которомъ положено основаніе «Союзу чехословацкихъ обществъ въ Россіи (Svaz)», получившему назначеніе объединять всѣ работы по развитію «Дружины». Съѣздомъ была послана телеграмма Государю Императору, въ которой излагалась просьба его участниковъ возстановить державныя права чехословаковъ, вѣками стоявшихъ вѣрнымъ стражемъ славянства на крайнемъ западѣ.

Дружная работа и общія стремленія объединяли всѣхъ. Развитіе «Дружины» шло вѣрнымъ шагомъ впередъ. Къ концу 1915 г. на позиціяхъ находилось уже восемь чехословацкихъ ротъ, что дало возможность переименовать «Дружину» 31 декабря 1915 г. въ *Первый чехословацкій стрѣлковый полкъ*, состоявшій изъ восьми ротъ, а также ротъ: пулеметной, резервной, нестроевой и оркестра, — всего 1.600 добровольцевъ. Убыль къ этому времени опредѣлялась: 41 убитымъ, 95 ранеными и 25 безъ вѣсти пропавшими.

Между чехословаками и русскими была полная гармонія,

---

*) См. Приложеніе №: 4, 5, 6.

ненарушавшаяся ничѣмъ, кромѣ мелкихъ инцидентовъ со стороны неуравновѣшенныхъ людей. Русское общество и высшія правительственныя сферы восторгались геройствомъ чехословаковъ. Каждый день приносилъ новыя данныя объ ихъ положительной дѣятельности. Бывшій предсѣдатель совѣта министровъ И. Л. Горемыкинъ при переговорахъ съ нѣкоторыми членами петроградскаго славянскаго общества заявилъ, что самоотверженныя дѣйствія чехословаковъ открываютъ новую эру въ отношеніи русскаго правительства къ славянамъ. «Маленькая горсточка чехословацкихъ дружинниковъ, — сказалъ онъ тогда, — ничтожная, быть можетъ, съ военной точки зрѣнія, въ состояніи увлечь за собою милліоны чехословацкаго населенія въ Австро-Венгріи».

И дѣйствительно, чехословацкіе дружинники, вмѣстѣ съ такой же горстью чешскихъ патріотовъ, работавшихъ на другихъ союзныхъ фронтахъ, увлекли всѣхъ своихъ соотечественниковъ и привели ихъ къ освобожденію своей родины.

Періодъ возвышенныхъ порывовъ, однако, скоро прошелъ. Начались дни суровой дѣйствительности.

Къ чувству великаго долга присоединился страхъ за благополучный исходъ борьбы.

Уже въ первые мѣсяцы войны чувствовалось, что славянская Болгарія останется внѣ славянскаго единенія. Когда же она выступила затѣмъ въ рядахъ враговъ славянства, негодованіе охватило всѣхъ русскихъ. Оно усилилось еще и обнаружившимися крупными недостатками какъ на фронтѣ, такъ и въ тылу. Русскіе славянофилы и нѣкоторыя высшія правительственныя лица отлично понимали, что въ болгарскомъ выступленіи виновны не болгары, а исключительно лишь ихъ царь — Фердинандъ Кобургскій, сумѣвшій использовать слабыя стороны болгарскаго народа. Освобожденные отъ турецкаго ига болгары получили по С.-Стефанскому договору всѣ тѣ земли, объ объединеніи которыхъ съ колыбели мечтаетъ каждый болгаринъ. Если бы это тогда закрѣпилось и не было передѣлано на Берлинскомъ конгрессѣ, болгары не нарушили бы славянскаго согласія и остались бы въ числѣ вѣрнѣйшихъ друзей Россіи и славянства. Слуги нѣмцевъ: царь Фердинандъ и его

единомышленники, сыграли на этихъ священныхъ чувствахъ болгарскаго народа и завели его въ ряды его враговъ. Освободившись отъ нихъ, болгары снова стали добрыми славянами. Достаточно проѣхать по Болгаріи, поговорить съ мѣстными крестьянами, чтобы убѣдиться, какая глубокая преданность къ Россіи наполняетъ ихъ сердца. Такимъ болгаринъ былъ, такимъ онъ останется, не взирая ни на какія козни и ухищренія его враговъ. Однако, большинство русскаго общества истолковало болгарское выступленіе черной неблагодарностью славянъ. Не зная его закулисной стороны, русская интеллигенція, подавленная тяжелыми неудачами на фронтѣ, усумнилась въ силѣ славянскаго единства. Даже въ Государственной думѣ представители лѣвыхъ партій не постѣснялись назвать утопіей мечты о Царьгородѣ и объ освобожденіи чеховъ.

Атмосфера сгущалась.

Въ довершеніе зла, въ нѣкоторыхъ кругахъ стали циркулировать вздорные слухи о сепаратномъ мирѣ съ Австро-Венгріей. Виновникомъ этихъ слуховъ былъ французскій посолъ при Русскомъ Дворѣ Maurice Paléologue. При посѣщеніи 1-го января 1915 года, вмѣстѣ съ англійскимъ посломъ Бьюкененомъ, министра иностранныхъ дѣлъ Сазонова, онъ выразилъ свое мнѣніе: «если бы Австро-Венгрія уступила Россіи Восточную Галицію, а Сербіи — Боснію и Герцеговину, то вопросъ о заключеніи сепаратнаго мира могъ бы, казалось, благополучно разрѣшиться».

Министръ Сазоновъ былъ крайне удивленъ этимъ заявленіемъ.

— А какъ чехи, какъ хорваты, спросилъ Сазоновъ, неужели вы оставили бы ихъ подъ нынѣшнимъ правительствомъ? Это вѣдь, невозможно!

Посолъ Палеологъ указалъ тогда на грозное положеніе Франціи и добавилъ: «въ такіе моменты проблемы чешская и югославянская являются уже второстепенными».

— Нѣтъ, нѣтъ, это невозможно, настойчиво твердилъ министръ Сазоновъ, до этого мы никогда не допустимъ; нужно будетъ совершенно разбить Австро-Венгрію (Il faudra démembrer l'Autriche-Hongrie).

Но Палеологъ не унимался. При новой встрѣчѣ съ министромъ Сазоновымъ 31-го марта 1915 года, онъ снова поставилъ на первый планъ интересы Франціи и Италіи, и когда снова встрѣтилъ категорическія возраженія въ пользу славянъ, настойчиво заявилъ, что союзники взялись за оружіе ради защиты Сербіи и недопущенія на Балканахъ господства Германіи, а не ради реализаціи какихъ бы то ни было славянскихъ химеръ (mais nous ne nous battons pas pour réaliser les chimères du slavisme)».*)

Эти разговоры, какъ и другіе подобные имъ, сильно нервировали общество и въ свою очередь вызывали дальнѣйшія умозаключенія. Къ нимъ присоединился еще и новый вопросъ о созданіи «Малой Австріи», въ составъ которой Чехія должна была войти въ качествѣ автономной области. Виновникомъ распространенія этихъ слуховъ былъ тотъ же Палеологъ, извлекавшій разнаго рода вопросы изъ богатой фантазіями парижской прессы. Въ своей книгѣ: «La Russie des tsars pendant la grande guerre» (стр. 201) онъ ссылается на согласіе, выраженное по этому вопросу русскимъ Императоромъ, о которомъ, однако, никогда не слышалъ министръ Сазоновъ и которое всецѣло противорѣчило курсу тогдашней русской политики. Русская политика крѣпко держалась тогда той программы, которая была намѣчена въ началѣ войны. Но выступленіе Болгаріи, вздорные слухи о возможности сепаратнаго мира съ Австро-Венгріей, сдача Перемышльской крѣпости, отступленіе изъ Галиціи, афера бывшаго военнаго министра Сухомлинова и цѣлый рядъ обнаружившихся въ арміи недостатковъ и неурядицъ сильно волновали русское общество.

Эти волненія передались чехословакамъ. Они вызвали среди нихъ сильное недоумѣніе, а вмѣстѣ съ тѣмъ и опасеніе за благополучный исходъ войны. Стараясь обезпечить себя отъ проявившихся уже тогда признаковъ общей болѣзни русскаго организма, предвѣстниковъ разразившейся впослѣдствіи бури, чехословаки стремились осуществлять свои надежды въ самомъ

*) M. Paléologue. La Russie des tsars pendant la grande guerre. T. I. Paris (стр. 246—247 и 336).

тѣсномъ союзѣ съ Россіей, но уже внѣ разныхъ постоянно чередовавшихся въ ней вліяній.

Какъ разъ къ этому времени относится возникновеніе парижской «Чехословацкой Національной Рады», основанной со спеціальной цѣлью объединять и поддерживать все чехословацкое освободительное движеніе заграницей. Во главѣ этой организаціи сталъ популярнѣйшій въ то время чешскій политическій дѣятель проф. Масарикъ, впослѣдствіи президентъ Чехословацкой республики. Его дѣятельность и патріотическіе призывы подняли духъ чехословацкаго войска и дали ту спайку, которая сохранила его цѣльность до полнаго освобожденія родины.

12-го апрѣля (ст. ст.) 1916 г. въ г. Кіевѣ состоялся новый съѣздъ представителей чехословацкихъ обществъ въ Россіи. Въ немъ приняли участіе также представители «Чехословацкой Дружины» офицеры: Чечекъ, Сыровый, Швецъ и другіе. На съѣздѣ было прочтено привѣтственное письмо предсѣдателя парижской «народной рады» проф. Масарика, вызвавшее общій восторгъ. На немъ же было постановлено обложить всѣхъ проживающихъ въ Россіи чехословаковъ особымъ налогомъ на военныя нужды, разсмотрѣнъ цѣлый рядъ первостепенныхъ вопросовъ, касающихся принятія мѣръ къ наиболѣе широкому развитію «Дружины». и оглашены полученныя съѣздомъ привѣтствія, между которыми телеграмма предсѣдателя Государственной Думы Родзянко, съ пожеланіемъ успѣха въ трудахъ на пользу общеславянскаго дѣла, произвела на всѣхъ участниковъ особенно сильное впечатлѣніе.*)

Спайка была крѣпкая, но, какъ упоминалось раньше, подъ вліяніемъ неудачъ, разныхъ слуховъ, нестроеній и т. п., закрадывалось опасеніе за благополучный исходъ войны. Ему особенно поддались нѣкоторые члены «Дружины», главнымъ образомъ тѣ военноплѣнные, которые не успѣли еще свыкнуться съ условіями русской жизни и съ трудомъ улавливали ихъ значеніе.

На этой почвѣ возникли излишнія заподозрѣванія въ

*) Za svobodu, Kronika čsl. hnuti na Rusi..

германофильствѣ и измѣнѣ многихъ русскихъ, къ числу которыхъ они причислили даже царскій дворъ и особенно императрицу Александру Феодоровну. Объ этихъ заподозрѣваніяхъ упоминается во многихъ чешскихъ сочиненіяхъ, посвященныхъ пребыванію чехословацкаго войска въ Россіи. Но они несправедливы. Что въ Россіи было много германскихъ агентовъ, — это не подлежитъ сомнѣнію. Во время войны не церемонятся. Но оправдывать свои опасенія обвиненіями императрицы Александры Феодоровны въ германофильствѣ и въ ея покровительствѣ тогдашнимъ врагамъ Россіи и Славянства, нѣсколько рисковано. Александру Феодоровну можно обвинять въ ея непомѣрномъ вмѣшательствѣ въ государственныя дѣла, въ ея благоговѣніи передъ Распутинымъ, въ ея неумѣлой оцѣнкѣ людей и событій, но для обвиненія въ германофильствѣ и измѣнѣ во время войны русскому народу, никакихъ данныхъ не имѣется. Въ одномъ изъ своихъ интимныхъ писемъ къ Вырубовой, отъ 3-го марта 1918 года, императрица изъ своего заточенія писала: *«Такой кошмаръ, что нѣмцы должны спасти всѣхъ и порядокъ навести. Что можетъ быть хуже и болѣе унизительно, чѣмъ это. Боже, спаси и помоги Россіи. Одинъ позоръ и ужасъ».* *)

При царѣ Николаѣ II въ послѣдніе годы его царствованія не было того *«двора»*, о какомъ составили себѣ понятіе иностранцы. Царь и царица жили уединенно, въ кругу своей ближайшей семьи, безъ той роскоши, которая раньше всегда господствовала при русскомъ дворѣ и безъ того сонма разныхъ царедворцевъ, которыми были окружены прежніе цари. Единственными, имѣвшими возможность близко и постоянно наблюдать жизнь царя и царицы, были воспитатели ихъ дѣтей, особенно Наслѣдника Цесаревича, который пользовался особенной любовью своихъ родителей. И вотъ эти воспитатели: французъ Гильяръ и русскій К. Петровъ — оба сознательные патріоты, съ спокойной совѣстью заявляютъ объ истинно русскомъ отношеніи Императрицы къ великой войнѣ и о ея русскомъ патріотизмѣ. Царя и Царицу постигла трагическая участь, равной которой нѣтъ въ исторіи. Они нечеловѣческими страданіями искупили

*) А. Танѣева (Вырубова): Страницы изъ моей жизни. 1923 г.

и свои грѣхи и грѣхи своихъ отцовъ, они не склонились передъ врагами Россіи даже въ ужаснѣйшіе моменты своей мученической кончины, — пусть же не тяготитъ надъ императрицей бездоказанное обвиненіе въ измѣнѣ русскому народу.

Обвинять чехословаковъ въ ихъ преувеличенныхъ опасеніяхъ, конечно, нельзя. Опасались не только они, но и многіе русскіе. Всѣхъ охватилъ страхъ передъ неблагополучнымъ исходомъ великой борьбы, для которой жертвовали жизнью милліоны людей. Великій патріотизмъ чеховъ проявился и въ ихъ сильномъ сопротивленіи всему, что, какъ имъ казалось, мѣшало достиженію ихъ завѣтныхъ желаній.

Къ концу марта 1916 года чехословацкая дружина, состоявшая до того времени изъ одного полка, настолько увеличилась, что пришлось образовать уже второй полкъ. Изъ этихъ двухъ полковъ была образована затѣмъ бригада, которая оперировала на огромномъ пространствѣ отъ Пинскихъ болотъ до румынской границы, распредѣленная между разными русскими военными частями. Къ 1-му декабря 1916 года въ чехословацкой бригадѣ было 5.750 добровольцевъ, изъ коихъ 3.250 въ первомъ и 2.500 во второмъ полку. Въ сравненіи съ русской арміей этотъ чехословацкій отрядъ былъ очень незначителенъ, но не чехи въ этомъ виновны, а тѣ условія, среди которыхъ они находились. Когда эти условія измѣнились, чехи сразу же собрали болѣе 50.000 добровольцевъ. Но и прежняя, незначительная часть, сумѣла проявить чудеса храбрости, дѣйствуя нерѣдко противъ значительно сильнѣйшаго противника. Уже къ началу октября 1915 года въ чешскихъ ротахъ число георгіевскихъ кавалеровъ было слѣдующее: въ 1-ой ротѣ — всѣ, во 2-ой ротѣ — 75%, въ 3-ей — 50% и въ 4-ой — 40%.*) Видный членъ государственнаго совѣта Е. П. Ковалевскій заявилъ передъ народными представителями, что заслуги чехословацкихъ дружинниковъ обрисовываются все болѣе рельефно и что изъ 1.500 чехословацкихъ добровольцевъ — 500 награждены Георгіевскими крестами. Главный редакторъ издававшагося въ Кіевѣ «Чехослована» В. Швиговскій призывалъ: «Позоръ тѣмъ,

*) Dr. E. Mašin: Česká Družina (стр. 90).

которые вернутся изъ Россіи плѣнными, а не дружинниками».

Отношенія къ чехамъ не измѣнялись. Въ мѣсяцѣ декабрѣ 1916 года Государь Императоръ на привѣтственную телеграмму московскаго чешскаго общества отвѣтилъ, что онъ глубоко тронутъ выраженными чувствами преданности Россіи и славянству и увѣренъ, что *чехи не будутъ обмануты въ своихъ ожиданіяхъ*. Въ другой же отвѣтной телеграммѣ, по поводу присоединенія нѣкоторыхъ чеховъ къ православію, Государь Императоръ выразился: «Радъ случаю высказать чехословакамъ мою искреннюю признательность за ихъ самоотверженную помощь въ дѣлѣ освобожденія славянъ. А по поводу телеграммы 200 чехословацкихъ офицеровъ, поздравлявшихъ русскаго царя съ Новымъ 1917 годомъ, онъ отвѣтилъ: «Добывайте свободу своему славному чехословацкому народу вооруженной силой и въ рядахъ русской арміи».

Но поднять нарушенное между нѣкоторыми чехословаками настроеніе было уже трудно, трещины обнаруживались повсемѣстно. Чувствовались какіе-то неясные признаки приближающейся грозы. Прежніе порывы понижались. Въ предчувствіи событій мѣнялись и настроенія. Къ этому времени относятся также крупные споры между самими чехами. Главной причиной недоразумѣній было поведеніе прибывшаго въ Россію особаго уполномоченнаго чехословацкой «Національной Рады» г. Дириха.

Русское правительство, какъ сказано выше, все время относилось весьма сочувственно къ чехословакамъ, но по политическимъ соображеніямъ хотѣло, чтобы ихъ работа происходила въ сферѣ его непосредственнаго вліянія. Правительство цѣликомъ довѣряло союзникамъ, но оно не желало, чтобы такое дѣло, какъ славянское, находилось подъ тѣмъ или другимъ вліяніемъ кого нибудь изъ нихъ. Кромѣ того, русское правительство боялось — какъ бы чешскій вопросъ, руководимый изъ Парижа, не попалъ въ сферу иностраннаго вліянія и тѣмъ не нарушилъ бы той гармоніи, которую оно старалось придать славянству. Здѣсь не было ни малѣйшей тѣни какого-либо нерасположенія къ славянамъ, а исключительно вышеприведенное обстоятельство.

Правительство сдѣлало ошибку въ томъ лишь отношеніи, что не постаралось войти съ чехословаками во всесторонее обсужденіе ихъ желаній, а ограничилось разговоромъ съ однимъ Дирихомъ, не реагировавшимъ, къ сожалѣнію, на имѣвшіяся въ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ одностороннія свѣдѣнія о чешскомъ движеніи заграницей. Эта ошибка повлекла за собой и послѣдующія. Россійское правительство, не желая допустить, чтобы чешскимъ движеніемъ въ Россіи руководила организація, находящаяся заграницей, рѣшило создать соотвѣтствующій органъ въ самой Россіи и съ этой цѣлью поручило чиновнику министерства иностранныхъ дѣлъ г. Приклонскому выработать соотвѣтственныя правила. Послѣднія, однако, не только не удовлетворили чеховъ, но заставили нѣкоторыхъ изъ нихъ заподозрить въ данномъ дѣлѣ руку ихъ враговъ. На основаніи выработаннаго г. Приклонскимъ устава, чехословацкая «народная рада въ Россіи» возглавлялась предсѣдателемъ Дирихомъ, независимымъ ни отъ кого и работавшимъ исключительно лишь подъ контролемъ министерствъ иностранныхъ и внутреннихъ дѣлъ. Г. Приклонскій, вмѣсто того, чтобы проникнуться высокимъ политическимъ значеніемъ чехословацкаго движенія и его важностью для государства, разрѣшилъ весь этотъ вопросъ въ рамкахъ обычныхъ формъ существовавшаго для разныхъ обществъ закона. Министерство же, опираясь исключительно на сочувствіе одного г. Дириха и на отзывы несерьёзныхъ информаторовъ, препроводило все дѣло въ совѣтъ министровъ, который 29-го января 1917 года утвердилъ уставъ и одновременно съ тѣмъ назначилъ Дириху просимую министерствомъ субсидію. Такое положеніе дѣла и особенно назначеніе Дириху субсидіи, вызвало недоумѣніе среди большинства чеховъ. Многіе увидѣли въ этомъ умышленное желаніе нарушить единство ихъ національныхъ организацій, возглавляемыхъ проф. Масарикомъ. Въ свою очередь и парижская «Національная Рада», узнавъ о принятіи Дирихомъ субсидіи, устранила его отъ возложенныхъ на него обязанностей и назначила уполномоченнымъ для Россіи — д-ра М. Штефаника.

Нѣкоторые писатели хотятъ доказать, что въ то время между чехословаками образовались два лагеря: одинъ — желавшій ра-

ботать при исключительномъ содѣйствіи одной Россіи и съ Дирихомъ во главѣ; другіе — расширявшіе эту работу до одинаковаго содѣйствія всѣхъ союзниковъ и подъ непремѣннымъ руководствомъ профессора Масарика. Этого, однако, не было. Дириха никто не поддерживалъ. Существовали только различныя мнѣнія относительно ликвидаціи этого вопроса. Солидарность никогда не покидала чеховъ. Она не покинула ихъ и въ надвигавшіеся дни великой разрухи.

Русская революція 1917 года внесла новую струю въ жизнь чехословацкихъ легіонеровъ въ Россіи.

2.

Февральская революція застала «Чехословацкую Дружину» на юго-западномъ фронтѣ. Революція проникла во всѣ слои населенія и, благодаря участію въ ней членовъ Государственной Думы, пробудила новыя надежды. Она обѣщала устранить прежніе недостатки. Такого мнѣнія держались многіе, такъ хотѣли вѣрить и чехословаки. Предсѣдатель парижской «національной Рады» проф. Масарикъ привѣтствовалъ предсѣдателя Государственной Думы Родзянко словами: «Сбываются идеалы лучшихъ славянофиловъ. Славянство будетъ великимъ не только въ географическомъ смыслѣ, но и въ духовномъ».*) Посылали привѣтствія новому правительству и разныя чехословацкія организаціи. Новый министръ иностранныхъ дѣлъ Милюковъ счелъ нужнымъ заявить, что главной задачей русскаго правительства на предстоящемъ міровомъ конгрессѣ будетъ освобожденіе австро-венгерскихъ славянъ и созданіе чехословацкой державы. Это вызвало среди чехословаковъ сильный подъемъ духа и энергіи. Серьезность момента еще больше сплотила ихъ. «Дириховская рада» пала сама собой, не находя уже опоры во вновь слагавшемся режимѣ. Парижская «Національная Рада» была признана единственнымъ органомъ, объединявшимъ все освободительное

*) Za svobodu. Kronika čs. rev. hnutí na Rusi 1914—1920. (стр. 678—679). Praha.

движеніе чехословаковъ заграницей. Для завѣдыванія имъ въ Россіи, былъ избранъ особый 30-членный совѣтъ, явившійся отдѣломъ центральной «Парижской Рады». Съ цѣлью укрѣпить между чехами единство и выяснить имъ ихъ задачи, въ Россію прибылъ предсѣдатель «Парижской Рады» проф. Масарикъ. Его прибытіе вызвало большую заинтересованность среди всѣхъ чехословаковъ. Отъ него они надѣялись получить духовное подкрѣпленіе и выясненіе многихъ волновавшихъ ихъ вопросовъ.

Съ фронта, однако, приходили недобрыя вѣсти. Русская революція, какъ вскорѣ оказалось, сдѣлала слишкомъ смѣлый скачекъ впередъ и населеніе оказалось почти совершенно неподготовленнымъ къ воспринятію ея идей. Этой неподготовленностью воспользовались враги. Стало вырисовываться, что нѣмцы готовятся нанести русской арміи ударъ не оружіемъ, а моральнымъ ея развалomъ. На фронтѣ появились агитаторы. Стали распространяться издаваемыя нѣмцами русскія газеты «Россійскія Вѣсти», «Недѣля» и др. Къ фронту направлялись цѣлые поѣзда съ водкой для братанія и обмѣна на хлѣбъ. Туда-же доставлялись готовые плакаты съ революціонными надписями: «Долой войну, земля народу» и т. д. Дѣятельность разныхъ запродавшихся Германіи личностей и организацій обнаружилась въ полной силѣ. Сначала еще какая-то сила сдерживала войска отъ полнаго развала, но потомъ все ярче и опредѣленнѣе стали расшатываться всѣ устои порядка и законности.

Новое русское правительство старалось принимать мѣры къ поднятію духа въ войскахъ и къ предовращенію грозы. Оно прилагало огромныя усилія, чтобы удержать фронтъ и подготовить новую офензиву. Но его безсиліе было очевидно. Правительство не могло противостоять событіямъ, которыя съ самаго начала оказались сильнѣе его. Кромѣ того большая часть правительственныхъ мѣропріятій не шла по путямъ, диктуемымъ моментомъ. Нѣкоторыя правящія лица увлекались, рисовались и удивляли своими необдуманными поступками. Представившейся министру Керенскому делегаціи отъ чехословацкаго войска онъ, не задумываясь, сказалъ: «Не дамъ себя увлечь тѣми дѣйствіями, которыми руководствуются чехи

въ борьбѣ со своимъ правительствомъ. Имѣя конституцію, они могли свергнуть ненавистное правительство, но идти на фронтъ сдаваться противнику, къ такимъ нерыцарскимъ поступкамъ не могу имѣть симпатій.»*)

Эти слова были сказаны министромъ въ труднѣйшіе моменты жизни русскаго народа, когда къ каждому слову прислушивались, когда каждую мысль взвѣшивали.

Событія, однако, оказались сильнѣе этихъ заявленій. Чехословаки руководствовались не словами, а долгомъ, диктовавшимъ имъ стойко защищать свои позиціи. Они прислушивались къ словамъ ген. Корнилова, вспоминавшаго о томъ, какъ чешскій солдатъ Ф. Р. Мрнякъ, рискую жизнью, помогъ ему бѣжать изъ австрійскаго плѣна, и съ какой самоотверженностью чехословацкіе добровольцы сражались въ его 48-ой дивизіи. Ихъ манили его горячіе призывы къ борьбѣ и его вѣра въ то, что побѣда Россіи будетъ одновременно побѣдой славянства. И они старались въ эти трудные для русскаго народа дни доказать эту свою любовь и преданность на дѣлѣ.

Въ мѣсяцѣ іюнѣ 1917 года чехословацкая бригада была переведена въ распоряженіе 49-го корпуса 11-ой арміи, въ м. Езерно, въ 20 километрахъ на западъ отъ г. Тарнополя. Этотъ районъ былъ избранъ для наступленія русскихъ революціонныхъ войскъ противъ нѣмцевъ. По предварительно выработанному плану, главный ударъ предполагалось произвести 1-го іюля 7-ой арміей ген. Бельковича, южнѣе гор. Бережанъ, на позиціи нѣмецкой арміи ген. Ботмера. Одиннадцатой же арміи, въ составъ которой входила чехословацкая бригада, предназначался второстепенный фронтовой ударъ. Прорывъ фронта ожидался у Бережанъ, что являлось главной задачей и успѣхомъ предпринятаго наступленія. Противъ 11-й русской арміи стояла 4-ая австро-венгерская армія ген. Кробатина.

Въ ночь на 22-ое іюня полки чехословацкой бригады подъ командой русскаго полковника Троянова заняли предназначенные для нихъ окопы юго-западнѣе м. Зборова. Въ теченіи

---

*) Za svobodu. Kronika čsl. hnutí na Rusi (стр. 748).

10 дней они могли ознакомиться съ мѣстомъ своего расположенія. Воодушевленіе было велико. Всѣ съ нетерпѣніемъ ожидали рѣшительнаго дня.

1-го іюля (нов. ст.), въ назначенное для этого время, 7-ая армія ген. Бельковича начала наступленіе южнѣе Бережанъ, гдѣ завязалась большая кровопролитная битва. Одновременно съ тѣмъ начала наступленіе и 11-ая армія ген. Эрдели. Послѣдняя у села Конюхи неожиданно прорвала фронтъ глубиной въ 5 верстъ.

Чехословацкая бригада оставалась въ этотъ день пассивной зрительницей. Только на второй день ей предстояло выступить для дальнѣйшаго развитія одержаннаго успѣха. Противъ чехословаковъ стояло 12.000 австрійцевъ. Чехословацкая-же бригада состояла всего изъ 3.530 человѣкъ, изъ коихъ 1900 были въ окопахъ, а остальные въ резервѣ.

2-го іюля въ 9 часовъ утра началась артиллерійская перестрѣлка. Нѣмцы сосредоточили огонь, главнымъ образомъ, на участкахъ расположенія чехословацкой бригады. Насталъ настоящій адъ. Чехи находились въ узкихъ окопахъ. Надъ ними рвались непріятельскія шрапнели и гранаты и засыпали ихъ землей. Окутанные дымомъ и пылью, оглушенные ревомъ рвущихся снарядовъ, они ждали смерти. Нервы были напряжены до крайности. 45 минутъ адской подготовки казались вѣчностью. Наконецъ, послѣдовалъ приказъ къ наступленію. Всѣ рванулись, какъ одинъ человѣкъ. Сильный непріятельскій огонь не давалъ, однако, возможности продвинуться впередъ. Ротный командиръ поручикъ Швецъ скомандовалъ второй..., третій разъ. Пройти черезъ этотъ артиллерійскій огонь казалось невозможнымъ. Тогда поручикъ Швецъ самъ бросился впередъ, а за нимъ скорымъ бѣгомъ двинулись и остальные. Всѣхъ охватила боевая горячка. Среди дыма, пороха, грохота снарядовъ и криковъ раненыхъ подвигались ряды чехословацкихъ добровольцевъ. Черезъ мгновеніе они были уже у непріятельскихъ окоповъ. Начался ужасный бой. Надъ ихъ головами рвались снаряды непріятельскіе и свои. За страшнымъ грохотомъ нельзя было разслышать ни слова. Со стороны непріятеля одни бѣжали, другіе сдавались, третьи ожесточенно

сражались. Нужно было напрягать всѣ усилія, чтобы не растеряться въ этой кошмарной обстановкѣ. Силы чехословаковъ начали слабѣть. Безъ скорой помощи имъ угрожала гибель. Въ этотъ тяжелый моментъ чешскій капитанъ Гайда принялъ командованіе 2 полкомъ и съ резервами бросился на помощь изнывающимъ борцамъ. Настроеніе сразу приподнялось. Соединенными силами, послѣ упорнаго боя, была взята первая линія австрійскихъ окоповъ на всемъ протяженіи расположенія чехословацкой бригады. Черезъ три четверти часа была занята вторая линія, а затѣмъ и третья. Нѣмцы нѣсколько разъ пытались идти въ контръ-атаку, но чехословаки удачно ихъ отбивали. Каждый шагъ, каждая пядь земли брались съ бою. Только благодаря нечеловѣческимъ усиліямъ и изумительной храбрости, чехословакамъ удалось прорвать фронтъ на протяженіи 6 верстъ, глубиною въ 2—4 версты. При этомъ они захватили въ плѣнъ 4.200 солдатъ, а также отняли у непріятеля 21 орудіе, 45 пулеметовъ и огромное количество винтовокъ, которыя тутъ же были обращены противъ врага. Изъ числа взятыхъ въ плѣнъ, много чешскихъ солдатъ тотчасъ же вступило въ чехословацкую бригаду въ качествѣ добровольцевъ.*)

Такимъ образомъ, фронтъ былъ прорванъ тамъ, гдѣ этого никто не ожидалъ. Чехословаки показали чудеса храбрости и покрыли свои молодыя знамена неувядаемой славой. *Боемъ у Зборова они смыли свое рабство и получили полное право на свободу*. Братская могила въ близъ лежащей деревнѣ Цецова, гдѣ покоятся павшіе въ бою ихъ соратники, — великій памятникъ ихъ борьбы за освобожденіе своего народа. «*Тѣ, кто пали, не даромъ воевали*». Эти слова президента чехословацкой республики проф. Масарика, невольно приходятъ на мысль, глядя на «цецовскую братскую могилу». Своей смертью подъ Зборовомъ чехословацкіе добровольцы уничтожили безгосударственное состояніе униженнаго и искалѣченнаго чешскаго народа и двинули его на путь къ возрожденію. Живымъ памятникомъ этой славной битвы является, между прочимъ, нынѣшній

---

*) См. Сочиненія о Зборовской битвѣ: dra Šteidlera, dra Kudela, R. Medeka, J. Papoušeka, R. S. Čečeka и другихъ.

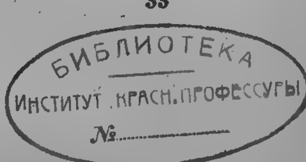
начальникъ генеральнаго штаба чехословацкой республики генералъ Сыровый, съ повязкой на глазу, простреленномъ подъ Зборовомъ. Въ той же битве былъ раненъ поручикъ Гусакъ, впоследствіи военный министръ Чехословацкой республики; въ ней же участвовалъ и нынешній начальникъ военной канцеляріи президента республики — генералъ Чечекъ.

После битвы у Зборова чехословаки сделались героями дня. Все восхищались ихъ выдержкою; со всехъ сторонъ неслись къ нимъ приветствія. Даже бывшій ихъ недоброжелатель, тогдашній военный министръ Керенскій, приветствовалъ ихъ самымъ торжественнымъ образомъ и обещалъ въ дальнейшемъ самую широкую поддержку. Всеми чувствовалось, что эта маленькая горсточка славянскихъ храбрецовъ совершила великое дело. Битвой подъ Зборовомъ она выдержала строгое испытаніе въ зрелости своего національнаго войска.

Дальнешее участіе чехословацкихъ добровольцевъ развивалось въ томъ же направленіи. Не взирая на крайнюю усталость, они продолжали стойко стоять на страже своихъ завоеваній. Но развить достигнутый успехъ было уже невозможно.

Начался трагическій развалъ русской арміи. Все надежды, возлагавшіяся на эту офензиву — пропали. Развалъ принималъ съ каждымъ днемъ все более широкіе размеры. Чехословаки были ошеломлены. Они пытались остановить взбунтовавшіяся массы русской арміи. Но это было вне человеческихъ силъ. Въ этомъ гигантскомъ хаосе, когда десятки тысячъ русскихъ солдатъ братались съ немцами, продавали имъ свое оружіе, убивали своихъ офицеровъ, бросали фронтъ и дикими ордами уходили въ тылъ, опустошая на своемъ пути все, что попадалось имъ подъ руки, — въ это кошмарное время всеобщаго сумасшествія н озвеpенія, одни чехословаки сохранили спокойствіе, не нарушили дисциплины и остались на своихъ местахъ, — верные долгу.

Видя развалъ русской арміи, немцы кинулись за отступавшими. Противъ этого натиска трудно было устоять, но *чехословаки и тутъ показали свою устойчивость и выдержку. Отступая шагъ за шагомъ, они, подъ командой шт. кап. Гайды и пор. Чечека, выдержали несколько боевъ и сдержали стихійное*

наступленіе непріятельскихъ массъ. Этимъ молодыя чехословацкія войска показали не только свою боевую доблесть, но и никогда незабываемое благородство по отношенію къ своимъ русскимъ соратникамъ. Въ то время всѣ признаки побѣды исчезли и только горсточка упорно стоявшихъ противъ врага чехословаковъ все еще не падала духомъ и продолжала вѣрить.*)

Одновременно съ выступленіемъ чехословацкой бригады подъ Зборовомъ, дѣйствовала еще небольшая чешская группа добровольцевъ въ 8-ой арміи ген. Корнилова. И она проявила ту же устойчивость и ту же храбрость, что и ихъ братья подъ Зборовомъ. 29 іюня этотъ чешскій отрядъ прибылъ на фронтъ къ г. Тысменица. Въ назначенное для наступленія время они дружнымъ ударомъ выбили непріятельскія войска изъ первыхъ окоповъ, потомъ, совмѣстно съ русскими частями, взяли, послѣ жестокихъ боевъ, вторую линію и наконецъ и третью. Но и тамъ произошло то, что случилось на другихъ фронтахъ. Развалъ русской арміи былъ повсемѣстный. Зараза сдѣлала свое дѣло. Она охватила всѣхъ.

Послѣ этихъ кошмарныхъ дней чехословацкая бригада сосредоточилась къ концу м. іюля у ст. Полонное, близъ ст. Шепетовка на Волыни, а корниловская добровольческая группа въ г. Проскуровѣ, Подольской губ. Тогда же, съ разрѣшенія правительства былъ произведенъ въ лагеряхъ военноплѣнныхъ наборъ новыхъ чехословацкихъ добровольцевъ. Въ короткое время бригада увеличилась до 30.000 человѣкъ и была переименована въ Первую Гуситскую Стрѣлковую Дивизію. Одновременно съ тѣмъ приступлено къ формированію артиллерійскаго дивизіона, а также второй дивизіи. Тогда же часть чехословацкихъ войскъ (около 2.000 добровольцевъ) была отправлена черезъ г. Архангельскъ на французскій фронтъ.

Въ Россіи началось смутное время. Развалъ продолжался. Отъ былой русской арміи остались жалкіе остатки. Разруха захватила всѣ слои общества. Разныя народности стали предъ-

*) Dr. Šteidler. Čs. hnutí na Rusi.
Dr. Kudela J. O slavné bitvě u Zborova.
Za svobodu. Kronika čsl. hnutí na Rusi.

являть свои требованія. Правительство Керенскаго было безсильно справиться. Оно не могло бороться ни съ возраставшей анархіей, ни съ все настойчивѣе выступавшими большевиками. Чехословацкое войско находилось тогда на Украинѣ, гдѣ происходилъ такой же хаосъ, какъ и въ другихъ частяхъ Россіи. Украинскіе націоналисты прогрессировали въ своихъ требованіяхъ. Чѣмъ хуже было въ центрѣ, тѣмъ упорнѣе шло сопротивленіе на мѣстахъ. На ряду съ украинскими національностами на Украинѣ выступали также и мѣстные большевики. Нестроенія распространялись повсемѣстно и неудержимо. Чехословаки оставались пассивными зрителями происходившаго.

Прибывшій въ началѣ мая 1917 г. въ Петербургъ предсѣдатель парижской «Народной Рады» проф. Масарикъ призывалъ чехословаковъ къ терпѣнію, къ соблюденію нейтралитета и къ невмѣшательству во внутреннія дѣла Россіи. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ старался убѣдить и чехословаковъ, и русскихъ, въ необходимости довести войну до благополучнаго конца. Въ одной изъ своихъ рѣчей, произнесенныхъ имъ во время пребыванія въ Петроградѣ, онъ заявилъ: «Для всѣхъ нужна сильная Россія. Безъ нея чешская независимость лишится необходимой опоры. Это одинаково важно, какъ для чеховъ, такъ и для поляковъ и югославянъ. Если Россія не перенесетъ кризиса, это будетъ большой минусъ для всѣхъ славянъ».*) Чехословаки чутко прислушивались къ словамъ своего народнаго вождя и дружно рвались въ бой противъ врага. Но факты говорили уже за то, что дальнѣйшая борьба на русскомъ фронтѣ становилась безнадежной.

Почти три года сражались чехословаки въ рядахъ русской арміи. Они начали свою дѣятельность скромными попытками пособить Россіи въ ея войнѣ противъ общихъ враговъ. Въ теченіе всего этого времени они развивали свою дѣятельность самымъ интенсивнымъ образомъ и закончили ее Зборовомъ. Несмотря на цѣлый рядъ всевозможныхъ затрудненій, они до конца остались вѣрными своимъ симпатіямъ къ русскому народу и стойкими въ достиженіи намѣченныхъ задачъ. Во время раз-

*) Za svobodu. Kronika čs. revol. hnutí na Rusi. Praha.

вала русской арміи чехословаки, за исключеніемъ небольшой кучки увлекшихся, остались на мѣстахъ, сохранили порядокъ и старались удержать въ такомъ и своихъ русскихъ соратниковъ. Безъ ропота, безъ тѣни разочарованія или усталости, они дружно шли впередъ съ непоколебимой вѣрой въ торжество своихъ идей. Съ какимъ примѣрнымъ самоотверженіемъ они несли свою службу, видно изъ того, что, напримѣръ, 5-ая рота чехословацкой дружины съ 15-го іюня 1915 года по конецъ февраля 1916 года, т. е. въ теченіе 8½ мѣс., работала безсмѣнно на позиціяхъ, не зная малѣйшаго отдыха. Цѣлый рядъ приказовъ по войскамъ лучше всего свидѣтельствуетъ о несомнѣнной преданности чехословаковъ Россіи и объ ихъ самоотверженной храбрости.

Въ приказѣ начальника пятой дивизіи отъ 16-го ноября 1914 года, за №78, былъ объявленъ списокъ чехословацкихъ добровольцевъ, заслужившихъ георгіевскіе кресты за лихую развѣдку, произведенную 14 ноября и закончившуюся тѣмъ, что противникъ былъ загнанъ въ рѣку Рабу, а 39 непріятельскихъ солдатъ захвачено въ плѣнъ.

Командиръ 21-го корпуса объявилъ 15-го марта 1915 года горячую благодарность чехословацкимъ добровольцамъ за ихъ энергичныя дѣйствія при аттакѣ высоты 333-й въ ночь съ 8 на 9 марта того же года.

Въ приказѣ по войскамъ 3-ей арміи отъ 28-го іюня 1925 года, за №397, объявлено, что боевая дѣятельность «чехословацкой дружины» запечатлѣна смертью многихъ доблестныхъ добровольцевъ и оцѣнена награжденіемъ многихъ оставшихся въ живыхъ георгіевскими крестами.

Начальникъ 45-й пѣхотной дивизіи отъ 17-го іюля 1915 года, за № 222, свидѣтельствовалъ, что за время нахожденія второй роты чехословацкой дружины въ составѣ его дивизіи, она проявила неутомимую энергію и беззавѣтную храбрость, чѣмъ принесла крупную пользу общему дѣлу.

Въ приказѣ начальника 42-й пѣхотной дивизіи отъ 5-го августа 1915 года, за № 156, было объявлено, что дѣйствія чехословацкихъ добровольцевъ постоянно происходили подъ сильнымъ непріятельскимъ огнемъ и что вся дивизія приноситъ имъ

сердечное русское «спасибо» за ту несомнѣнную и крупную пользу, которую чехословацкая дружина принесла русскому и общеславянскому дѣлу.

Начальникъ штаба 70-ой пѣхотной дивизіи отъ 30-го іюля 1915 года, за № 252, объявилъ, что въ критическій для дивизіи моментъ 5-ая рота чехословацкой дружины задержала натискъ германцевъ, угрожавшихъ мортирной и полевой батареямъ и флангу дивизіи.

Въ приказѣ начальника 44-й дивизіи отъ 19 сентября 1915 года, за № 401, указывалось на то, что всѣ добровольцы первой роты чехословацкой дружины награждены георгіевскими крестами и что дивизія съ чувствомъ братской признательности благодаритъ ихъ и вѣритъ, что, при такой самоотверженной и дружной работѣ братьевъ чеховъ, недалекъ часъ полнаго освобожденія всѣхъ славянъ отъ «ненавистнаго тевтонскаго ига».

Приказомъ по войскамъ 3-ей арміи отъ 24-го сентября 1915 года, за № 517, было объявлено, что командиръ 5-й роты чехословацкой дружины подпоручикъ Чечекъ прогналъ въ ночь съ 11-го на 12-е декабря 1914 года противника въ тылъ, вынудилъ находившуюся въ окопахъ непріятельскую роту положить оружіе, взялъ въ плѣнъ 115 австрійцевъ и очистилъ непріятельскій участокъ длиною болѣе версты. Въ ночь же на 9-ое марта 1915 года онъ, со своимъ отрядомъ, произвелъ смѣлую развѣдку, уничтожилъ одинъ изъ передовыхъ непріятельскихъ окоповъ, разрушилъ проволочныя загражденія и плѣнилъ 38 австрійцевъ. Чечекъ былъ раненъ въ бою штыкомъ въ лѣвую ногу, но не покинулъ фронта.

Въ приказѣ начальника 46-й пѣхотной дивизіи отъ 16-го марта 1916 года, за № 63, говорится, что чехословаки, работая днемъ и ночью, принесли такую пользу русскимъ войскамъ, какую можетъ принести только работа храбрыхъ воиновъ, горящихъ пламенной любовью къ своей родинѣ и готовыхъ отдать жизнь за ея свободу. Благодарю васъ, дорогіе чехи»,— заключилъ свои слова начальникъ названной дивизіи генералъ маіоръ Новицкій, — «дивизія не забудетъ вашихъ трудовъ и вашей крови, пролитой съ русскими братьями. Храбрымъ чехословакамъ мое спасибо».

Послѣ знаменитаго боя у Зборова новый *командиръ чехословацкой бригады русскій полковникъ Мамонтовъ* слѣдующими словами аттестовалъ своихъ подчиненныхъ: «Съ гордостью заявляю, что моя чехословацкая бригада, страшная для врага, сохранила образцовую дисциплину и порядокъ. Всѣ ея знамена цѣлы. *Во время полной деморализаціи русской арміи чехословацкое войско сохранило полное спокойствіе и продолжало бои вплоть до г. Тарнополя, помогая отступавшимъ частямъ эвакуироваться.*

Въ рѣчи, сказанной генераломъ Селивачевымъ по поводу Зборовскаго боя чехословацкимъ добровольцамъ, онъ, между прочимъ, замѣтилъ: «*За три года войны я впервые видѣлъ такой смѣлый и рѣшительный набѣгъ*».

Наконецъ, *командующій юго-западнымъ фронтомъ генералъ Брусиловъ* не постѣснялся сказать открыто слѣдующія слова: «*Чехословацкіе добровольцы, оставленные всѣми, бились такъ, что всѣ мы должны преклониться передъ ихъ доблестью. Одна чехословацкая бригада сдерживала нѣсколько непріятельскихъ дивизій. Палъ цвѣтъ чехословацкой интеллигенціи. Въ качествѣ простыхъ солдатъ сражались и умирали: учителя, адвокаты, инженеры, писатели, извѣстные общественные дѣятели. Раненые просили убивать ихъ, лишь бы не попасть въ руки нѣмцевъ*».

Чехословаки съ ужасомъ смотрѣли, во что превращалась русская армія. Массы взбунтовавшихся солдатъ уже не воевали съ врагомъ, а только со своими родными братьями. Одни спѣшили домой «дѣлить обѣщанную землю», а другіе принялись за «уравненіе всѣхъ неравенствъ». Всѣ авторитеты были попраны. По всей Россіи пронесся страшный стонъ. На сцену постепенно выступали большевики. Обрисовывались признаки надвигавшейся гражданской войны. Чехословаки изумлялись и выжидали...

3.

Въ концѣ октября 1917 года прежнее революціонное правительство пало, и всю власть захватили большевики. Это событіе произвело на всѣхъ удручающее впечатлѣніе. Сразу обрисовались два лагеря: *большевиковъ* и ихъ противниковъ.

Къ существовавшему хаосу прибавился новый факторъ, повлекшій за собой великую гражданскую войну. Пока большевики не были у власти, ихъ агенты выступали осторожно. Послѣ же переворота они осмѣлѣли до крайнихъ предѣловъ. Ихъ появленіе не предвѣщало уже ничего хорошаго.

Скоро сдѣлалось извѣстнымъ, что въ программу большевиковъ входитъ заключеніе мира съ нѣмцами. Это сильно встревожило широкіе круги, особенно чехословацкіе. Еще въ декабрѣ 1917 г. парижская «Національная Рада» выхлопотала у французскаго правительства постановленіе, согласно которому чехословацкія войска, сражавшіяся на французскомъ фронтѣ, были признаны автономной частью французской арміи. Теперь такое-же постановленіе та-же парижская «Національная Рада» исходатайствовала и для чехословацкаго войска въ Россіи и одновременно съ тѣмъ возбудила ходатайство о перевозкѣ ихъ на французскій фронтъ.*) Когда это послѣднее получило окончательное утвержденіе президента французской республики Поанкаре, была сдѣлана еще одна попытка войти въ переговоры съ правительствами: румынскимъ и украинскимъ, а также съ польскими добровольческими частями, объ удержаніи противонѣмецкаго фронта войсками — чехословацкими, румынскими, украинскими и польскими. Но эта попытка не могла уже привести къ никакимъ результатамъ.

Положеніе съ каждымъ днемъ ухудшалось. Большевицкіе агенты не переставали вести самую отчаянную пропаганду. Въ скоромъ времени коммунисты объявились и между чехословаками. На созванномъ въ декабрѣ 1917 г. въ г. Кіевѣ общемъ собраніи чехословацкихъ легіонеровъ они выступили уже съ цѣлымъ рядомъ требованій въ духѣ петербургскаго «совнаркома», между прочимъ и съ проектомъ переустройства Австро-Венгріи въ штаты совѣтскихъ республикъ. Въ такомъ-же духѣ они издавали чешскія газеты: въ Кіевѣ — «Свободу», а въ Петроградѣ — «Походень»; учредили въ противовѣсъ «Національной Радѣ» революціонный «совѣтъ рабочихъ и солдатскихъ депу-

*) D-r Fr. Vl. Šteidler. Čsl. hnutí na Rusi. Praha 1922.
Klecanda V. Operace čsl. vojska na Rusi.

татовъ» и намѣревались создать изъ чехословацкихъ бригадъ одну общую революціонную армію.*)

Чехословацкимъ войскамъ приходилось туго. Во избежаніе инцидентовъ они должны были снять погоны и замѣнить ихъ особыми чешскими отличіями. Агитація привела къ тому, что въ нѣкоторыхъ частяхъ образовались даже полковые, батальонные и ротные комитеты. Въ довершеніе зла большевицкая пропаганда осложнилась еще и неожиданною опасностью со стороны нѣмцевъ.

Украинцы, потерявъ надежду на соглашеніе съ большевиками, провозгласили 25-го января 1918 года полную независимость Украины, и одновременно съ тѣмъ, объявили о необходимости для нихъ заключить миръ съ нѣмцами. Это поразило чехословаковъ, ибо этимъ прекращались всѣ сношенія украинцевъ съ союзниками.

Прибывшему въ это время въ г. Кіевъ проф. Масарику оставалось лишь сослаться на извѣстное постановленіе французскаго правительства о признаніи чехословацкихъ войскъ частью французской арміи и требовать отъ украинскихъ властей гарантіи на свободный отъѣздъ ихъ изъ Украины. Это желаніе было немедленно удовлетворено, но нагрянуло новое горе.

Черезъ нѣсколько дней послѣ этихъ переговоровъ началось наступленіе большевиковъ на г. Кіевъ, а 8-го февраля н. ст. 1918 года онъ очутился уже въ рукахъ коммунистовъ. Профессору Масарику пришлось возобновить еще разъ то же самое ходатайство уже передъ командующимъ большевицкими войсками Муравьевымъ. Отъ него также было получено согласіе. Этимъ, казалось, дѣло кончится. Но событія чередовались съ поразительной быстротой.

Все чехословацкое войско находилось тогда на территоріи Украины: 1-ая дивизія была расположена на правомъ берегу Днѣпра — въ Волынской губерніи, со штабомъ въ Полонномъ,

*) Dr. Šteidler. Čsl. hnutí na Rusi.
Za svobodu. Kronika čsl. rev. hnutí na Rusi.
Dr. Sychrava L. Duch legií.
Žipek L. Válka národů 1914—1918 a účast čsl. národa.

а 2-ая дивизія на лѣвомъ берегу Днѣпра — со штабомъ въ г. Яготинѣ. Штабъ корпуса, какъ тогда именовались уже чехословацкія войсковыя части, былъ въ Кіевѣ.

Разбитые большевиками украинцы поспѣшили, однако, обратиться за помощью къ нѣмцамъ. Тѣ охотно согласились помочь имъ и немедленно двинули свои силы на Украину.

Для чехословаковъ наступили жуткіе дни. Мѣшкать было невозможно. Сосредоточенной около г. Житомира 1-ой дивизіи было приказано немедленно отойти на лѣвый берегъ Днѣпра въ мѣста расположенія 2-ой дивизіи и одновременно съ тѣмъ; проф. Масарикъ поспѣшилъ въ Москву хлопотать о дальнѣйшей отправкѣ войскъ черезъ Владивостокъ — на французскій фронтъ.

Выступленіе 1-ой чехословацкой дивизіи съ мѣста своей стоянки послѣдовало во второй половинѣ февраля 1918 г. Она двинулась пѣшимъ порядкомъ черезъ г. Кіевъ къ г. Яготину. Но уже 25-го февраля на ея аріергардъ напали нѣмецкіе броневики. Преслѣдованіе продолжалось до самаго г. Кіева, а при переходѣ черезъ днѣпровскій мостъ чехословакамъ пришлось выдержать жестокій бой съ нѣмцами. Только послѣ неимовѣрныхъ трудовъ имъ удалось наконецъ выбраться на лѣвый берегъ Днѣпра и направиться къ г. Пирятину и Прилукамъ. Въ Пирятинѣ въ это время дѣлались приготовленія къ чехословацкому съѣзду. Онъ, однако, въ виду необходимости спѣшить съ уходомъ изъ Украины, былъ отмѣненъ. Всѣмъ чехословацкимъ частямъ было приказано спѣшно стягиваться къ Бахмачу, чтобы оттуда направиться на востокъ.

Какъ разъ въ это кошмарное для чехословаковъ время, а именно 3-го марта 1918 года, былъ заключенъ брестъ-литовскій миръ. Проф. Масарикъ, бывшій тогда уже въ Москвѣ, принужденъ былъ покинуть Россію. Передъ отъѣздомъ изъ Москвы онъ обратился къ чехословацкимъ войскамъ съ слѣдующимъ воззваніемъ: «Покидаю вашу среду, чтобы стать вашимъ квартирмейстеромъ во Франціи. Тамъ встрѣтимся. Надѣюсь встрѣтить тамъ также всѣхъ плѣнныхъ, которые, думаю, вступятъ въ чехословацкую армію. Очутились мы, славяне, въ опасности; останемся и впредь другъ около друга. Во Франціи и Италіи будемъ воевать также за Россію. Побѣдой надъ

Австро-Венгріей и Германіей мы поможемъ и Россіи. Вопреки всѣмъ невзгодамъ, будемъ вѣрить въ будущее русскаго народа. Пока будете въ Россіи, соблюдайте во всѣхъ ея внутреннихъ дѣлахъ строгій нейтралитетъ. Только тотъ славянскій народъ и та партія наши враги, которые *сознательно* соединились съ нашими врагами. Да живетъ Россія и Франція, да живутъ союзники. Москва. 9-го марта 1918 года. Т. Г. Масарикъ».*)

За отъѣзжавшими чехословаками нѣмцы уже зорко слѣдили. Они гнались за ними по пятамъ. Когда чехословацкія части приблизились къ Бахмачу, нѣмецкіе отряды бросились на нихъ съ двухъ сторонъ: съ юга — отъ г. Кіева и съ сѣвера — отъ станціи Гомель. Произошли бои. Чехословаки упорно защищались до тѣхъ поръ, пока не сѣлъ въ вагоны ихъ послѣдній эшелонъ. Такимъ образомъ, 13-го марта, они, подъ непрерывнымъ огнемъ преслѣдовавшаго ихъ непріятеля, покинули Бахмачъ, гдѣ они потеряли болѣе 100 человѣкъ убитыми и ранеными.**)

Ихъ мытарства, однако, не кончились. Они только начинались.

Когда чехословацкіе эшелоны начали прибывать на станцію Курскъ, мѣстный совѣтъ потребовалъ отъ нихъ выдачи вооруженія. Пришлось подчиниться. Послѣ нѣкоторыхъ переговоровъ чехословаки выдали нѣсколько спеціальныхъ пушекъ и часть воздухоплавательнаго матеріала и получили разрѣшеніе двинуться дальше. Въ тотъ же день они покинули Курскъ, направляясь къ Пензѣ, гдѣ ихъ ожидали новыя невзгоды.

Часть чехословацкихъ добровольцевъ, входившихъ въ составъ Корниловской арміи, также снялась съ своихъ мѣстъ въ г. Проскуровѣ и присоединилась сначала къ противобольшевицкому движенію донскихъ казаковъ, а потомъ къ такому же движенію Добровольческой арміи Корнилова и Деникина. Эта часть, однако, не входила въ составъ чехословацкихъ дивизій. Она была внѣ вѣдѣнія «Національной Рады» и дѣйствовала совершенно самостоятельно.

---

*) См. Приложеніе № 2.
**) Dr. Čermák J. Boje pod Bachmačem.

Отходомъ изъ Украины чехословацкое войско закончило первый періодъ своей боевой дѣятельности. Оно перестало уже входить въ составъ русской арміи и потому въ его дивизіяхъ произошли значительныя перемѣны. Командирами нѣкоторыхъ полковъ впервые были назначены чехи: поручикъ Сыровый, поручикъ Чечекъ, капитанъ Гайда и т. д. Чехословаки были уже предоставлены сами себѣ. Никакихъ обязательствъ больше не существовало.

4.

При передвиженіи чехословацкихъ войскъ черезъ Сибирь предвидѣлись крупныя затрудненія. Было ясно, что, послѣ заключенія брестъ-литовскаго мира, нѣмцы не оставятъ ихъ въ покоѣ. Бахмачское нападеніе подтвердило эти опасенія. Но для чехословаковъ другого выхода не было.

Сначала забили тревогу сибирскіе совѣты. Они смотрѣли на чехословаковъ какъ на контръ-революціонеровъ и сильно ихъ боялись. Пользуясь этимъ, совѣтское правительство снова выдвинуло вопросъ о разоруженіи. Дальнѣйшее передвиженіе было пріостановлено.

Начавшіеся въ г. Пензѣ переговоры не приводили ни къ какимъ результатамъ. Въ чехословацкія войска постепенно стала проникать большевицкая пропаганда. Отъѣздъ во Францію истолковывался какъ защита капиталистическихъ интересовъ, указывалось на появленіе въ Маньчжуріи казацкаго атамана Семенова, предсказывали англо-японскую высадку, поднимали разные вопросы, хорошо знакомые чехословакамъ изъ дѣятельности большевиковъ на Украинѣ. Нѣкоторые добровольцы дали себя увлечь этой агитаціей, и даже перешли къ большевикамъ. Желая избѣжать осложненій и поскорѣе уѣхать, чехословаки попытались подчиниться требованію о разоруженіи. Они повѣрили телеграммѣ народнаго комиссара Сталина, присланной изъ Москвы 26-го марта н. ст. 1918 г., въ которой онъ гарантировалъ имъ свободный проѣздъ до Владивостока. 28-го марта эшелоны 5-го полка сдали въ г. Пензѣ часть своего вооруженія и въ тотъ же день были пропущены на востокъ. За ними такимъ же порядкомъ двинулись и другіе эшелоны. Въ общемъ въ

г. Пензѣ чехословаками было сдано: 21,000 винтовокъ, 216 пулеметовъ, 44 пушки, 1,080.000 патроновъ, 11 автомобилей, 3,500 лошадей и 4 аэроплана.*)

Подвигаясь на востокъ, чехословацкіе эшелоны растянулись на огромномъ пространствѣ отъ Пензы до Владивостока. Для облегченія скорѣйшаго передвиженія, на магистраль была послана спеціальная комиссія, составленная изъ представителей чехословацкаго войска. Ей было поручено слѣдить за правильностью передвиженія войскъ и за устраненіемъ встрѣчавшихся въ пути недоразумѣній. Но нѣмцамъ, дѣйствовавшимъ за спиной большевиковъ, нужно было только разъединить чехословацкія части.

Уже черезъ нѣсколько дней на станціи Красноярскъ чехословакамъ предъявили телеграмму, разосланную народнымъ комиссаромъ Чечеринымъ всѣмъ сибирскимъ совѣтамъ. Въ ней сообщалось: «Опасаясь японскаго наступленія на Сибирь, нѣмцы требуютъ скорѣйшей эвакуаціи всѣхъ нѣмецкихъ плѣнныхъ, пребывающихъ въ восточной Сибири. Употребите всѣ средства, для исполненія этого приказа. Чехословацкіе отряды нѣтъ нужды отправлять на востокъ».**)

Содержаніе этой телеграммы поразило чехословаковъ. На сдѣланный ими въ Москву запросъ былъ полученъ отвѣтъ, въ которомъ чехословакамъ предлагалось перемѣнить маршрутъ и направить свои эшелоны черезъ Архангельскъ и Мурманъ.

Среди войскъ началось броженіе.

Въ большевицкихъ манипуляціяхъ усмотрѣли скрытую нѣмецкую интригу: «загнать оставшіяся чехословацкія войска на безлюдный Мурманъ и тамъ заморить ихъ голодомъ». Всѣ части высказались противъ этого новаго направленія.

Но большевики упорствовали. Они заставили пребывавшихъ въ Москвѣ представителей «Національной Рады» Чермака и Максу послать чехословакамъ телеграмму съ разъясненіемъ, что новое направленіе сдѣлано по соглашенію съ Франціей. Одновременно съ тѣмъ и народный комиссаръ Троцкій, указывая на

---

*) Dr. Šteidler. Naše vystoupení v Rusku r. 1918.
**) См. Приложеніе № 8.

невозможность, въ виду японскаго дессанта, дальнѣшаго движенія на востокъ, обѣщалъ полное содѣйствіе къ переброскѣ войскъ на сѣверъ.

На нѣкоторыхъ руководителей чехословацкаго войска эти уговоры подѣйствовали, но войска опредѣленно были противъ такихъ перемѣнъ. На состоявшемся въ г. Пензѣ предварительномъ совѣщаніи 1-ой дивизіи, а затѣмъ и на созванномъ въ г. Челябинскѣ общемъ войсковомъ съѣздѣ, всѣ участники ихъ отклонили предложеніе совѣтовъ и категорически высказались противъ новыхъ проектовъ. Создавшееся положеніе волновало войска. Вдобавокъ оно осложнилось неожиданнымъ инцидентомъ, имѣвшимъ мѣсто 14-го мая на челябинскомъ вокзалѣ. Этотъ случай, происшедшій еще за недѣлю до съѣзда, имѣлъ огромное вліяніе на войска, а вмѣстѣ съ тѣмъ и на дальнѣйшее развитіе событій. Сущность его заключалась въ слѣдующемъ:

Изъ толпы находившихся на челябинскомъ вокзалѣ нѣмецкихъ и мадьярскихъ военноплѣнныхъ посыпались ругательства по адресу проходившихъ мимо чехословацкихъ солдатъ, а затѣмъ былъ брошенъ въ нихъ кусокъ желѣза, которымъ тяжело ранило одного добровольца. Возмутившіеся чехословаки открыли виновника и тутъ же убили его. Мѣстный большевицкій совѣтъ сталъ на сторону нѣмцевъ и мадьяръ и арестовалъ нѣсколько чехословацкихъ солдатъ. На предъявленное требованіе освободить арестованныхъ, послѣдовалъ отказъ. Тогда чехословаки обложили городъ и силой освободили арестованныхъ.*)

Враждебное отношеніе къ чехословакамъ еще болѣе усилилось. Въ отвѣтъ на выступленіе чехословаковъ, московское правительство конфисковало находившееся въ Москвѣ ихъ имущество, а 21-го мая н. ст. арестовало и ихъ представителей г.г. Чермака и Максу. Послѣднихъ принудили кромѣ того послать чехословацкимъ войскамъ приказъ о немедленной сдачѣ оружія съ угрозой поставить всѣхъ ослушавшихся внѣ закона. Одновременно съ тѣмъ совѣтское правительство предложило всѣмъ

---

*) Dr. Šteidler F. V. Naše vystoupení v Rusku r. 1918.
Gajda R. Moje paměti.

мѣстнымъ совѣтамъ не церемониться съ чехословаками и примѣнять къ нимъ самыя суровыя мѣры.

Видное участіе въ этой травлѣ чехословаковъ принималъ германскій представитель въ Москвѣ графъ Мирбахъ. Исполняя приказаніе своего правительства, онъ требовалъ отъ совѣтскихъ властей примѣненія къ чехословакамъ самыхъ безпощадныхъ каръ. Благодаря мирбаховскому давленію, чехословацкому войску стало угрожать полное уничтоженіе.

23-го мая 1918 года начальникъ большевицкаго оперативнаго отдѣла Араловъ разослалъ по сибирской магистрали телеграмму съ приказомъ: «задерживать, разоружать и расформировывать всѣ чехословацкіе эшелоны и составлять изъ нихъ красноармейскія части или рабочія дружины».*)

Волненіе среди чехословаковъ усиливалось. Загнанные на Уралъ, вдали отъ какихъ бы то ни было культурныхъ центровъ, они очутились въ ловушкѣ, съ перспективой быть выданными нѣмцамъ. Всѣ способы уладить дѣло миромъ были исчерпаны. Не оставалось другого выхода, какъ только силой пробиваться къ Владивостоку.

Съ этой цѣлью чехословацкое войско выбрало изъ своей среды особый «исполнительный комитетъ», въ составъ котораго вошли 4 солдата, 4 представителя отъ отдѣла «Національной Рады» и 3 командира чехословацкихъ полковъ. Этому комитету, предсѣдателемъ коего былъ Богданъ Павлу, поручалось руководить передвиженіемъ войскъ, избѣгая при этомъ всякаго вмѣшательства во внутреннія дѣла Россіи. Комитетъ, однако, еще разъ попытался уладить дѣло мирнымъ путемъ, но каково было его разочарованіе, когда ему доставили перехваченную телеграмму-приказъ № 377 народнаго комиссара по военнымъ дѣламъ Троцкаго, разосланную 25-го мая н. ст. 1918 года совѣтамъ рабочихъ, крестьянскихъ и солдатскихъ депутатовъ, во всѣ мѣстности отъ Пензы до Омска. Въ телеграммѣ приказывалось: «*разоружать каждаго встрѣчнаго чехословака, а каждаго задержаннаго съ оружіемъ въ рукахъ на полотнѣ желѣзной*

---

*) Gajda R. Moje paměti.
Dr. Šteidler. Naše vystoupení v Rusku.

дороги разстрѣливать на мѣстѣ. Каждый же эшелонъ, въ которомъ будетъ найденъ хотя бы одинъ вооруженный солдатъ, долженъ быть отправленъ въ концентраціонный лагерь. Неисполненіе приказа приравнивалось къ измѣнѣ и угрожало безпощаднымъ наказаніемъ». Вмѣстѣ съ тѣмъ тотъ же Троцкій сообщалъ объ отправкѣ въ тылъ чехословакамъ надежныхъ красноармейскихъ частей для полнаго ихъ истребленія».*)

Этотъ приказъ говорилъ самъ за себя. Онъ окончательно убѣдилъ чехословаковъ въ безполезности какихъ-либо мирныхъ переговоровъ. Чехословакамъ оставалось: или позорно отдать себя въ руки нѣмцевъ и ихъ союзниковъ-большевиковъ, или съ оружіемъ въ рукахъ пробиваться на востокъ. Убѣдившись, что въ Сибири командуютъ ихъ враги нѣмцы и мадьяры, — они рѣшили сдать оружіе лишъ по прибытіи всѣхъ частей во Владивостокъ.

Ихъ войско было раскинуто тогда по всей желѣзнодорожной магистрали отъ ст. Ртищево до Владивостока, т. е. на протяженіи около 7,000 км. Къ этому собственно и стремились ихъ преслѣдователи. Раздробленныя части легче было истребить. Нужно было принять мѣры къ объединенію всѣхъ частей для того, чтобы соединенными силами пробиться къ Владивостоку. Для этой цѣли всю магистраль разбили на четыре участка: пензенскій, челябинскій, сибирскій и владивостокскій и немедленно приступили къ установленію связи между войсками.

Совѣтскія угрозы, однако, не замедлили скоро проявиться. Уже 25 мая на поѣздъ 6-го чехословацкаго полка на ст. Маріановка, вблизи г. Омска, напали красноармейцы. Ихъ, правда, отбили, но съ большими для чехословаковъ потерями. На слѣдующій день такое же нападеніе совершено на ст. Иркутскъ на артиллерійскій эшелонъ 2-ой дивизіи, а 27-го мая на штабной поѣздъ 1-го полка на ст. Златоустъ. На послѣдней чехословаки въ количествѣ 361 человѣка, не имѣя оружія, бросились на нападавшихъ съ камнями и отбили ихъ. При этомъ они потеряли 6 убитыми и 20 ранеными. Такія же нападенія имѣли мѣсто и въ разныхъ другихъ мѣстностяхъ сибирской магистрали. При

---

*) См. Приложеніе № 9.

нападеніи въ Иркутскѣ у чехословаковъ было 15 убитыхъ и 63 раненыхъ.*)

Вызовъ былъ брошенъ большевиками и чехословакамъ поневолѣ пришлось перейти на положеніе вооруженной защиты.

Объединяя раскинутыя по всей магистрали части, чехословаки вмѣстѣ съ тѣмъ старались предупреждать нападенія и очищать путь къ востоку. 27-го мая стало извѣстно, что на ст. Челябинскъ готовится нападеніе на находившіеся тамъ чехословацкіе отряды. Находясь подъ впечатлѣніемъ событій на ст. Маріановка, чехословаки быстро разоружили мѣстныя красноармейскія части, заняли городъ и взятыми у красноармейцевъ 15.000 винтовками вооружили свои войска.**) Одновременно съ тѣмъ, они обезпечили себя со стороны Екатеринбурга, Троицка и Златоуста, откуда на нихъ двигались новыя красноармейскія силы, соединились со своими частями, застрявшими на станціяхъ: Курганъ и Петропавловскъ, и поспѣшили на помощь частямъ 6-го полка, подвергшимся нападенію на станціи Маріановка. По выполненіи этихъ задачъ, они двинулись по направленію къ г. Омску. Эти чехословацкія части находились подъ командой подполковника Войцеховскаго и поручика Сырового.

Одновременно съ дѣйствіемъ на челябинскомъ участкѣ, начались оборонительныя дѣйствія и на пензенскомъ участкѣ, гдѣ чехословацкіе отряды находились подъ командой чешскаго полковника Чечека. И тамъ большевики, убѣдившись въ безполезности своихъ ухищреній, рѣшили напасть на чехословаковъ, разоружить ихъ и по-своему расправиться. Чехословаки, однако, не дремали. 28-го мая на пензенскій вокзалъ прибылъ поѣздъ съ вооруженными красноармейцами съ явной цѣлью напасть на находившіяся тамъ чехословацкія части. Послѣднія, подъ командой Швеца, бросились обороняться. Завязалось сраженіе. У чехословаковъ было 2.300 человѣкъ съ 26 пулеметами, со стороны большевиковъ наступало 3.000 красно-

*) Dr. Šteidler, Gajda, Klecanda, Dr. Sychravá, Dennik plukovnika Švece.

**) Тамъ-же.

армейцевъ, въ числѣ коихъ было 500 нѣмцевъ и мадьяръ, 200 увлекшихся большевицкой пропагандой чешскихъ коммунистовъ и 100 латышей. Въ началѣ перевѣсъ былъ на сторонѣ большевиковъ, но на слѣдующій день чехословаки сильнымъ ударомъ разогнали ихъ и заняли городъ. Потерь у чехословаковъ было: 88 убитыми и ранеными.*)

На третьемъ сибирскомъ участкѣ чехословацкими группами командовалъ капитанъ Гайда. Это былъ наиболѣе опасный участокъ, такъ какъ отъ Омска и Иркутска чехословакамъ угрожали весьма значительныя красноармейскія части. Оставалось, или быть раздавленными съ двухъ сторонъ, или же быстрымъ ударомъ разстроить большевицкіе планы и предупредить ихъ нападеніе. Сначала чехословацкіе отряды заняли станцію Маріинскъ, а потомъ, въ ночь съ 25 на 26 мая Новониколаевскъ, который сталъ опорнымъ пунктомъ всей группы.**)

Четвертая, владивостокская группа, находилась въ то время въ бездѣйствіи. Она все время пребывала въ полномъ невѣдѣніи относительно того, что творилось на линіи и выступила уже тогда, когда опредѣлились успѣхи чехословацкихъ войскъ на остальныхъ участкахъ.

Такимъ образомъ, чехословацкое войско, помимо своей воли, очутилось во враждебныхъ дѣйствіяхъ съ большевиками. Это, однако, не была ни война, ни нападеніе, а только самооборона.

Большевиками руководили тогда нѣмцы въ лицѣ своего представителя въ Москвѣ графа Мирбаха. Японскій писатель К. Каваками въ своей книгѣ «Le Japon et la paix mondiale» совершенно правильно замѣчаетъ, «что въ то время въ Сибири росло вліяніе нѣмецкихъ и австрійскихъ военноплѣнныхъ и что, когда въ этотъ критическій моментъ появились тамъ чехословаки, они вошли въ конфликтъ съ большевиками и ихъ нѣмецкими союзниками».

---

*) Denník plukovníka Švece.
Dr. Šteidler. Naše vystoupení . . .

**) Gajda R. Moje paměti.

Чехословаки, слѣдуя указаніямъ своего вождя профессора Масарика, старались соблюдать полный нейтралитетъ. Когда русская революція довела страну до полной анархіи, они хотѣли уйти, предоставляя самимъ русскимъ разбираться въ своихъ дѣлахъ. Однако, захватившіе власть большевики, этого имъ не позволили. Подъ разными предлогами они старались не выпустить чехословаковъ и постепенно довести до такого состоянія, которое дало бы возможность ихъ совершенно уничтожить. Телеграмма народнаго комиссара по военнымъ дѣламъ Троцкаго вполнѣ это подтвердила. Если бы чехословаки уступили, они покрыли бы свои молодыя войска безславіемъ; но они этого не сдѣлали и цѣною большихъ страданій и жертвъ спасли свою честь и честь своего народа. Когда въ г. Пензѣ большевицкіе агитаторы старались заманить ихъ въ свои сѣти, одинъ чешскій солдатъ отвѣтилъ имъ очень характерной фразой: *«оставьте насъ въ покоѣ, мы чехи и больше ничего»*. Въ этомъ отвѣтѣ простого солдата заключалась вся тайна чехословацкаго войска. Оно честно выполнило свой долгъ передъ русскимъ народомъ, но оно хотѣло остаться чехами и словаками и не разваливать, а защищать свое народное достояніе. Передъ ними была лишь одна цѣль: пробраться на французскій фронтъ и тамъ продолжать сражаться до тѣхъ поръ, пока ихъ родина не будетъ свободной. На предъявленное имъ въ г. Пензѣ требованіе сдать оружіе и выдать офицеровъ, они отвѣтили: *«Кто хочетъ наше оружіе — пусть самъ придетъ, мы дѣйствуемъ за-одно съ нашими офицерами, которымъ всецѣло довѣряемъ»*.*)

Желая помочь чехословакамъ, представители союзныхъ державъ: Соед. Шт. Америки, Англіи, Италіи и Франціи заявили 4-го іюня совѣтскому правительству, что разоруженіе и преслѣдованіе чехословацкихъ отрядовъ въ Сибири, составляющихъ часть союзныхъ войскъ, они сочтутъ за непріязненныя дѣйствія. Это, однако, мало помогло. Вліяніе Германіи было тогда въ Москвѣ всесильно. Чехословаки были предоставлены сами

*) Gajda R. Moje paměti.
Pitra R. Z Penzy do Ufy.

себѣ. Желая спасти себя отъ угрожавшихъ имъ на каждомъ шагу опасностей, они вынуждены были занимать станціи, города и даже цѣлыя попутныя мѣстности.

На пензенскомъ участкѣ, послѣ взятія г. Пензы, они сравнительно легко заняли города Кузнецкъ и Сызрань, а затѣмъ Александровскій мостъ черезъ р. Волгу. Послѣ переправы на другой берегъ Волги ихъ встрѣтили большевицкіе аэропланы, съ которыхъ разбрасывались летучки съ призывомъ «подумать о великой отвѣтственности передъ народомъ, исторіей, союзниками, своимъ вождемъ Масарикомъ, не слушать своихъ офицеровъ и сдать оружіе». Когда чехословаки надъ этими летучками только посмѣялись, на нихъ напали крупныя красноармейскія силы: сначала 4 іюня на авангардныя части у Липягъ, въ 12 килм. западнѣе г. Самары, а потомъ, 5-го іюня, на аріергардныя части у Безенчука, въ 30 килм. на западъ отъ Самары. Завязавшіеся бои имѣли для чехословаковъ рѣшающее значеніе: или разбить противника и двинуться дальше къ Самарѣ, или погибнуть въ неравномъ бою. Случилось первое. Большевиковъ, несмотря на численный перевѣсъ разбили на голову и въ ночь съ 7-го на 8-е іюня чехословаки были уже въ Самарѣ.*) Самарскіе граждане встрѣтили ихъ весьма торжественно. Цѣлый рядъ депутацій свидѣтельствовалъ объ ихъ радости и надеждахъ. Тамъ же къ чехословакамъ присоединились польскіе легіонеры, а также сербскій добровольческій отрядъ. Здѣсь однако, обнаружилось, что чехословакамъ угрожала новая серьезная опасность со стороны желѣзнодорожной линіи Самара — Оренбургъ. Оттуда крупныя красноармейскія силы готовились произвести на нихъ нападеніе. Немедленно въ ту сторону были двинуты небольшіе чехословацкіе отряды, которые 26-го іюня, послѣ упорнаго боя, отогнали большевиковъ и заняли г. Бузулукъ. Во время боя подъ Бузулукомъ противъ незначительнаго чехословацкаго отряда дѣйствовало 5.000 красноармейцевъ, преимущественно

*) **Dr. Šteidler. Naše vystoupení . . .**
Gajda R. Moje paměti.
Denník plukovníka Švece.

нѣмецкихъ и мадьярскихъ военноплѣнныхъ, находившихся подъ командой нѣмецкихъ и мадьярскихъ офицеровъ. Одновременно съ тѣмъ, другими чехословацкими отрядами были заняты: г. Ставрополь на Волгѣ, а затѣмъ, въ восточномъ направленіи: 19-го іюня — г. Бугурусланъ, 23-го — г. Абдулинъ и 4-го іюля — г. Уфа. Преслѣдованіе большевиковъ на этомъ участкѣ продолжалось до тѣхъ поръ, пока 6-го іюля чехословаки не достигли станціи Миньяръ, гдѣ они встрѣтились съ другими своими частями, дѣйствовавшими на сосѣднемъ челябинскомъ участкѣ.*) Этимъ пензенская группа выполнила свою первую задачу, — объединилась съ челябинской группой.

Челябинская группа, послѣ занятія г. Челябинска, вынуждена была занять 1-го іюня г. Курганъ, а затѣмъ г. Петропавловскъ, гдѣ противъ чехословаковъ выступили значительные отряды нѣмецкихъ и мадьярскихъ военноплѣнныхъ. Подвигаясь къ г. Омску, они 6-го іюня выдержали упорный бой у ст. Маріановка, разбили красноармейцевъ и тѣмъ рѣшили участь города Омска. Послѣдній достался чехословакамъ 7-го іюня послѣ кратковременнаго боя. Защищаясь отъ большевиковъ, чехословацкія части достигли затѣмъ станціи Татарская, гдѣ встрѣтились съ частями сибирской группы.**) Это соединеніе представляло крупный успѣхъ въ оперативныхъ дѣйствіяхъ этихъ группъ чехословацкаго войска. Челябинской группѣ угрожала, однако, еще крупная опасность со стороны желѣзнодорожной линіи Омскъ — Тюмень — Екатеринбургъ. Эта линія представляла особенную важность въ томъ отношеніи, что она соединяла Сибирь съ совѣтскими центрами, откуда могли быть переброшены значительныя красноармейскія силы. Поэтому туда были направлены два отряда — одинъ подъ командой поручика Сыроваго, а другой — подъ руководствомъ подполковника Войцеховскаго. Первый отрядъ, продвигаясь въ сѣверо-западномъ направленіи, занялъ 20-го іюня г. Тюмень, а оттуда направился къ г. Екатеринбургу, на который какъ разъ въ то время, подполковникъ Войцеховскій наступалъ съ

*) Dr. Šteidler. Naše vystoupení...
Denník plukovníka Švece.
**) Dr. Šteidler. Gajda.

трехъ сторонъ и который 25-го іюля, послѣ ряда упорныхъ боевъ, былъ уже въ рукахъ чехословаковъ.

Мѣстное населеніе встрѣтило чехословацкія войска восторженными оваціями. Онѣ особенно сильно проявились послѣ пережитыхъ екатеринбуржцами кошмарныхъ дней неслыханнаго террора. Не было семьи, которая не оплакивала бы кого-либо изъ своихъ близкихъ.*) За нѣсколько дней до занятія города тамъ совершилась великая трагедія. Верховный вождь русскаго народа, его царь, былъ звѣрски убитъ большевиками.

О царѣ Николаѣ II-мъ многое писалось въ послѣдніе годы, но исторія не сказала еще своего вѣскаго слова. Разобравшись безпристрастно во всѣхъ дѣлахъ царя Николая II-го, она скажетъ и нѣчто такое, что заставитъ многихъ благоговѣйно вспомнить о его мученической смерти. Намъ остается лишь удостовѣрить, что самъ царь Николый II-й былъ глубоко искреннимъ славянофиломъ и что онъ, поднявъ мечъ за освобожденіе славянъ, не склонилъ своей головы передъ врагомъ даже тогда, когда убивали его и наиболѣе близкихъ ему лицъ.

Какъ во многихъ другихъ мѣстахъ, такъ и у Екатеринбурга, противъ чехословаковъ выступали многочисленные отряды мадьярскихъ и нѣмецкихъ военноплѣнныхъ. Несмотря на свою численность, они, однако, нигдѣ не могли устоять передъ чехословаками. Постепенно чехословацкія войска очистили отъ нихъ и отъ большевиковъ не только желѣзнодорожныя линіи, но и всѣ прилегающія къ нимъ мѣстности. Съ такимъ-же успѣхомъ была устранена этой группой опасность и со стороны южной желѣзнодорожной линіи Челябинскъ — Кустанай, а также со стороны западной. На южной линіи 18-го іюня, послѣ боевъ съ значительными красноармейскими силами, былъ взятъ г. Троицкъ, а 25-го іюня въ руки чехословаковъ достался также г. Кустанай. Въ западномъ же направленіи къ концу іюня были заняты, послѣ ряда жестокихъ сраженій, г. Бердяушъ, г. Златоустъ, г. Міассъ и другія попутныя мѣстности. Продвигаясь въ этомъ

*) Gajda R. Moje pamĕti.

направленіи, чехословацкія части достигли 6-го іюля станціи Миньяръ, гдѣ встрѣтились, какъ сказано выше, съ частями пензенской группы.*)

Въ наиболѣе тяжелыхъ условіяхъ находились, однако, войска сибирскаго участка подъ командой Гайды. Послѣ занятія ими г. Новониколаевска, обрисовалась необходимость обезпечить себя со стороны Алтайской желѣзной дороги, гдѣ засѣли крупные красноармейскіе отряды, составленные большею частью изъ мадьярскихъ военноплѣнныхъ, а также со стороны г. Томска и ст. Тайга, откуда противъ чехословаковъ наступали хорошо вооруженныя большевицкія силы. Всего чехословацкаго войска на сибирскомъ участкѣ было около 4.000, раскинутыхъ на 3000-верстномъ пространствѣ сибирской магистрали. Располагая такими незначительными силами, командующій этой группой Гайда посылалъ ихъ то на западъ, то на востокъ, перебрасывалъ изъ одного опаснаго мѣста на другое, преодолѣвалъ многочисленныя препятствія безъ всякой надежды на какую бы то ни было помощь... Когда узловую станцію Тайга удалось очистить отъ красноармейцевъ, были приняты мѣры къ закрѣпленію за собою г. Маріинска, находившагося подъ сильной большевицкой угрозой. Упорные бои у Маріинска закончились перваго іюня заключеніемъ перемирія до 16-го іюня. Это перемиріе дало возможность командующему Гайдѣ перебросить нѣкоторыя чехословацкія части въ направленіи Омска и Барнаула, откуда также угрожали имъ красноармейцы. Совмѣстно съ наскоро сформированными русскими добровольческими частями, эта группа чехословаковъ заняла г. Барабинскъ и г. Каинскъ, а затѣмъ, подвигаясь къ западу, встрѣтилась 8-го іюня 1918 года на ст. Татарская съ частями челябинской группы, чѣмъ было завершено соединенніе трехъ группъ: *пензенской, челябинской и сибирской*. Вся магистраль, съ прилегающими къ ней линіями, отъ р. Волги до Маріинска, была очищена чехословаками отъ большевиковъ и ихъ друзей мадьяръ и нѣмцевъ.

Предстояло пробиваться дальше — къ востоку.

---

*) Gajda R. Moje paměti.

Послѣ истеченія срока перемирія, заключеннаго у Маріинска, тамъ начались новые бои. Большевики, усилившись мадьярскими военноплѣнными, считали себя непобѣдимыми. Но сильный напоръ чехословаковъ и здѣсь сломилъ ихъ упорство и принудилъ отступить къ Красноярску.

Еще во время занятія чехословаками г. Новониколаевска три ихъ эшелона были задержаны между станціями Канскъ и Нижнеудинскъ. 26-го мая канскій совѣтъ потребовалъ отъ нихъ выдачи оружія. Чехословаки не согласились, а когда узнали о полученной мѣстнымъ совѣтомъ телеграммѣ изъ Москвы, предписывавшей ему «разоружить и заключить въ концентраціонные лагери всѣхъ чехословацкихъ солдатъ, а офицеровъ объявить внѣ закона»,*) они рѣшили обороняться. Начавшійся бой закончился для большевиковъ очень печально. Чехословаки, заняли сначала г. Канскъ, а потомъ и г. Нижнеудинскъ. Одновременно съ тѣмъ они заняли также г. Красноярскъ.

Эти успѣхи чехословацкихъ войскъ сильно встревожили большевиковъ. Особенно подѣйствовало на нихъ паденіе г. Нижнеудинска. Они собрали всѣ имѣвшіяся у нихъ силы и двинулись противъ чехословаковъ. Авангардъ большевиковъ состоялъ изъ 2.000 мадьяръ, чехословаковъ было значительно меньше. Чехословаки сначала заняли оборонительное положеніе, но, убѣдившись въ невозможности удержаться, перешли въ отчаянное наступленіе. Благодаря удачному маневру, имъ удалось нанести большевикамъ чувствительное пораженіе и обратить ихъ въ бѣгство. Однихъ мадьяръ пало въ этомъ бою — 114.

Отступая на востокъ, большевики взорвали мостъ на р. Бѣлой и затѣмъ сосредоточили свои силы у Иркутска. Чехословаки, однако, не растерялись. Они повернули въ сторону, прошли 70 клм. пѣшкомъ и къ 11-му іюля очутились предъ столицей восточной Сибири, которая въ тотъ же день, послѣ небольшой перестрѣлки, была занята ихъ войсками.**) Встрѣча со стороны мѣстнаго населенія была весьма торжественная. Граждане

---

*) Dr. Šteidler F. V. Naše vystoupení v Rusku.
Klecanda V. Operace čs. vojska na Rusi.

**) Gajda R. Moje paměti.

Иркутска немедленно объявили мобилизацію и тѣмъ значительно увеличили кадры добровольческихъ отрядовъ. Командующій группой Гайда обратился къ населенію города съ особымъ воззваніемъ, въ которомъ очень рѣшительно заявилъ, что чехословаки избѣгали вмѣшиваться во внутреннія дѣла Россіи, но, если партійная борьба будетъ разжигаться, подобно тому, какъ это было при Керенскомъ, или если кто либо, ради своихъ партійныхъ цѣлей, будетъ расшатывать основы славянства и Россіи, — они вынуждены будутъ отказаться отъ своей пассивности.*)

Воззваніе произвело впечатлѣніе. Съ чехословаками тогда считались. Объ ихъ подвигахъ говорила вся Сибирь. Всѣ имъ вѣрили и считали ихъ непобѣдимыми, особенно ихъ боевого вождя Гайду.

Эти успѣхи, однако, стоили много трудовъ и жертвъ. Съ какими неравными силами приходилось чехословакамъ вести борьбу, можно судить по тому, что, напримѣръ, въ бою у Липягъ противъ незначительныхъ чехословацкихъ силъ дѣйствовало 4.000 хорошо вооруженныхъ красноармейцевъ; въ бою у Безенчука — противъ нихъ было 3.000, а у Бузулука — 5.000 красныхъ. Значительную часть этихъ красноармейскихъ силъ составляли нѣмцы и мадьяры, сражавшіеся подъ командой своихъ же офицеровъ. Подъ Бузулукомъ ихъ было болѣе 2.000 человѣкъ, а у Безенчука наряду съ мадьярами сражалось еще 1.000 латышей. Въ бояхъ у Новониколаевска противъ чехословаковъ дѣйствовалъ особый нѣмецкій отрядъ имени Карла Маркса.**) Присутствіе этихъ войскъ вполнѣ опредѣленно указывало на характеръ самой борьбы и совершенно ясно обнаруживало тѣхъ лицъ, которые руководили этими войсками.

Борьба кипѣла по всей Сибири и чувствовалось, что великая европейская война еще не закончена.

Особенно тяжелымъ бременемъ для чехословаковъ была необходимость обезпечивать свои части, какъ говорилось выше, отъ нападеній со стороны смежныхъ съ магистралью желѣзныхъ дорогъ. Это вызывало крупныя осложненія и отнимало много

*) Gajda R. Moje paměti.

**) Тамъ-же.

времени и силъ. Точно такъ же сильно безпокоила чехословаковъ и неудержимая пропаганда большевиковъ. Въ этомъ отношеніи красные не стѣснялись въ средствахъ. Послѣ занятія ст. Тайги чехословакамъ доставили отъ ихъ представителя въ Москвѣ г. Максы телеграмму, въ которой онъ приказывалъ имъ прекратить всякое сопротивленіе, выдать всѣхъ виновниковъ и предупредить командующаго Гайду въ томъ, что ему угрожаетъ военно-полевой судъ.*) Чехословаки конечно поняли подъ какимъ давленіемъ была составлена эта телеграмма, посмѣялись надъ ея содержаніемъ и отвѣтили, что они не признаютъ надъ собою власти ея авторовъ.

Но такихъ случаевъ было много.

Начиная отъ г. Пензы большевицкая пропаганда не покидала ихъ ни на одинъ день. Къ счастью, они не поддались ей и упорно продолжали выполнять свою задачу. Выпавшія на ихъ долю страданія, лишенія и опасности въ значительной степени скрашивались добрыми отношеніями со стороны мѣстнаго антибольшевицкаго населенія. Граждане Сибири, особенно городскіе, оцѣнили значеніе чехословацкихъ войскъ и старались оказывать имъ всяческое содѣйствіе. Во многихъ городахъ, сейчасъ же послѣ освобожденія ихъ отъ большевиковъ, устанавливалась мѣстными гражданами новая власть, соотвѣтствовавшая принципамъ февральской революціи. Послѣ взятія города Самары образовалось новое Самарское правительство, по занятіи г. Омска — сибирское правительство, а по взятіи Урала — уральское правительство. Первое состояло изъ соціалъ-революціонеровъ, послѣднія два носили характеръ коалиціонный. Вездѣ кипѣла работа по организаціи добровольческихъ отрядовъ и по возстановленію нарушеннаго порядка. Городъ Новониколаевскъ, напримѣръ, сталъ центромъ антибольшевицкой дѣятельности. Тамъ находилась особая офицерская организація, державшая связь съ такими же организаціями въ другихъ городахъ. Тамъ же русскій полковникъ Гришинъ-Алмазовъ далъ толчекъ къ организаціи народной арміи и особаго сибирскаго правительства, именовавшагося перво-

*) Gajda R. Moje pamĕti.

начально «Западно-Сибирскимъ Комиссаріатомъ». Возникшія въ городахъ Омскѣ, Уфѣ и Самарѣ мѣстныя правительства высказывались за аннулированіе брестъ-литовскаго договора, за образованіе новаго противонѣмецкаго фронта и за освобожденіе Россіи отъ нѣмецкаго вліянія*). Эти стремленія совпадали со взгладами чехословаковъ и потому между ними и этими правительствами скоро установились добрыя отношенія. Чехословаки смотрѣли на нихъ, какъ на представителей русскаго народа, желавшихъ ему добра, и въ свою очередь старались помочь имъ въ ихъ освободительномъ движеніи. Не надо забывать, что русская февральская революція 1917 года свергла въ нѣсколько дней прежній режимъ, не встрѣтивъ рѣшительно никакого сопротивленія. Даже въ глухой провинціи, гдѣ революціонеровъ легко могли разогнать десять городовыхъ, не было никакихъ попытокъ къ организаціи какого бы то ни было протеста. Получилось впечатлѣніе, особенно у иностранцевъ, что прежній строй не имѣлъ защитниковъ и что новыя начала исходили изъ нѣдръ народа. Естественно, что сочувствіе къ участникамъ февральской революціи было значительно. Имъ старались тогда помогать и вѣрили въ ихъ силу и значеніе.

О происходившихъ въ Сибири событіяхъ гремѣлъ уже весь міръ. Союзники стали задумываться надъ ихъ значеніемъ. Результатомъ этихъ событій было установленіе новаго противонѣмецкаго фронта по линіи рѣки Волги.

5.

Возстановить противонѣмецкій поволжскій фронтъ желали многіе. Эта мысль появилась тогда, когда чехословацкія войска, пробиваясь къ востоку, натолкнулись съ одной стороны на враждебное отношеніе большевиковъ, а съ другой — на значительное количество вооруженныхъ противъ нихъ нѣмецкихъ и мадьярскихъ военноплѣнныхъ, которыхъ Германія хотѣла перебросить на западный фронтъ. Къ нимъ присоединились еще новые факторы: сочувственное отношеніе сибирскаго обще-

*) Gajda R. Moje paměti.

ства къ успѣхамъ чехословаковъ и созданіе тамъ, при ихъ содѣйствіи цѣлаго ряда противобольшевицкихъ организацій, главнымъ образомъ добровольческихъ отрядовъ. Это движеніе заставило обратить на себя серьезное вниманіе. При назрѣваніи вопроса о возобновленіи противонѣмецкаго фронта опредѣлились три теченія. *Союзники* преслѣдовали свои цѣли, которыя у каждой державы были разныя. *Чехословаки* неизмѣнно думали объ освобожденіи своей родины, но не забывали и о Россіи. Ихъ попрежнему волновали еще многообѣщающіе вопросы о Россіи, Чехіи и Славянствѣ. *Русскіе* же, переживая тяжелую эпоху революціи, стремились главнымъ образомъ къ освобожденію страны отъ большевиковъ, но въ дальнѣйшихъ своихъ стремленіяхъ сильно между собою расходились. Кромѣ того русскіе придавали слишкомъ большое значеніе участію иностранныхъ войскъ. Нѣкоторые изъ нихъ утверждали, что безъ наличія иностранной силы не спасти Россіи и тутъ же опредѣляли эту силу словами: «дайте намъ нѣсколько великобританскихъ или французскихъ полковъ и отъ большевиковъ не будетъ слѣда». Наличность такого взгляда свидѣтельствовала о неувѣренности въ собственныхъ силахъ, что потомъ и подтвердилось.

Представители союзныхъ державъ проявили въ этомъ дѣлѣ большую долю нервности. Они не скупились тогда на обѣщанія. Еще 21-го іюня 1918 года представитель пребывавшей въ Сибири французской военной миссіи маіоръ Гюине (Guinet) офиціально сообщилъ «Отдѣлу Чехословацкой Національной Рады въ Россіи» о желаніи союзныхъ державъ образовать новый противонѣмецкій фронтъ по линіи рѣки Волги съ тѣмъ, чтобы чехословацкія войска стали авангардомъ союзныхъ войскъ, которыя туда немедленно будутъ посланы. Это свое сообщеніе маіоръ Гюине помѣстилъ затѣмъ въ № 108 мѣстной чешской газеты «Čsl. Deník», съ присовокупленіемъ, что возстанавливаемый фронтъ будетъ направленъ исключительно только противъ нѣмцевъ, и что въ первыхъ его рядахъ будетъ сражаться Франція, — вѣрный союзникъ Россіи. Это заявленіе французскаго маіора въ тотъ же день было сообщено чехословацкимъ войскамъ. При этомъ имъ вмѣнялось въ обязанность стараться удержать

добытыя позиціи, очистить отъ большевиковъ всю сибирскую магистраль и ожидать прибытія союзныхъ войскъ.

Предложеніе образовать новый фронтъ и обѣщанное участіе въ немъ союзныхъ войскъ вызвало большой подъемъ среди всѣхъ антибольшевицкихъ элементовъ. Все мѣстное общество не только вѣрило въ обѣщанную помощь иностранцевъ, но было увѣрено и въ несомнѣнной побѣдѣ ихъ надъ большевиками. Все пробудилось къ активной дѣятельности. Чехословаки были связывающимъ звеномъ. Они, правда, не особенно довѣряли обѣщанію союзниковъ прислать войска и мало надѣялись на возможность создать боеспособную русскую армію, но, имѣя въ виду серьезную цѣль, старались поддержать охватившее всѣхъ настроеніе.

Внутреннее положеніе Сибири было тогда очень плачевно. Противобольшевицкое движеніе росло, но ему не доставало единства и общей программы. Однимъ изъ наиболѣе сильныхъ въ то время въ Западной Сибири правительствъ, было Омское. Оно возникло еще въ январѣ 1918 года, какъ протестъ противъ захвата власти большевиками. Однако его скоро разогнали тѣ же большевики. Когда же появились чехословаки и освободили отъ красныхъ цѣлый рядъ мѣстностей, въ томъ числѣ и гор. Омскъ, оставшіеся члены бывшаго правительства снова собрались и возобновили свою прерванную дѣятельность. Предсѣдателемъ министерскаго совѣта этого новаго правительства былъ извѣстный сибирскій общественный дѣятель П. Вологодскій. Кромѣ омскаго правительства существовало еще самарское правительство, образовавшееся изъ членовъ Учредительнаго собранія, въ числѣ коихъ были лѣвые и правые соціалисты: Черновъ, Авксентьевъ и др., а также нѣсколько менѣе значительныхъ правительствъ, имѣвшихъ мѣстный характеръ.

Въ Восточной же Сибири существовали правительства: 1) въ гор. Харбинѣ, во главѣ котораго стоялъ старый царскій администраторъ ген. Хорватъ, объявившій себя верховнымъ правителемъ Дальняго Востока, и 2) во Владивостокѣ — соціалистическое правительство, во главѣ котораго былъ бывшій членъ Омскаго правительства г. Дерберъ. Къ этимъ правитель-

ствамъ въ Восточной Сибири необходимо причислить еще Забайкальскую автономную военную организацію атамана Семенова, находившуюся подъ покровительствомъ Японіи, а также нѣсколько мелкихъ автономныхъ правительствъ.*)

Всѣ эти правительства вели между собою постоянные споры. Характеръ ихъ былъ чисто эгоистическій. Нерѣдко войска одного правительства разоружали солдатъ другого, устанавливалась граница между однимъ и другимъ правительствомъ, не пропускались нѣкоторые продукты съ одной территоріи въ другую и т. д. Иногда между ними возникала форменная таможенная война. Дѣйствія этихъ правительствъ не предвѣщали ничего добраго и были далеки отъ насажденія какого-либо порядка.

Это сознавали чехи и этого очень боялись.

Рѣшеніе возобновить противонѣмецкій фронтъ измѣнило всѣ существовавшіе до того времени планы.

Уже на второй день послѣ соединенія чехословацкихъ войскъ на станціи Миньяръ, полковнику Чечеку было приказано озаботиться установленіемъ новаго фронта, на первыхъ порахъ изъ свободныхъ войскъ пензенской и челябинской группъ. Во исполненіе этого приказа полковникъ Чечекъ сейчасъ же обратился къ войскамъ съ особымъ призывомъ, въ которомъ сообщалъ о созданіи фронта совмѣстно съ русскими и ихъ союзниками. Съ такимъ же призывомъ обратился къ войскамъ и ихъ народный вождь предсѣдатель парижской народной рады проф. Масарикъ. Онъ заявилъ, что, по сложившимся обстоятельствамъ, чехословаки должны остаться въ Россіи и дѣйствовать за одно съ союзниками. При этомъ онъ присовокупилъ, что ихъ врагами въ Россіи являются нѣмцы и австрійцы, а также тѣ единицы и части русскаго общества, которыя соединились съ ними противъ чехословаковъ и ихъ союзниковъ.**)

Этими событіями начиналась новая страница въ исторіи

---

*) Гинсъ, Г. К. Сибирь, Союзники и Колчакъ.
Лелевичъ, Г. В. Въ дни Самарской Учредилки.
Gajda. Moje paměti.

**) Čsl. Denník.

чехословацкаго движенія въ Россіи. Чехословаки снова возвращались къ своей первоначальной роли.

Приступивъ къ созданію новаго фронта и къ продолженію войны, чехословаки, прежде всего, постарались обезпечить за собой переправу черезъ рѣку Волгу. Они соединились съ русскими добровольческими частями и вмѣстѣ съ ними принялись за работу. Въ первую очередь они завладѣли Александровскимъ мостомъ и прилегающими къ нему мѣстностями, съ важнымъ въ стратегическомъ отношеніи гор. Сызранью, а потомъ, устремившись на линію Чишма-Симбирскъ, заняли города: Бугульму, Мелекесъ и наконецъ 22-го іюля гор. Симбирскъ.

Успѣхи чехословаковъ сильно встревожили большевиковъ и заставили ихъ подумать о болѣе серьезныхъ мѣрахъ. Командующій красноармейскими войсками Юреневъ разослалъ совѣтамъ телеграмму (№ 345), въ которой, указывая на паденіе Симбирска, сообщалъ, что русская соціалистическая революція въ опасностии, что, въ видахъ защиты всѣхъ ея завоеваній, необходимо немедленно организовать и послать на фронтъ противъ чехословацкихъ и бѣлогвардейскихъ бандъ всѣ наличныя красноармейскія силы. Вмѣстѣ съ тѣмъ совѣтское правительство приказало отправить на Волгу всѣ войска, стоявшія на нѣмецкой границѣ. По характерному заявленію народнаго комиссара Троцкаго, со стороны нѣмцевъ совѣтскому правительству не угрожала никакая опасность и потому держать тамъ войска представлялось совершенно излишнимъ.

Послѣ занятія гор. Симбирска, чехословаки совмѣстно съ русскими добровольческими частями, бросились преслѣдовать разбѣжавшихся большевиковъ съ цѣлью помѣшать имъ снова собраться. Большевики укрылись въ южной полосѣ желѣзной дороги Сызрань-Бугульма, но чехословаки нашли ихъ тамъ и разсѣяли. Постепенно была очищина вся мѣстность, прилегающая къ желѣзнодорожнымъ линіямъ Симбирскъ—Уфа и Самара—Уфа, а также вся мѣстность на югъ отъ желѣзной дороги Самара—Уфа. Въ послѣдней чехословаки помогли съорганизовавшимся тамъ русскимъ казацкимъ отрядамъ занять, послѣ цѣлаго ряда кровавыхъ боевъ, города Стерлитамакъ, Верхне-Уральскъ, Орскъ, Оренбургъ и Уральскъ.

Рядъ жесточайшихъ боевъ происходилъ также по обоимъ берегамъ рѣки Волги, южнѣе г. Сызрани. Тамъ дѣйствовали соединенныя чехословацкія и русскія добровольческія части, противъ значительно сильнѣйшаго противника.

Пользуясь для своихъ цѣлей доставшимися въ ихъ руки пароходами, эти отряды скоро заняли цѣлый рядъ приволжскихъ мѣстностей, въ томъ числѣ 24 іюля, послѣ трехдневнаго боя, — г. Хвалынскъ и 4-го сентября — г. Вольскъ, предѣльный пунктъ тогдашняго движенія чехословаковъ на Западъ.

Участвовавшія въ этихъ бояхъ русскія добровольческія части были тогда еще очень незначительны и потому вся тяжесть борьбы лежала на чехословакахъ. Это въ свою очередь сильно повліяло на ихъ переутомленіе, что вскорѣ и обнаружилось.

Во время этихъ дѣйствій на приволжскомъ фронтѣ, Челябинская группа, подъ руководствомъ Войцеховскаго и Сыроваго, закрѣпляла свои успѣхи у Екатеринбурга, а Сибирская группа, подъ командой Гайды, заканчивала еще свою первоначальную задачу — соединеніе чехословацкихъ частей съ наиболѣе удаленной владивостокской группой.

Послѣ занятія г. Иркутска большевики отступили къ Байкалу и сосредоточились около станцій Байкалъ и Култукъ. Съ ними было 4.000 хорошо вооруженныхъ мадьярскихъ военноплѣнныхъ. Противъ нихъ выступили чехословаки, усиленные русскими добровольческими частями, ударили на нихъ и послѣ упорнаго боя принудили очистить обѣ станціи. Отступая дальше къ востоку, большевики взорвали тунель № 39, и, задержавъ этимъ наступленіе чехословаковъ, усилили свои ряды и укрѣпились у станціи Мурино. Чехословаки, однако, добрались и туда. Завязался жестокій бой. Чехословаки и русскія добровольческіе отряды, подъ общей командой полковника Пепеляева, сражались отчаянно. Только послѣ семнадцатичасоваго упорнаго сраженія удалось осилить большевиковъ и заставить ихъ отступить къ слѣдующей станціи.

Потери большевиковъ въ этомъ бою исчислялись тысячами: около 2.500 попало въ плѣнъ, на желѣзнодорожномъ полотнѣ подобрано 700 убитыхъ, въ озерѣ Байкалѣ, спасаясь на лодкахъ, утонуло нѣсколько сотъ, а количествс

раненыхъ не поддавалось даже подсчету. Остатки разбитыхъ большевицкихъ частей попытались сосредоточиться еще на линіи Кедрова—Танхой—Мысовая—Посольская, куда они вызвали всѣ резервы съ востока. Предстояло выбить ихъ и съ этихъ послѣднихъ позицій. Для этого рѣшено было ударить на нихъ съ двухъ сторонъ: съ запада — на станціи Кедрова и Танхой и съ востока — на станцію Посольская. Для операцій въ тылу былъ организованъ особый отрядъ въ 1200 человѣкъ, состоявшій подъ командой храбраго русскаго подполковника Б. Ф. Ушакова. Онъ быстро переплылъ на малыхъ судахъ озеро Байкалъ, высадился у деревни Посольская и 15 августа, неожиданно для большевиковъ, занялъ станцію. Это совпало съ наступленіемъ фланговыхъ войскъ на ст. Танхой, которая 16 августа была уже въ ихъ рукахъ, а на слѣдующій день въ такомъ-же положеніи очутилась и слѣдующая станція Мысовая. Успѣхъ чехословаковъ вызвалъ сильный переполохъ среди красноармейцевъ. Они усиленно стали подвозить съ востока свои резервы. Отряду подполк. Ушакова приходилось туго. Ожидая прибытія фланговыхъ войскъ, онъ, съ неимовѣрными затрудненіями, старался противодѣйствовать скопленію большевицкихъ силъ. Но у заставы № 19 онъ неожиданно попалъ подъ огонь большевиковъ и былъ захваченъ ими въ плѣнъ. На слѣдующій день тѣло его нашли изуродованнымъ въ лѣсу. Въ такомъ-же видѣ найдены и другіе его боевые товарищи.*) Смерть подполк. Ушакова произвела тяжелое впечатлѣніе на всѣхъ участниковъ похода. Его любили всѣ чехословаки, о немъ они вспоминаютъ до сихъ поръ съ особеннымъ благоговѣніемъ. Эта смерть совпасъ очищеніемъ всей сибирской магистрали отъ большевиковъ и ихъ друзей мадьяръ и нѣмцевъ.

Съ тѣхъ поръ началось уже систематическое преслѣдованіе убѣгавшихъ красноармейцевъ. 26-го августа пала Чита, а 20-го августа былъ занятъ городъ Селенгинскъ. При занятіи послѣдняго разразился бой съ русско-мадьярскими красноармейскими частями, находившимися подъ командой Лазо, Карандашвили и Лаврова. Послѣдній командовалъ мадьярскими, а Карандаш-

---

*) Gajda R. Moje paměti.

вили — русскими частями. Преслѣдуя и разгоняя большевиковъ, одна часть чехословацкихъ войскъ достигла 1 сентября города Троицкосавска, а другая встрѣтилась 31-го августа на ст. Оловянная съ чехословацкими частями владивостокской группы. Такимъ образомъ были закончены военныя дѣйствія на Байкальскомъ участкѣ и достигнуто соединеніе всѣхъ частей чехословацкихъ войскъ на всемъ протяженіи великаго сибирскаго пути. Это въ свою очередь дало возможность войскамъ послѣднихъ двухъ группъ сейчасъ-же перебросить свои силы на западный приволжскій фронтъ. Командующій сибирской группой Гайда привѣтствовалъ войска съ окончаніемъ главной задачи и, указывая на событія на Волгѣ и на большую нѣмецко-большевицкую опасность, призывалъ ихъ помочь сражавшимся тамъ войскамъ. Въ своемъ призывѣ онъ упомянулъ и о молодыхъ русскихъ противобольшевицкихъ войскахъ, которымъ нужно пособить, пока они сами не соберутся съ силами стать на защиту своей родины.*)

Владивостокская группа чехословацкихъ войскъ состояла подъ командой русскаго генерала Дитерихса. Она насчитывала 14.000 добровольцевъ. Добравшись съ большими затрудненіями до Владивостока, войска этой группы готовились къ отплытію на французскій фронтъ, но потомъ, въ виду возобновленія Поволжскаго фронта, ждали возможности вернуться на западъ къ сражавшимся тамъ своимъ соотечественникамъ. Во время пребыванія во Владивостокѣ эти части старались соблюдать полный нейтралитетъ во всѣхъ происходившихъ тамъ событіяхъ. Къ концу іюня 1918 года обнаружилось, однако, что красноармейцы, вмѣстѣ съ нѣмецкими и мадьярскими плѣнными, готовятся къ нападенію на чехословаковъ. Для этой цѣли они стянули свои войска изъ Хабаровска, Благовѣщенска и другихъ городовъ къ Владивостоку. Видя надвигавшуюся опасность, ген. Дитерихсъ послалъ 29-го іюня мѣстному совѣту ультимативное требованіе немедленно разоружить всѣ мѣстныя красноармейскія части. Не получивъ никакого отвѣта и опасаясь нападенія, чехосло-

*) Gajda R. Moje pamĕti.

вацкія войска въ тотъ же день сами разоружили всѣхъ мѣстныхъ красноармейцевъ и, послѣ незначительныхъ столкновеній съ нѣмецкими и мадьярскими большевицкими частями, заняли городъ. Одновременно съ тѣмъ они послали свой отрядъ для охраны расположеннаго въ 40 верстахъ отъ Владивостока тонелля.

Выступленіе чехословаковъ во Владивостокѣ было поддержано всѣми представителями союзныхъ державъ. Японцы тогда же прислали свои войска. Стали прибывать также небольшіе отряды и другихъ союзныхъ войскъ. Представители союзнаго командованія издали 6-го іюля слѣдующую прокламацію: *«Въ виду опасности, угрожающей Владивостоку и союзнымъ силамъ, здѣсь находящимся, отъ открытой и тайной работы австро-германскихъ военноплѣнныхъ, шпіоновъ и эмиссаровъ, настоящимъ городъ и его окрестности берутся подъ временную охрану союзныхъ державъ, и будутъ приняты всѣ необходимыя мѣры для защиты какъ отъ внѣшней, такъ и внутренней опасности. Власть Земства и городского самоуправленія признается въ предѣлахъ мѣстныхъ дѣлъ, но военныя силы и полиція будутъ усилены такимъ количествомъ союзныхъ силъ, какое будетъ найдено необходимымъ для предовращенія опасности отъ вліянія австро-германскихъ агентовъ, которые по имѣющимся свѣдѣніямъ работаютъ въ городѣ. Настоящій актъ дѣлается въ духѣ дружбы и симпатіи къ русскому народу, въ надеждѣ, что періодъ спокойствія дастъ возможность сбросить иго тиранической диктатуры австро-германскихъ державъ, спѣшащихъ навязать это иго русскому народу на долгое время».* Подписали эту прокламацію: адмиралъ флота Соединенныхъ Штатовъ Найтъ, вице-адмиралъ японскаго флота Хирохару Като, капитанъ британскаго флота Пэйнъ, начальникъ французской военной миссіи Парисъ, капитанъ китайскаго флота Х-лю и капитанъ ч. с. арміи Бадюра.*)

Еще до изданія этой прокламаціи нѣкоторыя чехословацкія части двинулись 1-го іюля къ гор. Никольскъ-Уссурійску, гдѣ

---

*) Пишонъ, полк. фр. ген. штаба. Союзническая интервенція на Дальнемъ Востокѣ и въ Сибири.

стали собираться крупныя красноармейскія силы. Въ происшедшемъ сраженіи при устьи рѣки Суй-Фуй, чехословацкій отрядъ, состоявшій изъ 2.000 человѣкъ, разбилъ противника, насчитывавшаго 3.600 человѣкъ и 5-го іюля занялъ гор. Никольскъ-Уссурійскъ. Оттуда одна часть отряда отошла на ст. Манджурской желѣзной дороги — Пограничную, а другая, преслѣдуя отступавшихъ большевиковъ, двинулась въ направленіи г. Хабаровска. У станціи Евгеньевка между чехословаками и красноармейцами произошло сраженіе. Красные бѣжали и укрѣпились около станціи Кауль, куда подошли къ нимъ новыя силы. Тамъ ихъ собралось до 9.500 человѣкъ. Немногочисленному чехословацкому отряду трудно было устоять, и потому они принуждены были отойти къ заставѣ Краевской, въ 45 верстахъ отъ мѣста расположенія большевиковъ. Туда къ нимъ прибыли на помощь сначала атаманъ Калмыковъ, потомъ небольшіе отряды англійскихъ и французскихъ войскъ и, наконецъ болѣе значительныя силы японцевъ. 23-го августа соединенныя войска, подъ командой японскаго полковника Уранаки, бросились на большевиковъ, разбили ихъ и заняли городъ Хабаровскъ.

Къ этому времени относится опубликованіе союзными правительствами спеціальныхъ декларацій объ ихъ участіи въ происходившихъ событіяхъ. *Правительство Соединенныхъ Штатовъ Америки* заявило, что оно считаетъ необходимымъ оказать возможное покровительство и помощь чехословакамъ противъ нападающихъ на нихъ вооруженныхъ австрійскихъ плѣнныхъ. *Британское правительство* указывало, что его помощь направлена къ тому, чтобы спасти русскихъ отъ раздробленія и разрушенія отъ рукъ Германіи, стремящейся поработить русскій народъ и использовать огромныя богатства его страны для собственныхъ цѣлей. *Французское правительство* заявило, что непосредственной причиной его выступленія явилась необходимость оказать помощь ихъ союзникамъ-чехословакамъ. При слѣдованіи черезъ Россію ихъ единственной цѣлью было отправиться сражаться съ нѣмцами на западномъ фронтѣ, не вмѣшиваясь во внутреннюю политику страны. Преданные большевиками, нарушившими всѣ соглашенія, и атакованные во-

оруженными германо-австрійскими плѣнными, они погибли бы навѣрное, если бы, сопротивляясь, не проявили столько доблести и несокрушимой энергіи. *Итальянское правительство* декларировало слѣдующимъ образомъ: центральныя державы, въ явное нарушеніе формальныхъ обязательствъ, выждавъ моментъ, когда чехословаки находились на пути обратного слѣдованія изъ Россіи, подвергли ихъ предательскому нападенію со стороны вооруженныхъ австро-венгерскихъ и германскихъ военно-плѣнныхъ, которые въ свою очередь увлекли за собой банды изъ вооруженныхъ ими-же мѣстныхъ жителей. Изолированные и безоружные чехословаки были вынуждены къ героической отчаянной защитѣ, продолжавшейся нѣсколько мѣсяцевъ. Не будь ихъ стойкаго сопротивленія, не будь помощи союзниковъ, имъ пришлось бы или погибнуть, или подчиниться все возрастающему въ Россіи германскому и австро-венгерскому вліянію. Италія, которая на берегахъ Піявы была свидѣтельницей удивительной храбрости чехословацкихъ войскъ, сражавшихся бокъ-о-бокъ съ итальянской арміей, не могла не поспѣшить на помощь и защиту чехословаковъ въ Россіи. *Китайское правительство* констатировало, что центральныя европейскія державы, пользуясь политическимъ хаосомъ и затруднительными условіями, въ которыхъ находится вся Россія, вторглись на русскую территорію и распространяютъ свое тираническое господство все дальше и дальше на Востокѣ. Большое число германскихъ и австро-венгерскихъ плѣнныхъ, вооружившись благодаря все болѣе увеличивающемуся ихъ вліянію въ Россіи, настойчиво препятствуютъ продвиженію на Востокъ чехословацкихъ войскъ, которыя стремятся принять участіе въ дѣлѣ общемъ для всѣхъ союзныхъ державъ и судьба которыхъ не можетъ быть безразличной для союзниковъ. Наконецъ *японское правительство* категорически заявило, что имѣется слишкомъ много доказательствъ того, что центральныя европейскія державы, пользуясь хаотическимъ и беззащитнымъ положеніемъ Россіи, закрѣпляютъ власть надъ этой страной и постепенно распространяютъ свою дѣятельность на Дальне-Восточномъ владѣніи Россіи. Они настойчиво вмѣшиваются въ прохожденіе чехословацкихъ войскъ черезъ Россію. Въ составъ

силъ, оказывающихъ теперь противодѣйствіе этимъ доблестнымъ войскамъ безпрепятственно входятъ германскіе и австро-венгерскіе плѣнные, которые фактически занимаютъ даже командующее положеніе. Чехословацкія войска, воодушевленныя стремленіемъ къ свободному и независимому существованію своей націи, лойяльно отдавшія себя на служеніе общему дѣлу союзниковъ, справедливо завоевали общую симпатію и уваженіе своихъ соратниковъ, для которыхъ ихъ судьба есть дѣло глубокаго и жизненнаго значенія. Передъ лицомъ угрожающей опасности, которой дѣйствительно подвергались чехословацкія войска въ Сибири, оказавшіяся въ рукахъ германцевъ и австро-венгерцевъ, союзники естественно нашли для себя невозможнымъ оставаться въ положеніи равнодушныхъ зрителей въ теченіи событій и нѣкоторое число ихъ войскъ уже получило приказъ отправиться во Владивостокъ.»*)

Тогда-же во Владивостокской гавани высадилось около 6.000 англійскихъ канадцевъ, одинъ батальонъ Гэмпширскаго полка, въ составѣ 1.000 человѣкъ, 16—18.000 японцевъ, 1.000 человѣкъ французскихъ колоніальныхъ войскъ, и небольшой американскій экспедиціонный корпусъ.

Цѣль чехословацкихъ войскъ Владивостокской группы состояла въ томъ, чтобы, очистивъ линію отъ большевиковъ, соединиться съ остальными частями чехословацкой и русской добровольческой арміи. Ихъ части, отправленныя на станцію Пограничную, маньчжурской желѣзной дороги, двинулись оттуда дальше на Западъ и, достигнувъ рѣкиОнонъ, встрѣтились тамъ 31-го августа съ чехословацкими и русскими частями сибирской группы. Этимъ завершилось соединеніе всѣхъ частей чехословацкихъ войскъ. Передъ ними выростала уже другая задача — участіе въ образовавшемся новомъ противонѣмецкомъ фронтѣ. Сейчасъ же части владивостокской и сибирской группъ были переброшены къ Екатеринбургу, гдѣ онѣ вошли въ составъ войскъ, дѣйствовавшихъ подъ командой полк. Гайды.

Въ это время на приволжскомъ фронтѣ, послѣ цѣлаго

*) Пишонъ. Союзническая интервенція на Дальнемъ Востокѣ и въ Сибири.

ряда побѣдъ, выдвинулся вопросъ о занятіи города Казани. Для нѣкоторыхъ этотъ вопросъ былъ легко разрѣшимъ. Но главное командованіе, находившееся въ рукахъ полковника Чечека, относилось къ нему очень осторожно. Имѣя въ виду предпринятыя большевиками мѣры, оно, раньше чѣмъ рѣшиться на такое трудное дѣло, предполагало предоставить изнуреннымъ боями войскамъ необходимый отдыхъ и выждать прибытія съ Востока свѣжихъ частей. Его, однако, не послушали. Стоявшій во главѣ фронтовыхъ частей полк. Степановъ попалъ подъ сильное вліяніе члена самарскаго правительства Вл. Лебедева. Послѣдній, указывая на хранившіяся въ Казани крупныя цѣнности и огромный золотой запасъ, доказывалъ необходимость поскорѣе вырвать ихъ изъ рукъ большевиковъ. Убѣжденія г. Лебедева подѣйствовали. Немедленно на Казань были посланы войска, состоявшія изъ 1-го чехословацкаго полка, подъ командой полковника Швеца, и русскихъ добровольческихъ частей, находившихся подъ командой полковника Каппеля. 7-го августа городъ съ налета былъ уже занятъ наступавшими войсками. Въ ихъ руки досталась огромная добыча: масса пароходовъ, большое количество вооруженія и боевыхъ припасовъ, цѣнныя бумаги колоссальной стоимости, 2.000.000.000 кредитокъ, богатѣйшіе запасы платины и серебра *и огромнѣйшій золотой запасъ въ 650 милліоновъ золотыхъ рублей*. Все это огромное имущество было принято особыми представителями самарскаго правительства и ими-же увезено въ гор. Самару. Объ этомъ тогда-же было объявлено во всеобщее свѣдѣніе помощникомъ управляющаго военнымъ отдѣломъ Самарскаго правительства г. Лебедевымъ, съ присовокупленіемъ, что все это народное достояніе перешло отъ грабителей и предателей полностью въ руки Учредительнаго Собранія и что Россія не должна безпокоиться о цѣлости своего богатства.*)

Скоро, однако, результаты поспѣшнаго занятія г. Казани сказались. Золото и всѣ другія цѣнности были увезены, а вой-

---

*) Denník pluk. Švece.
Pamětní kniha 1. pluku.
Gajda R. Moje paměti.

ска остались въ городѣ, съ перспективой невозможности въ немъ удержаться. Для большевиковъ занятіе городовъ Симбирска и Казани было весьма чувствительнымъ ударомъ. Они наскоро сформировали четыре арміи и уже черезъ недѣлю послѣ занятія города Казани обнаружили стремленіе окружить его со всѣхъ сторонъ. Въ городѣ оставались лишь чехословацкія войска и небольшой сербскій добровольческій отрядъ, подъ командой майора Благотича. Русскія-же части, подъ командой полковника Каппеля, были спѣшно вызваны къ Симбирску, которому также сильно угрожали большевики. Чехословаки оборонялись отъ наступавшихъ на городъ, нанося имъ ударъ за ударомъ. Но въ то время, когда на мѣсто выбывавшихъ изъ строя большевиковъ шли новыя удвоенныя силы, у чехословаковъ не было никакихъ резервовъ. Казанскіе граждане обѣщали, правда, крупную помощь, но, къ сожалѣнію, не сдержали своего обѣщанія.

Генералъ Гайда на стр. 76 своего труда «Moje pamětі» заявляетъ, что объявленная казанскими гражданами мобилизація, при 250 тысячномъ населеніи, дала лишь 570 подростковъ, совершенно неподготовленныхъ къ боевымъ дѣйствіямъ и боявшихся собственныхъ выстрѣловъ. Точно также и организованная городомъ милиція разбѣжалась послѣ перваго выстрѣла. Инертность казанскихъ гражданъ превосходила всякія понятія. Кутежи и веселіе заполнили всю ихъ жизнь. «Въ то время», — продолжаетъ въ помянутой книгѣ генералъ Гайда, — «когда обезсиленныя части перваго чехословацкаго полка напрягали послѣднія усилія, чтобы сдержать натискъ красноармейцевъ и защитить городъ, *граждане его шумно проводили время на устроенныхъ ими великолѣпныхъ конскихъ состязаніяхъ!*» Чехословаки были предоставлены самимъ себѣ. Вся надежда была на отрядъ русскихъ добровольцевъ подъ командой полковника Каппеля, который спѣшно возвращался къ нимъ на помощь отъ Симбирска. Имѣя въ своемъ распоряженіи 2.000 штыковъ, 300 кавалеристовъ и 14 орудій, полковникъ Каппель сосредоточилъ свои силы на правомъ берегу рѣки Волги, около сел. Саланга и Ташевка, и предполагалъ нанести красноармейцамъ ударъ въ тылъ. Его планъ потерпѣлъ, однако, неудачу.

28 августа, послѣ кратковременнаго боя съ превосходными силами красноармейцевъ, половина его отряда выбыла изъ строя. Надежды на каппеловцевъ сразу рухнули, а вмѣстѣ съ тѣмъ была рѣшена и дальнѣйшая участь города Казани. На разсвѣтѣ 5-го сентября началось общее большевицкое наступленіе на городъ. Троцкій обѣщалъ крупную денежную награду тому полку, который первый войдетъ въ городъ. Чехословацкія войска въ составѣ 4-хъ ротъ занимали линію Верхній Услонъ-Воробьевка—Нижній Услонъ. Сильнымъ ударомъ на Воробьевку большевики врѣзались въ линію расположенія чехословацкихъ частей, разстроили ихъ и поставили въ крайне тяжелое положеніе. Не будучи въ силахъ устоять, чехословацкія роты отошли на лѣвый берегъ р. Волги. Тамъ они держались еще три дня, защищаясь отъ нападеній красныхъ. Маленькая горсточка чехословаковъ отбивалась тогда отъ 42.000 красноармейцевъ. Не предвидя уже никакой помощи, они ночью съ 9 на 10 сентября покинули городъ Казань, который съ трудомъ удерживали въ теченіи 4-хъ недѣль.

Оставленіе г. Казани повлекло за собою цѣлый рядъ неудачъ. Почти одновременно съ Казанью палъ 11-го сентября г. Симбирскъ, а 13 сентября оставленъ г. Вольскъ.

Сдача Казани и начавшіяся неудачи сильно повліяли на духъ чехословацкаго войска. Между ними началось броженіе. Нарекали на обманувшихъ ихъ союзниковъ, на непатріотичность казанскихъ гражданъ, на небоеспособность многихъ наскоро собранныхъ русскихъ добровольческихъ частей и т. д. Недовольство прогрессировало. Многіе стали даже задумываться о цѣлесообразности ихъ дальнѣйшихъ жертвъ. Ловкія агитаторы воспользовались этимъ настроеніемъ войскъ и стали еще больше углублять общее недовольство. Результатомъ этихъ тяжелыхъ переживаній явилась смерть одного изъ храбрѣйшихъ чехословацкихъ вождей, командира 1-го полка Швеца. Не зная какъ подѣйствовать на волновавшихся солдатъ, онъ 25 октября 1918 года застрѣлился въ своемъ вагонѣ на станціи Аксаково. Онъ хотѣлъ образумить «павшихъ духомъ, и

*) Тамъ-же.

спасти войско отъ полнаго развала. Этого онъ достигъ, но цѣною своей жизни. Небезъинтересно остановиться нѣсколько подробнѣе на личности этого самоотверженнаго чешскаго героя. Онъ родился въ 1883 году въ Моравіи. Въ 1911 году пріѣхалъ въ Россію и былъ назначенъ учителемъ сокольской гимнастики при коммерческомъ училищѣ въ г. Екатеринодарѣ. 2-го августа 1914 года вступилъ добровольцемъ въ чехословацкую дружину. Въ 1915 году произведенъ «за храбрость» въ офицеры. Въ слѣдующемъ 1916 году присоединился къ православію. Въ битвѣ подъ Зборовомъ показалъ чудеса храбрости. Когда въ 1914 году онъ уѣзжалъ изъ Екатеринодара на войну, его провожали мѣстные граждане, учительскій персоналъ, учащіеся, и другіе. Проводы отличались большой задушевностью. На мѣстномъ вокзалѣ его засыпали цвѣтами, а одинъ изъ провожавшихъ напутствовалъ его словами: «Прощай, дорогой Іосифъ Войтѣховичъ, ты чехъ, но твоя душа наша — русская. Если и твои земляки такіе какъ ты, то мы можемъ быть спокойны, такъ какъ тамъ *у самаго очага вражды противъ славянъ, будетъ восемь милліоновъ нашихъ славянскихъ друзей.*

Полковникъ Швецъ отличался удивительной храбростью, вмѣстѣ съ тѣмъ ему было тяжело смотрѣть на страданія людей, и онъ вездѣ, гдѣ только могъ, проявлялъ это свое чуткое состраданіе и милосердіе. Беззавѣтно служа дѣлу, онъ хотѣлъ чтобы и всѣ его соратники такъ поступали. Своею смертью онъ дѣйствительно пробудилъ отрезвленіе. Войска были поражены великимъ самопожертвованіемъ любимаго вождя. На его похоронахъ рыдалъ весь его первый полкъ.

Занятіе г. Казани было крупной ошибкой западной арміи. Было ясно, что малочисленныя чехословацкія и русскія добровольческія части не удержатъ города. Это предвидѣлъ командующій фронтомъ генералъ Чечекъ и не соглашался на наступленіе. Въ данномъ случаѣ притягательной силой явились колоссальныя цѣнности, которыя находились въ г. Казани и которыя, какъ стало извѣстно, большевики не успѣли еще эвакуировать. Чехословацкія и русскія добровольческія войска обрушились на Казань какъ разъ въ то время, когда къ вывозу этихъ цѣнностей сдѣланы были всѣ приготовленія. Все это богатство, въ томъ

числѣ и огромный золотой запасъ, досталось наступавшимъ. Имъ дѣйствительно удалось все вывезти, но удержать за собой городъ они не могли.

Еще за двѣ недѣли до паденія Казани, когда силы красноармейцевъ вполнѣ опредѣлились, и когда обрисовалось тяжелое положеніе чехословацкихъ войскъ, въ ихъ командномъ составѣ произошелъ рядъ перемѣнъ. Полковникъ Сыровый былъ произведенъ въ генералъ-маіоры и назначенъ верховнымъ главнокомандующимъ всѣми чехословацкими войсками, а полковники: Гайда и Чечекъ, также произведенные въ генералъ-маіоры, назначены начальниками дивизій. Начальникомъ штаба былъ назначенъ русскій генералъ Дитерихсъ. Положеніе на фронтѣ однако по прежнему ухудшалось. Главная причина заключалась въ полномъ отсутствіи пополненій, безъ которыхъ не представлялось никакой возможности вести борьбу и держать фронтъ на огромномъ пространствѣ. Обѣщанныхъ союзными державами войскъ конечно не было. Оставалась надежда на русскія добровольческія части. Нѣкоторыя изъ нихъ дѣйствительно поражали своей выносливостью, самопожертвованіемъ и глубокой любовью къ родинѣ. Ихъ не могли смутить никакіе агитаторы, неудачи, лишенія и страданія. Эта восторженно настроенная добровольческая молодежь, без различія политическихъ вѣрованій, искренне желала счастья Россіи, — это были достойные сыны своей великой славянской родины. Но другія части, особенно наскоро сформированныя Самарскимъ правительствомъ на принципахъ самыхъ широкихъ свободъ, которыхъ они не понимали, а также тѣ, которые шли въ войска не по побужденіямъ патріотическаго долга, — вредили арміи, не могли выдерживать боя, убѣгали, обнажали фронтъ и своими необдуманными дѣйствіями развращали другихъ боевыхъ товарищей. Они напоминали тѣхъ русскихъ солдатъ, которые въ дни революціи бросали фронтъ, братались съ нѣмцами и осуждали всѣ попытки къ наведенію какой бы то ни было дисциплины. Среди нихъ постоянно шатались агитаторы, которые сѣяли разладъ, особенно усиливавшійся въ дни, когда бои принимали затяжной характеръ и когда требовалось проявлять особенное усиліе. Возникало опасеніе, какъ бы создавшееся по-

ложеніе не отразилось на чехословацкихъ войскахъ и безъ того сильно волновавшихся. На эти настроенія сильно вліяли еще и возникавшія въ тылу разныя неурядицы. Всѣ слои общества, а съ ними и весь фронтъ, высказывались за созданіе одной сильной власти, вмѣсто цѣлаго ряда споривших между собою областныхъ правительствъ. Насколько серьезнымъ былъ тогда этотъ вопросъ видно изъ того, что когда получилась надежда на осуществленіе его, всѣ сразу легче вздохнули. Сначала для обсужденія вопроса о созданіи одной сильной власти собрались въ г. Челябинскѣ нѣкоторые представители мѣстныхъ правительствъ и политическихъ партій. Они, однако, не дали никакихъ результатовъ. Споры между приверженцами разныхъ правительствъ и направленій не давали возможности придти къ одному общему рѣшенію. Тогда по настоянію чехословаковъ состоялось второе совѣщаніе, на которое явилось значительно больше участниковъ. Послѣднему удалось добиться рѣшенія созвать всѣхъ заинтересованныхъ на особое «государственное совѣщаніе» въ г. Уфу. Это былъ уже значительный шагъ впередъ. Всѣ съ нетерпѣніемъ ждали, когда соберется новое совѣщаніе. На него возлагались большія надежды. Наконецъ, во второй половинѣ м. августа съѣхались въ г. Уфу многочисленные представители разныхъ правительствъ и партій и открыли подъ предсѣдательствомъ Н. Д. Авксентьева государственное совѣщаніе. Передъ его началомъ предсѣдатель, отъ имени всѣхъ участниковъ, привѣтствовалъ и благодарилъ доблестныхъ чехословаковъ за ихъ мужество и ихъ заслуги въ дѣлѣ пробужденія русскаго національнаго духа въ Сибири. Затѣмъ началось подробное обсужденіе главнаго вопроса. Всѣ сошлись на одномъ мнѣніи: о необходимости объединиться. Къ 20-му августа всѣ вопросы были уже разсмотрѣны, и въ тотъ же день всѣми участниками подписанъ слѣдующій актъ объ образованіи ими всероссійской верховной власти: «Государственное совѣщаніе въ составѣ уполномоченныхъ: съѣзда бывшихъ членовъ всероссійскаго учредительнаго собранія, сибирскаго правительства, областного правительства Урала, казачьихъ войскъ: оренбургскихъ, уральскихъ, сибирскихъ, иркутскихъ, семирѣченскихъ, енисейскихъ и астраханскихъ, прави-

тельствъ: Башкиріи, Алашъ и Туркестана, съѣзда городовъ и земствъ Россіи, Сибири, Урала и Поволжья, политическихъ партій и организацій: эсеровъ, соціалъ-демократовъ, трудовыхъ національ-соціалистовъ, народной свободы, всероссійскаго единства, союза возрожденія Россіи, и т. д. и т. д., — въ единодушномъ стремленіи къ спасенію страны, возсозданію единства и обезпеченію ея независимости, постановило: вручить всю полноту верховной власти, на всемъ пространствѣ государства россійскаго, временному россійскому правительству въ составѣ пяти лицъ: Н. Д. Авксентьева, генералъ-лейтенанта В. Г. Болдырева, Н. А. Астрова, П. В. Вологодскаго и Н. В. Чайковскаго. Временное россійское правительство — *«директорія»* въ своей дѣятельности должно имѣть въ виду, что оно, впредь до созыва всероссійскаго учредительнаго собранія, является единственнымъ носителемъ верховной власти на всемъ пространствѣ государства россійскаго, и т. д., и т. д.»*)

Созданіе единой власти удовлетворяло самые широкіе круги сибирскаго общества. Получилось впечатлѣніе, что русскіе политическіе дѣятели дѣйствительно хотятъ забыть мелкіе партійные споры и искренне взяться за спасеніе Россіи. Эта вѣра сильно приподняла настроеніе въ войскахъ.

Новое правительство начало свою дѣятельность 24-го сентября 1918 года. Ему подчинились всѣ мѣстныя правительства, кромѣ атамана Семенова, пожелавшаго остаться по прежнему на положеніи покровительствуемой японцами автономной единицы. Генералу Хорвату были предоставлены особыя необмеженныя права и титулъ «намѣстника Дальняго Востока». Ему же было ввѣрено и управленіе Владивостокомъ, бывшее правительство котораго также прекратило свои функціи. Программа «директоріи» заключалась въ слѣдующемъ: освобожденіе Россіи отъ большевицкой диктатуры, аннулированіе брестъ-литовскаго договора, изгнаніе политики изъ рядовъ арміи, областная автономія, обезпеченіе культурной свободы для меньшинствъ и несмѣняемость правительства до созыва учредитель-

---

*) Ген. Болдыревъ, В. Г. Директорія, Колчакъ, Интервенты.
Гинсъ, Г. К. Сибирь, Союзники и Колчакъ.

наго собранія. Военныя дѣла были сосредоточены въ рукахъ генералъ-лейтенанта Болдырева, который, будучи членомъ «директоріи», состоялъ одновременно и верховнымъ главнокомандующимъ всѣми вооруженными силами Россіи. Къ этому времени почти всѣ чехословацкія и русскія добровольческія части находились на двухъ фронтахъ: екатеринбургскомъ и западномъ. Командующимъ екатетеринбургскимъ фронтомъ, какъ упоминалось выше, былъ генералъ Гайда. Въ составѣ этой группы находиласъ лучшая русская добровольческая часть генерала Пепеляева.

Къ концу сентября вокругъ г. Екатеринбурга разгорѣлись крупныя военныя дѣйствія. Тамъ красноармейцы сосредоточили значительныя силы и до конца сентября бои съ перемѣннымъ успѣхомъ происходили въ направленіяхъ: *тагильскомъ*, у самаго г. Тагиля, *лысвинскомъ*, у станціи Кинъ и *кунгурскомъ*. 30-го сентября красные начали офензиву на г. Екатеринбургъ. Послѣ цѣлаго ряда атакъ ихъ удалось отбить и 3-го октября занять г. Нижній Тагиль. Затѣмъ, послѣ ряда сраженій, были заняты: 18-го октября городъ Кордонъ и 23-го октября — г. Верхотурье. Бои у этихъ городовъ отличались особеннымъ упорствомъ. Часто одни и тѣ же мѣстности переходили по нѣсколько разъ изъ рукъ въ руки. Красноармейцы почти вездѣ значительно превышали чехословацкія и русскія добровольческія войска. Какія это были сили, и какъ они сражались, видно изъ того, что въ битвѣ 3-го октября у Нижняго Тагиля большевики потеряли 1.000 человѣкъ убитыми. Нужно было предпринимать цѣлый рядъ труднѣйшихъ операцій, чтобы преодолѣть хорошо вооруженную и численную красную армію. Достигнувъ этого, чехословацкія войска отошли на короткое время на отдыхъ въ Екатеринбургъ и на фронтѣ наступило сравнительное затишье. Они занимали тогда линію: Верхотурье—Кордонъ—Красноуфимскъ—Бугурусланъ—Бузулукъ до фронта атамана Дутова, т. е. на протяженіи болѣе 1.000 верстъ.

На западномъ фронтѣ положеніе, однако, не измѣнилось. Союзники продолжали увѣрять въ посылаемой ими помощи. На устроенномъ 3-го октября въ г. Екатеринбургѣ банкетѣ въ честь высокаго комиссара Англіи г. Элліота, послѣдній

заявилъ, что «союзники употребляютъ всѣ усилія для оказанія возраждающейся Россіи помощи, что ихъ войска уже въ пути и скоро будутъ на фронтѣ и что помощь снаряженіемъ и людьми идетъ также съ другой стороны — отъ Котласа». Всѣ эти обѣщанія, какъ впослѣдствіи оказалось, сулились лишь для того, чтобы ихъ никогда не исполнить. Высадившіяся въ Владивостокѣ иностранныя войска остались на Дальнемъ Востокѣ, а тѣ, которыя отправились на западъ, большею частью несли сторожевую службу въ мѣстахъ пребыванія разныхъ иностранныхъ миссій. Силы чехословаковъ замѣтно таяли. Красноармейскія-же части съ каждымъ днемъ усиливались новыми подкрѣпленіями и было ясно, что безъ серьезнаго подкрѣпленія, ихъ не одолѣть. 2-го октября чехословаки должны были покинуть г. Сызрань, а вмѣстѣ съ нимъ и Александровскій мостъ черезъ рѣку Волгу. Постепенно пришлось оставить всю приволжскую мѣстность и отойти за Самару. Послѣднюю отдали 7-го октября. Затѣмъ 29-го ноября красноармейцы, послѣ упорныхъ боевъ, выбили чехословаковъ изъ г. Белебея, 19-го декабря завладѣли г. Бирскомъ, а 30-го декабря имъ отдана Уфа. Потери чехословаковъ были огромны. Многія роты съ 220 человѣкъ уменьшились до 40. Подъ Уфой второму чехословацкому полку приходилось сдерживать въ теченіе цѣлаго мѣсяца натискъ 8.000 красноармейцевъ.

Неудачи на западномъ фронтѣ сильно поразили чехословаковъ. Ихъ войска, участники величайшаго въ мірѣ похода, цѣплялись тогда за каждое слово, которое давало хоть какую-нибудь надежду на благополучный исходъ ихъ великаго дѣла, а между тѣмъ для поддержанія этихъ надеждъ употреблялась или самая безцеремонная ложь, или ничѣмъ неоправданная небрежность. Иностранцы сулили помощь своими войсками, а русскіе все время увѣряли въ созданіи крупной боеспособной арміи. Мѣстная интеллигенція, среди которой было много офицеровъ, сидѣла въ тылу, спорила, устраивала банкеты, играла во власть, — а на фронтъ итти не желала. Ожидавшееся объединеніе разныхъ спорившихъ между собою правительствъ также не дало желательныхъ результатовъ. Образовавшееся послѣ долгихъ переговоровъ ом-

ское всероссійское правительство («директорія») не съумѣло проявить ни необходимой силы, ни авторитета, и стало игрушкой въ рукахъ тѣхъ же безпрестанно мутившихъ политикановъ.

Атмосфера сильно сгущалась. Приходилось удивляться, какъ могъ еще держаться фронтъ, тѣмъ болѣе, что на ряду съ разнаго рода неудачами, усиливалась самая широкая агитація большевиковъ. Единственную надежную силу, какъ о томъ упоминалось раньше, представляли лишь нѣкоторыя русскія части, состоявшія главнымъ образомъ изъ воодушевленныхъ и преданныхъ долгу молодыхъ добровольцевъ. Ихъ самоотверженная служба никогда не забудется, исторія всегда вспомнитъ ихъ добрымъ словомъ.

Какъ разъ въ то время стали проникать въ Сибирь слухи о капитуляціи нѣмцевъ и объ окончаніи войны. Эти слухи взволновали все чехословацкое войско. На мгновеніе были забыты всѣ невзгоды, лишенія, разочарованія и закравшіяся сомнѣнія. «*Война кончена, нѣмцы побѣждены!*» — эти слова несли радость, передъ которой все исчезло. Пятилѣтнія усилія увѣнчались успѣхомъ! Ихъ родину ждетъ освобожденіе!

Эти восторги смѣнились скоро хладнокровнымъ обсужденіемъ событій. «Разъ война кончена, — разсуждали многіе чехословаки, — то нѣтъ уже никакого смысла держать фронтъ; дальнѣйше пребываніе на фронтѣ будетъ обозначать участіе въ русской гражданской войнѣ. Мѣстныя русскія власти не обратили тогда должнаго вниманія на эти событія и съ поразительной безпечностью занимались исключительно только высшей политикой. Имъ казалось, что если все будетъ протекать согласно съ ихъ взглядами, и если западныя державы ихъ офиціально признаютъ, къ чему они съ особенной жадностью стремились, то все положеніе сразу поправится. Такое отношеніе привело въ концѣ концовъ къ событіямъ, которыя еще болѣе осложнили всю дальнѣйшую работу въ Сибири.

6.

18-го ноября 1918 года въ г. Омскѣ былъ совершенъ переворотъ. Бывшіе члены «директоріи» были арестованы, а входившій въ составъ правительства военный министръ адміралъ

Колчакъ объявленъ верховнымъ правителемъ Россіи. Переворотъ сопровождался слѣдующимъ обращеніемъ адмирала Колчака къ «населенію Россіи»: *«18-го ноября Всероссійское временное правительство распалось. Совѣтъ министровъ принялъ всю полноту власти и передалъ ее мнѣ — адмиралу русскаго флота Александру Колчаку. Принявъ крестъ этой власти въ исключительно трудныхъ условіяхъ гражданской войны и полнаго разстройства государственной жизни, — объявляю: я не пойду по пути реакціи, ни по гибельному пути партійности. Главной своею цѣлью ставлю созданіе боеспособной арміи, побѣду надъ большевизмомъ и установленіе законности и правопорядка, дабы народъ могъ безпрепятственно избрать себѣ образъ правленія, который онъ пожелаетъ, и осуществить великія идеи свободы, нынѣ провозглашенной по всему міру. Верховный правитель адмиралъ Колчакъ.»**)

Въ опубликованномъ одновременно съ тѣмъ правительственномъ сообщеніи упоминалось: «Съ момента освобожденія отъ большевиковъ Поволжья и Сибири тамъ началась борьба двухъ принциповъ управленія: *дѣлового, — внѣпартійнаго, въ г. Омскѣ*, въ лицѣ сибирскаго правительства, и *узко-партійнаго (соціалъ-революціонеровъ) въ г. Самарѣ*, въ лицѣ комитета членовъ учредительнаго собранія. Дѣло возрожденія Россіи требовало объединенія власти. На уфимскомъ совѣщаніи путемъ компромиссовъ была образована «директорія». Потомъ создалась такая атмосфера недовѣрія, тревоги и враждебности, при которой «директорія» не могла уже имѣть должнаго моральнаго авторитета, и власть какъ бы сама вывалилась изъ ея рукъ».**)

Утвержденіе, что *«власть какъ бы сама вывалилась изъ ея рукъ»*, не соотвѣтствовало дѣйствительности, потому что всѣмъ было извѣстно, что переворотъ былъ насильственный, и что члены «директоріи» и нѣкоторые министры были арестованы и высланы изъ предѣловъ Сибири. Выслали также главнокомандующаго арміей генералъ-лейтенанта Болдырева, который,

---

*) **Ген. Болдыревъ: Директорія, Колчакъ, Интервенты.**
Зензиновъ, В. Гос. переворотъ адм. Колчака.
Гинсъ Г. К. Сибирь, Союзники и Колчакъ.

) **Тамъ-же.

покидая 24-го ноября войска, между прочимъ просилъ передать чехословакамъ братскій привѣтъ за ихъ незабываемую помощь Россіи. «Атмосфера недовѣрія, тревоги и враждебности», о чемъ упоминало правительственное сообщеніе, дѣйствительно заполнила тогда всю Сибирь. Но главная причина этого зла заключалась въ томъ, что было очень много руководителей, которые заботились больше о своихъ интересахъ или интересахъ своей партіи, а съ народными массами или не умѣли говорить, или хотѣли имъ только приказывать. Необходимость принятія особыхъ мѣръ сознавалась тогда всѣми, но требовалось, чтобы всѣ эти мѣропріятія не шли въ разрѣзъ съ интересами народа и не зависѣли бы отъ иностранцевъ.

Омскій переворотъ вызвалъ нескрываемый восторгъ у однихъ и мрачное негодованіе среди другихъ. Уже это одно указывало на недальновидность авторовъ переворота. Въ моментъ особой тревоги, когда требуется участіе всѣхъ народныхъ силъ, коалиція является самымъ спасительнымъ исходомъ. Если же она не помогаетъ, тогда наступаетъ очередь диктатуры, которая имѣетъ смыслъ въ томъ только случаѣ, когда она увѣрена въ своей силѣ и преисполнена осторожности въ обращеніи съ народными стремленіями. Этихъ именно данныхъ въ диктатурѣ Колчака не было.

Для болѣе точнаго пониманія случившагося необходимо уклониться нѣсколько въ сторону, а именно къ тому моменту, когда адмиралъ Колчакъ появился на сибирскомъ горизонтѣ. Прибывъ въ началѣ 1918 года изъ Америки на Дальній Востокъ, адмиралъ Колчакъ былъ принятъ на великобританскую службу и откомандированъ на месопотамскій фронтъ. Направляясь къ мѣсту назначенія, онъ во время стоянки въ Сингапурѣ получилъ телеграмму отъ англійскаго правительства съ предложеніемъ измѣнить свой маршрутъ и вернуться въ Пекинъ. По прибытіи туда, онъ получилъ предложеніе отъ мѣстныхъ великобританскаго представителя и бывшаго русскаго посла князя Кудашева ѣхать въ Омскъ, для того чтобы стать тамъ во главѣ военной и гражданской власти. При этомъ ему была обѣщана широкая помощь со стороны Англіи. Послѣ даннаго адмираломъ Колчакомъ согласія, англичане постепенно

стали подготовлять почву. Уже во время уфимскаго совѣщанія, когда была избрана «директорія», представитель Англія сталъ домогаться назначенія адмирала Колчака на постъ военнаго и морского министра. «Директорія» сначала не соглашалась, но потомъ должна была уступить и такимъ образомъ адмиралъ Колчакъ очутился въ составѣ правительства. Это, однако, создало цѣлый рядъ осложненій. Членъ «директоріи» верховный главнокомандующій генералъ-лейтенантъ Болдыревъ сразу же столкнулся съ Колчакомъ по какому-то военному вопросу и заявилъ ему, что «директорія» была принуждена одной союзной державой назначить его военнымъ министромъ, но что его будутъ держать лишь въ томъ случаѣ, если онъ не будетъ имъ мѣшать. Затѣмъ, когда адмиралъ Колчакъ, будучи уже военнымъ министромъ, хотѣлъ посѣтить фронтъ, онъ могъ совершить эту поѣздку лишь подъ охраной англійскаго экспедиціоннаго отряда полковника Джона Уорда, которымъ было отдано распоряженіе не позволять публикѣ ни военной, ни гражданской, собираться около поѣзда, а двумъ солдатамъ, приставленнымъ спеціально къ адмиралу, приказано было не спускать съ него глазъ. Тотъ же англійскій полковникъ Джонъ Уордъ въ своихъ «запискахъ» заявляетъ, что въ день переворота ни совѣтъ министровъ, ни самъ Колчакъ *не могли принять окончательнаго рѣшенія, пока у нихъ не было полнаго согласія великобританскаго правительства.* «*Мои пулеметы*, — *говоритъ* Джонъ Уордъ, — *командовали надъ каждой улицей, которая вела къ помѣщенію русской главной квартиры.*»*)

Послѣ завершенія переворота, адмиралъ Колчакъ сейчасъ же поспѣшилъ посѣтить этого своего охранителя полковника Джона Уорда и торжественно подтвердилъ ему, что если его дѣятельность когда нибудь въ будущемъ не окажется въ гармоніи съ идеей свободныхъ политическихъ учрежденій, какъ ихъ понимаетъ англійская демократія, онъ будетъ убѣжденъ, что дѣло его потерпѣло неудачу.

Глава тогдашней французской военной миссіи въ Сибири I. Lasies въ своей книгѣ «La Tragédie sibérienne» (Paris, 1921)

---

*) Джонъ Уордъ. Союзная интервенція въ Сибири 1918—1919 г.

открыто заявляетъ, что *авторомъ омскаго переворота были англичане.*

Изъ сопоставленія этихъ данныхъ видно, что диктатура адмирала Колчака опиралась на великобританское правительство, которому адмиралъ искренно вѣрилъ, но для котораго русскія желанія были совершенно чужды. Въ тогдашнихъ сибирскихъ событіяхъ были заинтересованы: Англія, Франція, Японія и Соединенные Штаты. Всѣ они преслѣдовали исключительно свои цѣли и одновременно съ тѣмъ старались мѣшать и вредить другъ другу. Особенное соревнованіе было замѣтно между Великобританіей и Японіей. Обѣ эти державы имѣли своихъ кандидатовъ въ диктаторы: Англія — Колчака, а Японія — Хорвата. Побѣдилъ японофобъ Колчакъ. Только участіе Франціи было наиболѣе искренне и наименѣе эгоистично. Высокое покровительство Англіи не представляло, однако, той реальной силы, которая была необходима для диктатуры адмирала Колчака. Онъ это понялъ и потому долженъ былъ искать опоры среди тѣхъ, которые были ему близки по сердцу, по связямъ и по прежнимъ воспоминаніямъ. Колчакъ нашелъ опору въ нѣкоторыхъ лицахъ, именовавшихъ себя «правыми» и вмѣстѣ съ ними старался итти впередъ. Но и эта опора не дала той силы, которая ему, какъ диктатору, была необходима. Эти, именовавшіе себя «правыми», надѣялись, что принятіе Колчакомъ верховной власти знаменуетъ собою отказъ отъ демократическихъ принциповъ, англичане-же требовали отъ Колчака самыхъ широкихъ демократическихъ свободъ. Когда онъ заявилъ полковнику Джону Уорду въ присутствіи его штаба, что единственною его цѣлью является пресѣченіе всякихъ попытокъ крайнихъ элементовъ, какъ справа, такъ и слѣва, пытающихся продолжать анархію, препятствующую установленію свободной конституціи, «правые» остались очень недовольны.*)

Такое положеніе колчаковской диктатуры привело къ тому, что на него оказывали постоянное давленіе то съ одной, то съ другой стороны, и что развивавшіяся на этой почвѣ событія сдѣлали его безсильнымъ проявить свою диктаторскую власть.

---

*) Джонъ Уордъ: Союзная интервенція въ Сибири.

Онъ одинаково старался не итти въ разрѣзъ ни съ желаніями Англіи, ни, тѣмъ болѣе, съ желаніями окружавшихъ его друзей. Необходимо замѣтить, что самъ адмиралъ Колчакъ придерживался умѣренно-либеральныхъ взглядовъ и въ нихъ видѣлъ спасеніе Россіи. Но это было его личное мнѣніе, которое онъ не могъ проявить на дѣлѣ. По удостовѣренію всѣхъ, имѣвшихъ съ нимъ дѣло иностранныхъ представителей, а также многихъ окружавшихъ его, онъ былъ болѣзненный, неврастеникъ, безъ твердой воли и безъ сдерживающихъ его началъ. Прибывшій въ г. Омскъ первый военный министръ чехословацкой республики генералъ Штефаникъ отозвался о немъ слѣдующими словами: «Думалъ встрѣтить диктатора, а нашелъ больного въ 39 градусной горячкѣ».*) Это сильно мѣшало ему въ его сношеніяхъ съ разными лицами и въ свою очередь привело къ тому, что у него не было ни единаго искренняго друга. Одинокимъ онъ носился со своими, быть можетъ, очень возвышенными мыслями, одинокимъ умеръ.

Когда адмирала Колчака объявили верховнымъ правителемъ, какія-то лица арестовали членовъ «директоріи» и посадили ихъ въ тюрьму. Когда въ декабрѣ мѣсяцѣ 1918 года была подавлена попытка учинить мятежъ въ г. Омскѣ, въ мѣстную тюрьму снова явились какія-то неизвѣстныя лица, потребовали выдачи находившихся тамъ соціалистовъ, отвезли ихъ за городъ и, послѣ жестокихъ мученій, убили. Въ числѣ убитыхъ былъ членъ учредительнаго собранія Н. В. Фоминъ, трупъ котораго нашли на берегу рѣки Иртышъ съ 17 ранами, съ отрубленнымъ плечомъ и разсѣченной головой. Такихъ инцидентовъ было много и во всѣхъ такихъ случаяхъ разные слои общества обвиняли окружавшихъ адмирала Колчака лицъ. Естественно, что ненависть къ нимъ росла и что все случавшееся въ то тревожное время приписывалось правительству адмирала. Войсковой старшина Красильниковъ, одинъ изъ главнѣйшихъ участниковъ переворота, повѣсилъ городского голову города Канска и, когда ему сообщили о жалобѣ на него верховному правителю, онъ спокойно заявилъ: *«я его посадилъ, я его смѣщу»*.

---

*) Červinka V., Fink, Klecanda, Kratochvíl. Naše revoluce — Sborník.

Начальникъ англійскаго экспедиціоннаго отряда полковникъ Джонъ Уордъ такъ отзывается объ этихъ приближенныхъ въ своихъ «запискахъ»: «У меня существуетъ полное довѣріе къ характеру адмирала, но пигмеи, которыми онъ окруженъ, то и дѣло вставляютъ палки въ колесницу государства. *Тутъ нѣтъ ни одного, которому я бы довѣрилъ управленіе мелочной лавкой, а не государствомъ, у нихъ нѣтъ никакого представленія о долгѣ государственнаго человѣка.* Мелкія кляузы изъ-за личнаго соперничества и прибыльныхъ дѣлишекъ занимаютъ все ихъ время, если только они не заняты свойственнымъ имъ дѣломъ — поступать на зло верховному правителю.*)

При такомъ положеніи, осложняемымъ еще постояннымъ соревнованіемъ представителей разныхъ союзныхъ державъ, нельзя было думать о какомъ бы то ни было осторожномъ обращеніи съ народными стремленіями. Друзья адмирала Колчака считали лишнимъ приближаться къ народному міровоззрѣнію и не желали прислушиваться къ его голосу, а только требовали, чтобы ихъ слушали. Въ этомъ заключался крупный недостатокъ колчаковской диктатуры.

Омскій переворотъ еще болѣе осложнилъ тяжелое положеніе. Главное же его зло заключалось въ томъ, что имъ, мимовольно, углублялась гражданская война, толкая въ ея ряды новые элементы. Преслѣдованіе разнаго оттѣнка соціалистовъ, ихъ постоянныя жалобы передъ иностранцами, желаніе задавить какую бы то ни было пропаганду массовыми арестами, подавленіе разнаго рода протестныхъ вспышекъ и выступленій посредствомъ кошмарныхъ убійствъ, совершаемыхъ какими то самозванными военными лицами, заподозрѣваніе и травля всѣхъ неугодныхъ тому или другому политическому дѣятелю, — составляли ежедневную пищу для разговора всѣхъ пребывавшихъ въ то время на противобольшевицкихъ фронтахъ. Это не предвѣщало ничего хорошаго.

Среди чехословацкихъ войскъ переворотъ вызвалъ разномысліе. Одни, не ожидавшіе отъ «директоріи» ничего путнаго,

*) Джонъ. Уардъ. Союзная интервенція въ Сибири 1918—1919 г. Москва 1923 г.

заняли выжидательное положеніе; другіе же сразу увидѣли въ немъ зло и отнеслись къ нему отрицательно. Пребывавшій въ то время въ г. Екатеринбургѣ «отдѣлъ чехословацкой національной рады» призналъ необходимымъ формулировать свое отношеніе къ совершившемуся перевороту слѣдующимъ заявленіемъ: «Чехословацкая армія, сражаясь за идеалы свободы и народовластія, не можетъ и не будетъ симпатизировать насильственнымъ переворотамъ. Переворотъ въ Омскѣ 18-го ноября нарушилъ принципы законности. Мы, представители чехословацкаго войска, сожалѣемъ, что въ тылу арміи происходятъ такіе перевороты и потому думаемъ, что правительственный кризисъ, сопровождавшійся арестомъ членовъ временнаго правительства, будетъ разрѣшенъ законнымъ порядкомъ, и что таковой считается не оконченнымъ»*).

Хотя на такое выраженіе своего мнѣнія подписавшіеся подъ этимъ заявленіемъ члены чехословацкой «національной рады» имѣли право, такъ какъ на ихъ отвѣтственности находилось свыше 50.000 человѣческихъ жизней, тѣмъ не менѣе, однако, главнокомандующій ихъ войсками генералъ Сыровый счелъ необходимымъ издать 20-го ноября, за № 32-02876, слѣдующій приказъ по арміи: «Въ Омскѣ возникли внутреннія политическія событія. Я, какъ главнокомандующій войсками западнаго фронта, имѣю опредѣленную, единственную и ясную задачу: борьбу съ германо-мадьярами и ихъ приспѣшниками большевиками. Поэтому войска ввѣреннаго мнѣ фронта будутъ выполнять эту задачу съ прежней энергіей и самоотверженіемъ и исполнять приказы только мои. Никакой агитаціи, ни пропаганды, ни политическихъ распоряженій и воззваній внутренняго характера, могущихъ повліять на стойкость и сплоченность войскъ и на выполненіе ихъ прямой боевой дѣятельности, — не допускать. Приказъ этотъ прочесть во всѣхъ частяхъ»**).

Такой же приказъ былъ изданъ и генераломъ Гайдой, командовавшимъ Екатеринбургскимъ фронтомъ. Тотъ же генералъ

---

*) Gajda R. Moje paměti.
Dr. Patejdl: Sibiřská anabase.

**) Gajda R. Moje paměti.
Dr. Šteidler: Čsl. hnutí na Rusi.

Гайда въ своихъ воспоминаніяхъ (Moje paměti) не одобряетъ поступка членовъ «національной рады». Онъ утверждаетъ, что этимъ поспѣшнымъ заявленіемъ воспользовались приближенные адмирала Колчака и сразу удалили отъ него чехословаковъ, а между тѣмъ, не будь этого заявленія, чехословаки, быть можетъ, сумѣли бы оберечь адмирала отъ многихъ ошибокъ.

Сейчасъ послѣ переворота начались крупныя военныя дѣйствія на обоихъ фронтахъ. Западная армія, какъ упоминалось раньше, подъ сильнымъ давленіемъ значительныхъ красноармейскихъ частей, должна была покинуть городъ Уфу и занять болѣе выгодное положеніе у горныхъ проходовъ Урала, гдѣ представлялась возможность удержать фронтъ до прибытія обѣщанной помощи. На екатеринбургскомъ же фронтѣ, гдѣ дѣйствовали болѣе свѣжія силы, получились крупные успѣхи. 29-го ноября была взята станція Кинъ и очищена отъ противника вся прилегающая къ ней мѣстность. 2-го декабря палъ городъ Кушва. Затѣмъ были заняты станціи: Азіатская, и Европейская, составляющія границу между Азіей и Европой. 13-го декабря взятъ городъ Кордонъ. Дѣйствовавшія тамъ русскія добровольческія части подъ командой генерала Пепеляева покрыли себя неувядаемой славой. Они въ 14 дней прошли 100 километровъ подъ непрерывнымъ непріятельскимъ огнемъ, по колѣни въ снѣгу и при 20 градусномъ морозѣ. 20-го декабря на этомъ фронтѣ былъ взятъ городъ Кунгуръ, а 24-го декабря палъ крупный центръ — городъ Пермь. Красноармейцамъ было нанесено очень чувствительное пораженіе. Въ одной Перми противникъ потерялъ 21.000 плѣнныхъ, 5.000 вагоновъ, 60 орудій, 1.000 пулеметовъ и много разнаго военнаго матеріала. Преслѣдованіе противника продолжалось до 30 декабря. Популярность командовавшаго этимъ фронтомъ генерала Гайды выросла до крупныхъ размѣровъ. Находившіяся тогда подъ его командой войска занимали линію: ст. Яйва — Дмитровское — Богородское — Шебуничи — Полуденная — Юговскій заводъ — Бимовскій заводъ — Бирма — Красноуфимскъ. Одномѣсячная операція дала 32.000 плѣнныхъ и свыше 200 орудій. Потерь было: убитыми, ранеными и замерзшими — 5.000 солдатъ и 494 офицера. Войскамъ нерѣдко приходилось передвигаться

по горнымъ хребтамъ и непроходимымъ лѣсамъ, по поясъ въ снѣгу и при морозѣ, доходившемъ до 30 градусовъ по Реомюру.

Во второй половинѣ ноября прибылъ въ Сибирь чехословацкій военный министръ генералъ Штефаникъ, одинъ изъ виднѣйшихъ борцовъ за освобожденіе чехословаковъ. Его пріѣзда ожидали съ большимъ нетерпѣніемъ, надѣясь узнать отъ него всѣ подробности создавшагося на западѣ положенія и, главное, о времени отъѣзда чехословацкихъ войскъ на родину. Состояніе этихъ войскъ было въ то время очень тяжелое. Послѣдствія переворота стали сказываться. Они были такого характера, что, не смотря на временныя удачи на екатеринбургскомъ фронтѣ, не давали никакой надежды на улучшеніе общаго положенія. Къ прежнимъ спорамъ присоединились новые, принимавшіе все болѣе крупные размѣры. Агитація въ войскахъ прогрессировала. Она находила благодарную почву. Въ чехословацкихъ частяхъ снова возникли разные комитеты, исчезнувшіе было послѣ ухода ихъ войскъ изъ Украины. Особенно пугала всѣхъ наступавшая лютая сибирская зима. Нервность сильно повышалась и вызывала всеобщее раздраженіе. Къ этому присоединилось еще событіе, имѣвшее роковое послѣдствіе. Изъ Парижа было разослано предложеніе о совѣщаніи на Принцевыхъ островахъ, куда приглашались всѣ русскія партіи, включая и большевиковъ. Предложеніе имѣло въ виду дать возможность всѣмъ русскимъ примириться и кончить братоубійственную войну. Чехословаки были этимъ крайне озадачены. Имъ стало ясно, что продолженіе войны и дальнѣйшее пребываніе ихъ въ Сибири является уже лишнимъ. Они рѣшили, что сами русскіе не желаютъ больше воевать и готовятся къ миру съ большевиками. Эти событія, въ связи съ провозглашеніемъ самостоятельности чехословацкаго государства, сильно воздѣйствовали на чехословаковъ, перенесшихъ уже въ теченіе 5 лѣтъ невѣроятныя страданія и неудержимо рвавшихся къ себѣ на освобожденную ихъ трудами родину.

Корреспондентъ американской газеты «New York Herald» такъ опредѣлялъ тогда состояніе чехословацкихъ войскъ: «Взоры героическихъ чехословаковъ обращены къ освобожденной родинѣ, къ Парижу, къ Вашингтону. Они ждутъ рѣшеній отъ

ихъ вождя Масарика, отъ союзниковъ, отъ мирной конференціи. Послѣ чрезвычайныхъ страданій и послѣ подвиговъ самопожертвованія они жаждутъ вернуться домой. Они потеряли надежду на то, что Россія способна на возрожденіе въ ближайшемъ будущемъ».

Пріѣхавшаго министра Штефаника, чехословацкія войска встрѣтили очень торжественно, но ожиданія ихъ не оправдались. Онъ не могъ тогда объяснить имъ главнаго, а именно, срока возвращенія на родину. Министръ Штефаникъ сдѣлалъ распоряженіе о переводѣ чехословацкой арміи на положеніе регулярныхъ войскъ новой республики и о замѣнѣ существовавшихъ у нихъ организацій соотвѣтствующими офиціальными учрежденіями. По удостовѣренію многихъ писателей, генералъ Штефаникъ горѣлъ желаніемъ помочь русскому народу. Онъ жаждалъ освобожденія Россіи отъ большевизма и хотѣлъ, чтобы легіонеры, слѣдуя по этому пути, заслужили благодарность будущей Россіи. Вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ былъ увѣренъ, что безъ сильной Россіи чехословацкая республика не будетъ могла мощно развиваться и выполнять роль славянскаго авангарда въ средней Европѣ. Его манила возможность направить чехословацкія войска на родину черезъ Европейскую Россію. Но, ознакомившись лично съ состояніемъ войскъ, министръ Штефаникъ пришелъ къ заключенію, что держать ихъ дальше на фронтѣ и заставлять сражаться представляется невозможнымъ и потому, по соглашенію съ верховнымъ правителемъ адмираломъ Колчакомъ и союзниками, приказалъ стянуть всю армію въ тылъ и подготовлять ее къ постепенной отправкѣ на родину. Пока, однако, такая отправка могла наступить, генералъ Штефаникъ, по просьбѣ адмирала Колчака, согласился возложить на войска охрану сибирскихъ желѣзныхъ дорогъ и вообще охрану тыла, что представляло тогда крупную важность для стоявшихъ на фронтѣ русскихъ добровольческихъ войскъ.*)

---

*) Červinka V. Naši na Sibiři.
Gajda R. Moje paměti.
Kopta J. Štefánik.
Klecanda Vl. Operace čsl. vojska na Rusi.
Kratochvíl J. Cesta revoluce.

Пребываніе генерала Штефаника въ Сибири продолжалось недолго. Торопясь въ Парижъ, онъ передъ отъѣздомъ изъ Омска издалъ приказъ объ уничтоженіи существовавшихъ въ войскахъ разныхъ комитетовъ, не отвѣчавшихъ уже новому положенію войска. Этотъ приказъ, опубликованный уже послѣ отъѣзда министра изъ Сибири, вызвалъ среди войскъ сильное броженіе. Подъ вліяніемъ разныхъ агитаторовъ нѣкоторыя части заподозрили его идентичность и уклонились отъ исполненія. Стоило много трудовъ, чтобы оберечь войска отъ этой новой агитаціи, имѣвшей цѣлью посѣять разладъ.

Покидая Сибирь, генералъ Штефаникъ послалъ адмиралу Колчаку телеграмму, въ которой высказывалъ свою вѣру, что, при дружномъ единеніи русскихъ людей, Россія вернетъ свое мѣсто и престижъ среди славянъ и всѣхъ народовъ міра. Верховный правитель въ свою очередь отвѣтилъ ему пожеланіями разцвѣта чехословацкому народу, соединенному узами дружбы и братства съ русскимъ народомъ.*)

Уже съ новаго 1919 года чехословаки начали готовиться къ отходу въ тылъ. Чувствовалось, что уходъ ихъ не принесетъ добра. Правительству Колчака необходимо было удержать ихъ на фронтѣ и сблизиться съ ними на почвѣ самой сердечной славянской дружбы. Чехословаки были наиболѣе близки русскому народу и, вмѣстѣ съ тѣмъ, наиболѣе доброжелательны. Уходъ ихъ былъ крупной ошибкой тѣхъ, которые могли ихъ удержать, но не сдѣлали этого.

Въ дни отхода чехословацкихъ войскъ съ фронта численность русскихъ войскъ была настолько значительна, что никакихъ затрудненій къ заполненію всей фронтовой линіи не встрѣтилось. Ушедшія чехословацкія войска сейчасъ же размѣстились по линіямъ желѣзныхъ дорогъ и принялись за охрану ихъ и вообще всего тыла. Оставшіяся на фронтѣ русскія войска были раздѣлены на три отдѣльныхъ арміи: Оренбургскую, подъ командой атамана Дутова, западную, дѣйствовавшую въ уфим-

*) Klecanda V. Operace čsl. vojska na Rusi.
Gajda R. Moje paměti.
Kopta J. Štefánik.

скомъ направленіи, подъ командой генерала Ханжина, и сибирскую, дѣйствовавшую въ пермскомъ направленіи, подъ командой чешскаго генерала Гайды, перешедшаго, по просьбѣ адмирала Колчака, на русскую службу.

Однако, послѣ ухода чехословаковъ, мало кто вѣрилъ въ успѣхъ на фронтѣ.

7.

Чехи послѣ 300 лѣтъ безгосударственнаго бытія остались большими энтузіастами націи и государства, но вмѣстѣ съ тѣмъ и большими реалистами. Не увлекаясь перспективами легкихъ удачъ, они сразу же учли всю тяжесть предпринятаго ими дѣла и потому постарались обезпечить свою армію всѣмъ необходимымъ. Въ этомъ дѣлѣ всѣ они работали дружно и каждый солдатъ въ ихъ арміи былъ на чеку. Еще во время пребыванія войскъ на фронтѣ, отдѣлъ чехословацкой «національной рады» объявилъ мобилизацію всѣхъ пребывавшихъ въ Сибири уроженцевъ чехословацкихъ земель. Мобилизація дала 13.740 добровольцевъ — въ войска и 4.700 — въ рабочія дружины. Это дало имъ тогда возможность сформировать новую дивизію и приняться за работу по усиленію боеспособности арміи. Они сорганизовали: инженерныя роты, телеграфную и радіотелеграфную роты, желѣзнодорожный батальонъ, автороту, полевую почту, отдѣлъ авіатики, военное судопроизводство и офицерскую школу и особенно большую тщательность проявили въ устройствѣ и развитіи фронтового и тылового интендантства. Этому послѣднему они придавали весьма серьезное значеніе. Для того, чтобы понять, какъ блестяще была поставлена эта часть, достаточно привести перечень тѣхъ предметовъ, которые получалъ у нихъ каждый солдатъ. На 60.000 добровольцевъ отпускалось ежемѣсячно:

100.500	пуд.	муки,
75.000	,,	мяса,
22.500	,,	картофеля,
11.500	,,	масла,
11.250	,,	сахару,
8.125	,,	капус. и раз. зел.

6.500	пуд.	крупы,
5.000	,,	соли,
3.750	,,	луку,
3.500	,,	сыру,
2.500	,,	табаку,
2.000	,,	мыла,
1.000	,,	макаронъ,
312	,,	чаю,
208	,,	кофе,

и т. д., включительно до сапожной ваксы и зубного порошка.

Кромѣ того на 12.000 имѣвшихся въ арміи лошадей отпускалось по 145.860 пудовъ овса и сѣна каждый мѣсяцъ.

Этимъ, однако, ихъ работа не ограничивалась.

Въ разстояніи 30—40 верстъ отъ магистрали они снимали большіе дворы, въ которыхъ держали по 1.000 и болѣе головъ скота, при чемъ наблюденіе за ними было возложено на нѣсколько инвалидовъ, имѣвшихъ въ своемъ распоряженіи по нѣсколько десятковъ дрессированныхъ собакъ. Для закупки скота была послана въ Монголію спеціальная экспедиція, для перевозки зерна содержались верблюды, а для храненія запасовъ были построены особые амбары. Въ разныхъ мѣстностяхъ скопленія войскъ были устроены фабрики и заводы, въ которыхъ выдѣлывали необходимѣйшіе для войска предметы. Въ г. Омскѣ были фабрики: текстильная, сапожная, макаронная. Первая выдѣлывала еженедѣльно 750 штукъ солдатскаго сукна, вторая 700 паръ обуви и третья 1.000 пудовъ макаронъ. Сапожная фабрика въ Петропавловскѣ выпускала еженедѣльно 1.200 паръ обуви, а открытый тамъ же мыловаренный заводъ выдѣлывалъ 200 пудовъ мыла ежедневно. Въ разныхъ городахъ Сибири существовали устроенные чехословаками колбасныя заведенія, приготовлявшія ежемѣсячно 12.000 пудовъ разныхъ колбасныхъ издѣлій. Ихъ сыроварни выдѣлывали ежемѣсячно до 3.500 пудовъ сыра, а мельницы перемалывали ежедневно до 5.000 муки и крупы. Въ г. Курганѣ былъ устроенъ пивоваренный заводъ, выпускавшій 3.600 ведеръ пива въ недѣлю. Въ томъ же городѣ существовала фабрика чайниковъ, котловъ и

горшковъ, а также хорошо оборудованный конскій заводъ. Въ г. Новониколаевскѣ устроили химическую лабораторію для выдѣлки зубного порошка, сапожной ваксы, одеколона и т. п. Для обезпеченія раненыхъ и больныхъ были устроены военные лазареты въ городахъ: Иркутскѣ, Томскѣ, Красноярскѣ, Енисейскѣ, Владивостокѣ и Омскѣ. При лазаретахъ находилось 150 чешскихъ врачей спеціалистовъ, а также хорошо оборудованныя отдѣленія: хирургическое, венерическое, терапевтическое, психіатрическое, инфекціонное и по внутреннимъ болѣзнямъ. Въ разныхъ пунктахъ по сибирской магистрали существовали амбулаторіи, поѣзда-бани, прачешныя, дезинфекціонныя камеры, зубоврачебные кабинеты и т. п. Они же сорганизовали и содержали почту и телеграфъ для всеобщаго употребленія. Съ октября 1918 года по конецъ мая 1919 года, т. е. въ теченіе 8 мѣсяцевъ, разослано почтой 4,372.489 писемъ, посылокъ и другихъ отправленій, а съ 1 августа 1918 года до отъѣзда чехословаковъ изъ Сибири передано 307.254 телеграммы. При почтовотелеграфномъ отдѣлѣ было устроено также радіотелеграфное и телефонное сообщеніе.*) Заботясь о духовной пищѣ для солдатъ, они издавали болѣе десятка разныхъ газетъ и журналовъ, а также массу книжекъ по разнымъ отраслямъ знанія. Газета «Čsl. Deník» печаталась въ количествѣ 11.000 экземпляровъ, а въ одномъ, напримѣръ, августѣ 1919 года выпущено 160.000 экземпляровъ разныхъ брошюръ. Они же положили основаніе историческому архиву чехословацкаго войска, устроили для войскъ мастерскія: фотографическую, кинофильмовую и графическихъ искусствъ, сорганизовали полковые оркестры, школу для солдатъ, спортивные клубы и даже большой симфоническій оркестръ, который далъ болѣе 200 концертовъ въ разныхъ городахъ Сибири. Все это дѣлалось собственными силами.

Охраняя желѣзнодорожныя линіи, чехословаки одновременно съ тѣмъ несли всѣ работы по ремонту пути, подвижного

---

*) Červinka V. Naši na Sibiři.
Dr. Haering V. Zdravotnictví v čsl. vojsku na Rusi.
Splitek J. Národohospodářská činnost čsl. vojsk na Sibiři.

состава и желѣзнодорожныхъ зданій, а также по изысканію топлива и потребныхъ для работъ матеріаловъ. На пензенско-симбирскомъ участкѣ ими построено 18 новыхъ мостовъ и очищено отъ баррикадъ 3 моста. На челябинскомъ участкѣ построено 5 большихъ мостовъ и очищено отъ баррикадъ около 10. По взятіи Екатеринбурга построенъ въ теченіе четырехъ дней новый мостъ длиною въ 50 метровъ. Приведены въ исправность совершенно засыпанныя тоннели №№ 36 и 39. На многихъ участкахъ поставлены новые рельсы, взамѣнъ разобранныхъ бандитами, засыпаны ямы, исправлены колодцы и телеграфное сообщеніе, починены вагоны, локомотивы и т. п.*) Трудно перечислить всю ту колоссальную работу, которая лежала на обязанности чехословаковъ и была ими исполнена съ поразительной быстротой и аккуратностью.

Когда крестьянскія возстанія начали принимать угрожающіе размѣры, чехословацкому войску пришлось особенно трудно. Возставшія банды бродили главнымъ образомъ вдоль желѣзныхъ дорогъ, нападали на поѣзда, грабили, портили линію, валили телеграфные столбы, устраивали крушенія и т. п. Не было дня, чтобы въ той или другой мѣстности не было произведено какихъ либо разрушительныхъ дѣйствій. Въ теченіе одного мѣсяца апрѣля 1919 года было 10 крупныхъ желѣзнодорожныхъ катастрофъ, не говоря о безчисленныхъ нападеніяхъ на поѣзда и станціи и о разрушеніяхъ пути. Охранявшимъ дорогу чехословакамъ возставшія банды посылали заявленія: «если будете съ нами, мы вамъ поможемъ вернуться на родину, если будете противъ насъ, всѣ погибнете въ негостепріимной Сибири». Войскамъ стоило много труда предупреждать нападенія и вылавливать эти банды. Нужно было организовать постоянное наблюденіе не только по желѣзнодорожнымъ линіямъ, но и по обѣимъ сторонамъ ихъ, на разстояніи 10—20 верстъ въ глубь страны. Это была очень нервная работа, но она представляла крупную важность и была выгодна для правительства. Чехословаки дѣ-

*) Červinka V. Naši na Sibiři.
Sajdl J. Čs. železničáři v Sibiřské anabasi.
Pecháček F., inž. Technické oddělení čs. vojska na Rusi.

лали все, что нужно было для охраненія тыла и для правильного движенія по магистрали. Въ этомъ отношеніи они не жалѣли силъ.

Съ фронта между тѣмъ приходили неутѣшительныя вѣсти. Сначала положеніе какъ будто улучшилось, но потомъ сразу начались крупныя неудачи. Главное зло шло изъ тѣхъ мѣстъ, гдѣ, казалось бы, больше всего нужно было работать. Омское военное министерство и главный штабъ, какъ объ этомъ свидѣтельствуютъ многіе очевидцы, распухли до чудовищныхъ по величинѣ размѣровъ; къ нимъ были прикомандированы сотни офицеровъ и чиновниковъ, а между тѣмъ на фронтъ мало кто шелъ. Въ штабѣ маршала Фоша было 130 офицеровъ, а въ Омской ставкѣ болѣе 2.000. Никто не заботился даже о томъ, чтобы послать на смѣну и поддержку изнемогавшимъ на фронтѣ войскамъ свѣжія силы. Всѣ увлекались игрой созданія «центра», занимались вопросами о земельной реформѣ, объ учрежденіи «всероссійскаго сената» и т. п. Министерства были такъ полны служилымъ народомъ, что изъ нихъ можно было бы сформировать новую армію. Города Омскъ и Хабаровскъ кишѣли офицерствомъ, а на фронтѣ ощущался крайній ихъ недостатокъ. Каждый, кто хотѣлъ укрыться отъ военной службы, дѣлалъ это безпрепятственно. Создавались штабы несуществующихъ фактически частей. Въ г. Томскѣ, напримѣръ, числилось свыше ста отдѣльныхъ частей, изъ которыхъ не болѣе десяти были нужны для фронта. Имѣлся химическій батальонъ съ 40 офицерами и 10 солдатами; были части, абсолютно не имѣвшія никакого значенія или даже вредныя тѣмъ, что, ничего не давая дѣлу обороны, онѣ поглощали большое количество денегъ и отвлекали много людей. Послѣдовалъ приказъ о мобилизаціи молодой интеллигенціи въ сибирскихъ городахъ, но допустили такія недомолвки, что болѣе 50% сумѣло избѣжать призыва. Почти каждое рѣшеніе командующаго арміей дѣлалось извѣстнымъ въ городѣ въ тотъ же день черезъ гостинныя и знакомыхъ. Солдаты на фронтѣ были похожи на собранныхъ съ церковныхъ папертей нищихъ. Почти у всѣхъ были рваные сапоги, иногда совсѣмъ безъ подошвъ, рваные штаны, черезъ которые просвѣчивало голое тѣло. Офицеры

почти ничѣмъ не отличались отъ солдатъ.*) И въ то-же время генералъ Ноксъ публично заявлялъ о доставкѣ Англіей для русской арміи: сотни тысячъ винтовокъ, сотни милліоновъ патроновъ, сотни орудій, тысячи пулеметовъ, нѣсколько сотъ тысячъ комплектовъ обмундированія и снаряженія и т. д., и т. д. Тотъ же генералъ Ноксъ, имѣя передъ собой картину полнаго развала, заявилъ тогда же генералу Гайдѣ: «Такъ дальше продолжаться не можетъ, Колчака погубятъ его окружающіе».**)

Весною 1919 года красная армія готовилась перейти въ наступленіе, но командующій Западной арміей генералъ Ханжинъ предупредилъ ее и энергичнымъ ударомъ по ней, занялъ 13-го марта г. Уфу, а затѣмъ, подвигаясь впередъ, взялъ 7-го апрѣля г. Белебей, 11-го апрѣля г. Бугульму, 17-го апрѣля г. Бугурусланъ и 29-го апрѣля достигъ Сергіевскаго завода, отстоящаго въ 60-ти верстахъ отъ рѣки Волги. Казалось, дѣла пойдутъ болѣе удачно, но это было все, что армія могла сдѣлать. Тылъ по-прежнему бездѣйствовалъ. Скоро войска Западной арміи стали систематически отступать, оголяя фронтъ сосѣднихъ армій: Сѣверной и Оренбургской.

Армія Гайды развила было крупный успѣхъ. 4-го мая она заняла г. Елабугу, а 6-го іюня очутилась въ 45 верстахъ западнѣе города Глазова, который также достался въ ея руки. Однако, быстрое отступленіе Западной арміи сначала на линію восточнаго берега рѣки Бѣлой, а потомъ постепенно на линію горныхъ проходовъ и наконецъ за рѣку Тоболъ, окончательно погубили все дѣло. Она оголила своимъ отступленіемъ правый и лѣвый фланги южной и сѣверной армій, которымъ не оставалось другого исхода, какъ также отступать. Сѣверная армія должна была оставить г. Пермь и отступить къ Екатеринбургу.

Къ этому времени относится прибытіе въ Сибирь особой делегаціи отъ Чехословацкой республики во главѣ съ депута-

---

*) См. Ген. Сахарова: Бѣлая Сибирь и Г. К. Гинса: Сибирь, союзники и Колчакъ.

**) Gajda R. Moje pamĕti.

томъ Крейчи и писателемъ Гильбертомъ. Они посѣтили многія мѣста расположенія чехословацкихъ войскъ и отъ имени правительства объявили имъ объ ихъ эвакуаціи на родину. На такое рѣшеніе правительства повліяло желаніе самой арміи, но главнымъ образомъ, окончаніе войны и требованіе матерей и женъ добровольцевъ о возвращеніи имъ ихъ сыновей и мужей. Правительство адмирала Колчака пыталось тогда просить пражское правительство оставить чехословацкія войска еще на нѣкоторое время для участія въ предпринимаемой офензивѣ. Это ходатайство было поддержано уполномоченнымъ чехословацкой республики г. Богданомъ Павлу, неоднократно высказывавшимъ личное желаніе помочь русскимъ. Однако, противъ этого предположенія рѣшительно высказался верховный главнокомандующій союзными войсками генералъ Жаненъ. Въ телеграммѣ отъ 25-го октября 1919 года чехословацкому правительству, онъ назвалъ этотъ проектъ *авантюрой*.

Выигравъ войну, союзники съ Россіей уже не считались.

Послѣ паденія города Перми, что отчасти было послѣдствіемъ неудачныхъ дѣйствій Западной арміи, начались интриги противъ генерала Гайды. Они привели къ устраненію его отъ командованія и къ назначенію на его мѣсто генерала Дитирихса. Одновременно съ этимъ командующимъ Западной арміей былъ назначенъ, вмѣсто генерала Ханжина, генералъ Сахаровъ. Это однако, была уже предсмертная агонія арміи и всего колчаковскаго строительства. Скоро Сѣверная армія сдала Екатеринбургъ, а Западная отступила даже отъ рѣки Тобола.

Насталъ грозный часъ паденія Омска. Не помогли уже ни назначеніе генерала Дитирихса главнокомандующимъ, ни его дружины «братьевъ Святого Гермогена», составленныхъ изъ татаръ, башкиръ и черемисовъ, ни наконецъ замѣна Дитирихса генераломъ Сахаровымъ. Все катилось къ полному развалу. Судьба столицы верховнаго правителя была рѣшена.

13-го ноября 1919 года, послѣ того какъ члены Омскаго правительства разбѣжались, выѣхалъ изъ Омска и самъ верховный правитель адмиралъ Колчакъ. Съ нимъ въ четырехъ литерныхъ поѣздахъ выѣхали: его штабъ и свита, а также вывезенъ весь золотой запасъ. Черезъ два дня послѣ его отъѣзда,

а именно 15-го ноября 1919 года, городъ Омскъ перешелъ въ руки большевиковъ.

8.

Путешествіе верховнаго правителя адмирала Колчака изъ Омска въ Иркутскъ было послѣднимъ актомъ великой трагедіи. Армія фактически распалась. Она сводилась уже лишь къ ряду небольшихъ отрядовъ. Нѣкоторые члены правительства бѣжали въ г. Иркутскъ. Они прибыли туда еще въ дни «нѣкоторыхъ надеждъ» и ждали тамъ своего правителя. Одинъ изъ членовъ правительства такъ описываетъ прибытіе ихъ въ столицу восточной Сибири: «Поѣздъ прибылъ въ новую столицу вечеромъ. Правительство встрѣтили съ музыкой. Командующій войсками Артемьевъ представилъ предсѣдателю совѣта министровъ на вокзалѣ весь генералитетъ. Представителей общественности не было. Земство и городъ демонстративно уклонились отъ встрѣчи.»*) Въ г. Иркутскѣ задержались на нѣкоторое время и высокіе комиссары, — всесильные покровители умиравшаго режима. Во всей странѣ свирѣпствовалъ произволъ и анархія.

Верховный правитель адмиралъ Колчакъ въ теченіе трехъ мѣсяцевъ продвигался съ золотымъ запасомъ отъ станціи до станціи, пока наконецъ не достигъ 15-го января 1920 года г. Иркутска, гдѣ ему была приготовлена кошмарная встрѣча. Это путешествіе изобиловало крупными событіями. Когда верховный правитель со своимъ штабомъ находился на станціи Новониколаевскъ, сопровождавшими его лицами былъ намѣченъ цѣлый планъ новыхъ мѣропріятій, бросавшихъ яркій свѣтъ на этихъ недальновидныхъ людей, не отдававшихъ себѣ отчета въ своихъ дѣйствіяхъ даже въ минуты полной безнадежности ихъ положенія. На этой станціи адмиралу была доставлена копія меморандума, разосланнаго 13-го ноября 1919 года представителями чехословацкаго войска г.г. Гирсой и Богданомъ Павлу представителямъ союзныхъ державъ. Въ немъ они, указывая на полную анархію въ странѣ и на совершаемый нѣкоторыми чинами произволъ, просили оберечь ихъ войска

---

*) Гинсъ, Г. К, Сибирь, союзники и Колчакъ.

отъ невольнаго участія въ этихъ насиліяхъ и поскорѣе отправить ихъ на родину.*) Окружавшія адмирала лица требовали отъ него поступить съ чехословаками также, какъ когда то хотѣлъ это сдѣлать народный комиссаръ Троцкій. Подъ давленіемъ этихъ совѣтниковъ адмиралъ согласился послать предсѣдателю совѣта министровъ Пепеляеву слѣдующую телеграмму:

«Поѣздъ верховнаго правителя № 216. Весьма экстренно. Управляющему Миндѣл и Предсовмин».

«Ознакомившись съ чешскимъ меморандумомъ отъ 13-ноября за подписями Богдана Павлу и Гирса, повелѣваю прекратить всякія сношенія съ этими лицами, какъ вступившими на путь политическаго интриганства и шантажа, войти со срочнымъ представленіемъ черезъ Сазонова къ чешскому правительству съ предложеніемъ отозвать этихъ лицъ изъ Россіи и замѣнить ихъ другими, умѣющими себя хотя бы вести прилично. Адмиралъ Колчакъ.»

Одновременно съ тѣмъ Колчакъ, по совѣту тѣхъ же своихъ сотрудниковъ, приказалъ сообщить: 1), *командующему чехословацкими войсками генералу Сыровому*, — что «если чехословаки не перестанутъ мѣшаться въ русскія дѣла и будутъ своевольничать, то русское командованіе готово итти на все, включительно до вооруженной силы и 2), *командующему забайкальскимъ военнымъ округомъ атаману Семенову*—«*занять всѣ тоннели на кругобайкальской желѣзной дорогѣ, а въ случаѣ, если чехословаки не измѣнятъ своего безпардоннаго отношенія, не прекратятъ безобразій, будутъ также нагло рваться на востокъ и поддерживать эсеровъ, — одинъ изъ этихъ тоннелей взорвать.*»**)

Предсѣдатель совѣта министровъ Пепеляевъ по полученіи этихъ телеграммъ немедленно соединился по прямому проводу съ верховнымъ правителемъ и между ними произошелъ слѣдующій характерный разговоръ:

«*Колчакъ:* У аппарата я, верховный правитель.

Пепеляевъ: Полученныя телеграммы за №№ 215 и 216 при-

---

*) Čsl. Denník.
Dr. Šteidler. Čsl. hnutí na Rusi.
Gajda. Moje pamětí.

**) Ген. Сахаровъ, К. Бѣлая Сибирь (стр. 186).

водятъ совѣтъ министровъ въ сомнѣніе, что онѣ дѣйствительно вами подписаны. Прошу васъ мнѣ это подтвердить.

Колчакъ: Да, удивленъ вашему вопросу.

Пепеляевъ: Необходимость требуетъ, чтобы онѣ немедленно были вычеркнуты изъ списковъ, положеніе здѣсь критическое, если конфликтъ немедленно не будетъ улаженъ, переворотъ неминуемъ, симпатіи на сторонѣ чеховъ, общественность требуетъ перемѣны правительства, настроеніе напряженное, *вашъ пріѣздъ въ Иркутскъ пока крайне нежелателенъ*, я складываю съ себя всякую отвѣтственность.

Колчакъ: Вычеркнуть изъ списка телеграммы, я этого сдѣлать не могу, я стою на своей точкѣ зрѣнія и такого отношенія со стороны союзниковъ ко мнѣ и моему правительству не потерплю. *Я возрождаю Россію* и въ противномъ случаѣ не остановлюсь ни передъ чѣмъ, чтобы силой усмирить чеховъ, нашихъ военноплѣнныхъ. Я полагаюсь на васъ, что вы съ сформированіемъ новаго кабинета, сумѣете устранить всѣ препятствія къ моему скорѣйшему пріѣзду въ Иркутскъ и возстановить связь и добрыя отношенія населенія ко мнѣ и моему правительству, пригласивъ въ кабинетъ нѣкоторыхъ видныхъ дѣятелей изъ земствъ и кооперативовъ.

Пепеляевъ: Я этихъ телеграммъ не принимаю и считаю ихъ, по крайней мѣрѣ, мною не полученными. Мнѣ здѣсь на мѣстѣ виднѣе и осмѣливаюсь вамъ замѣтить, что слѣдовало меня запросить, прежде чѣмъ отсылать таковыя телеграммы. Мнѣ ввѣрено вами правительство, и я являюсь отвѣтственнымъ за все. Если ваше превосходительство другого мнѣнія, то я прошу мою отставку.

Колчакъ: Васъ прошу остаться на мѣстѣ. Прошу васъ, послѣ окончательнаго сформированія кабинета, прибыть ко мнѣ, до тѣхъ же поръ ежедневно соединяться со мной по прямому проводу.»*)

Насколько этотъ инцидентъ не требовалъ такихъ скоропалительныхъ дѣйствій, видно изъ письма управляющаго министерствомъ иностранныхъ дѣлъ С. Третьякова, посланнаго тому же г. Гирсѣ въ отвѣтъ на его разъясненіе опубликованнаго меморандума. Вотъ оно:

---

*) Архивъ Рус. Легіи.

«Управляющій
Министерствомъ Иностранныхъ Дѣлъ.
г. Иркутскъ. 30-XI 1919 г.

Его Превосходительству д-ру *Гирса*,
Дипломатическому представителю Чехословацкой Республики въ Россіи.

Господинъ повѣренный въ дѣлахъ,

Съ чувствомъ удовлетворенія прочелъ я Ваше разъясненіе по поводу опубликованнаго Вами меморандума представителямъ союзныхъ державъ. Завѣряю Васъ, что россійское правительство глубоко цѣнитъ искреннюю и горячую любовь къ Россіи и русскому народу и вашу и всего чехословацкаго народа. Съ 1914 года Вашъ и нашъ народы, будучи братьями по племенному родству, сдѣлались и братьями по крови, пролитой совмѣстно въ борьбѣ съ общимъ врагомъ. Такъ же высоко, какъ любовь чехословацкаго народа къ Россіи, мы цѣнимъ подвиги и жертвы, которые на территоріи нашей родины дали славные чехословацкіе полки. Для насъ, какъ и для Васъ, всегда были болѣзненны всѣ недоразумѣнія, которыя по случайнымъ обстоятельствамъ возникали между нами и, къ сожалѣнію, вылились за послѣднее время въ ту острую форму, какой является упомянутый выше меморандумъ. Но сожалѣя объ этомъ, мы не перестаемъ глубоко вѣрить, что братскія узы, общіе интересы и взаимная любовь родныхъ народовъ превозмогутъ всѣ тренія, неизбѣжныя при тяжелыхъ обстоятельствахъ, въ какихъ мы находимся, не помѣшаютъ достигнуть полнаго взаимнаго пониманія и еще болѣе укрѣплять нашу искреннюю любовь. Россійское правительство уже доказало, какъ высоко цѣнитъ подвиги чехословацкихъ войскъ тѣмъ, что претворило свои чувства въ законодательные знаки — акты, имѣющіе цѣлью дать чехословацкимъ солдатамъ права, равныя правамъ русскихъ солдатъ и добровольцевъ, какъ въ земельномъ вопросѣ, такъ и въ вопросахъ организаціи чехословацкихъ колоній; предо-

ставляются чехословацкимъ гражданамъ также извѣстныя преимущества въ области промышленныхъ и торговыхъ отношеній съ Россіей. Кромѣ того, правительство предполагаетъ въ ближайшемъ будущемъ принять всѣ мѣры, обезпечивающія сбереженія чехословацкихъ солдатъ, а также мѣры къ матеріальному обезпеченію семействъ убитыхъ, или потерявшихъ трудоспособность чехословацкихъ солдатъ. Мы также, какъ и Вы, горячо проникнуты идеей обще-славянской солидарности и также готовы искренно и честно протянуть руку всякому славянскому народу во имя этой святой для насъ идеи».

Примите, Милостивый Государь, увѣреніе въ отличномъ моемъ почтеніи и таковой же преданности *С. Третьяковъ.*)*

Къ сожалѣнію, спокойныхъ людей тогда было очень мало. Друзья адмирала, умышленно, или по неопытности, осложняли положеніе. По ихъ совѣту адмиралъ Колчакъ послалъ во Владивостокъ телеграмму, въ которой приказалъ судить своего бывшаго друга генерала Гайду, за его участіе во владивостокскомъ мятежѣ противъ колчаковской власти, военно-полевымъ судомъ, при чемъ, въ случаѣ присужденія его къ каторжнымъ работамъ, онъ, той же телеграммой, повышалъ наказаніе до разстрѣла.

Трагедія быстрыми шагами близилась къ концу. Когда адмиралъ Колчакъ прибылъ на ст. Красноярскъ, онъ обратился къ ген. Дитерихсу съ предложеніемъ снова принять на себя главное командованіе фронтомъ, но получилъ отвѣтъ, что онъ (Дитерихсъ) согласенъ на это, но съ однимъ условіемъ, чтобы адм. Колчакъ немедленно выѣхалъ изъ предѣловъ Сибири заграницу.**) Одновременно съ тѣмъ командиръ стоявшаго въ гор. Красноярскѣ 1-го Сибирскаго корпуса ген. Зиневичъ обратился публично къ гражданской совѣсти адм. Колчака и убѣждалъ его отказаться отъ власти.

Къ этому хаосу присоединились еще грозныя повсемѣстныя народныя возстанія, которыя уже и раньше тревожили Сибирь, а въ послѣднее время стали захватывать широкіе круги крестьян-

---

*) Архивъ Рус. Легіи.

**) Ген. Сахаровъ. Бѣлая Сибирь (стр. 199).

скаго населенія. Они не были большевицкія, но большевики ими воспользовались. Сначала возставшіе составляли шайку въ нѣсколько десятковъ или сотъ человѣкъ, а потомъ возросли въ цѣлыя арміи въ 2.000, 5.000 и даже 10.000 человѣкъ! Эти крестьянскія движенія представляли грозное явленіе, и напоминали собою такія же движенія въ прежнія смутныя времена Россіи.

Чтобы понять психику этихъ возстаній, нужно перенестись въ прежнія времена, когда они, то затихая, то снова разгораясь, доходили до очень внушительныхъ размѣровъ.

Когда при царѣ Василіи Шуйскомъ появился Лжедимитрій II, къ нему примкнули широкія народныя массы. Въ своихъ грамотахъ онъ призывалъ холоповъ, крестьянъ, казаковъ и вообще всю низшую братію, къ избіенію бояръ и богачей и къ отобранію у нихъ имущества, женъ и дѣтей. Развившійся мятежъ создалъ тогда въ Россіи такое тяжелое положеніе, что возникъ даже вопросъ *быть этой Россіи или нѣтъ.**)

Затѣмъ въ 1667 до 1670 г. по всей Россіи раздались громовые раскаты крестьянскихъ возстаній Стеньки Разина, объявившаго борьбу «за черни». Это грандіозное возстаніе захватило обширнѣйшіе районы нижняго и средняго Поволжья, дойдя до г. Нижняго Новгорода, Рязани и Тамбова. Вездѣ крестьянство поднималось и жестоко расправлялось съ помѣщиками.

Во второй половинѣ XVIII вѣка разразилась Пугачевщина. Крестьянство въ цѣломъ сознательно шло тогда на совершенное истребленіе помѣщичьяго класса, не щадя никого, ни женщинъ, ни дѣтей, ни даже грудныхъ младенцевъ.

Въ 1796 до 1797 въ Царствованіе Императора Павла крестьянское возстаніе захватило 32 губерніи и по своему характеру напоминало Пугачевщину.**)

Тогдашнія русскія правительства не умѣли бороться съ этими грозными явленіями. Всѣ удовлетворялись тѣмъ, что

---

*) Фирсовъ, Н. Н. Народныя движенія въ Россіи до XIX в. Москва 1924 г.

**) Тамъ-же.

военныя силы подавляли эти народныя движенія. Имъ казалось достаточнымъ предать Пугачева церковному проклятію и казни, чтобы водворить порядокъ и заставить дрожать все населеніе. Возстанія подавлялись, но вызывавшія ихъ причины оставались жить въ народныхъ массахъ, для того, чтобы при первомъ удобномъ случаѣ снова проявиться. Такъ и случилось. Они перешли въ XX вѣкъ и съ начала въ 1905—1906, а потомъ послѣ февральской революціи въ 1917 году, разразились новымъ громовымъ раскатомъ, заставившимъ вздрогнуть всю Россію и вспомнить о Разиновщинѣ и Пугачевщинѣ.

Вина за потоки крови, пролитой во время этихъ возстаній, въ значительной мѣрѣ падаетъ на тѣхъ, которые ничего не сдѣлали для ихъ коренного уничтоженія. Единственнымъ великимъ актомъ было освобожденіе крестьянъ отъ крѣпостной зависимости. Но, сдѣлавъ это, поставили точку. Правда, подъ давленіемъ грозныхъ событій, возникали иногда новые проекты улучшенія быта крестьянъ, но большинство ихъ носило слишкомъ узкій характеръ, и поражали своей поверхностью. Послѣднія крестьянскія возстанія въ Россіи и въ частности въ Сибири, хотя и родились въ болѣе сложныхъ условіяхъ общественной жизни, но въ корнѣ являлись отголоскомъ прежнихъ движеній «черни».

Сначала эти новѣйшія движенія происходили на почвѣ экономическаго неравенства. Вопросъ «о землѣ», казалось, былъ единственнымъ ихъ двигателемъ. Но скоро стали обрисовываться и другія стороны. Появились большевики. Психологія деревни чувствовала къ нимъ опредѣленное тяготѣніе. Большевизмъ представлялъ собою стихійный и безсознательный протестъ противъ всякихъ формъ неравенства. Это отвѣчало вкусамъ деревни. Свобода стала пониматься въ самомъ широкомъ смыслѣ. Во всемъ движеніи были замѣтны разныя вліянія и формы, въ которыя они вылились. Они ни съ какой стороны не могли быть пріемлемы ни для какого государственнаго строя. Возстанія стали принимать болѣе организованный характеръ лишь при правительствѣ адм. Колчака. Многіе, вмѣсто мобилизаціи, приставали къ партизанамъ. Партизанскіе отряды бродили по всей Сибири. Къ нимъ постепенно присоединялись всѣ недовольные. Эти партизаны шли «на противника» черезъ

села и деревни, гдѣ крестьяне встрѣчали ихъ, какъ давно желанныхъ защитниковъ. Въ революціи крестьянъ Славгородскаго района, Алтайской области, говорилось: «Народное возстаніе на Алтаѣ возникло стихійно, подобно бурѣ. Народъ былъ выведенъ изъ терпѣнія насиліями, чинимыми агентами правительства Колчака, разстрѣлами, порками и другими издѣвательствами. Жить по человѣчески, свободно дышать и спокойно трудиться стало совершенно невозможно, и народъ взялся за оружіе.»*) Эта группа сумѣла образовать цѣлую крестьянскую армію въ 25 полковъ, вооруженныхъ пулеметами, пушками и особыми примитивными пиками. Они дѣлились на пѣхотныя и конныя части. Въ книгѣ «Революція на Дальнемъ Востокѣ», изданной совѣтскимъ государственнымъ издательствомъ, говорится, что настроеніе повстанцевъ того времени удачно охарактеризовано начальникомъ повстанческаго штаба тов. Наумовымъ: *«Я хочу, и нѣтъ мнѣ преграды»*. Это проявилось во всѣхъ ихъ дѣйствіяхъ. Въ г. Читѣ банда, возглавляемая Пережогинымъ, напала на мѣстный банкъ. Захвативъ золото, она заставила машиниста подъ страхомъ смерти двинуть поѣздъ и, не останавливаясь на промежуточныхъ станціяхъ, доѣхать до Благовѣщенска, гдѣ предалась безпримѣрной вакханаліи. Золото, подѣленное между участниками грабежа, рубилось шашками на улицахъ и шло въ уплату кабатчикамъ. Въ г. Кузнецкѣ и его уѣздѣ была сорганизована повстанческая группа подъ предводительствомъ крестьянъ Рогова и Новоселова. Они произвели форменную рѣзню всей мѣстной интеллигенціи. Въ одномъ г. Кузнецкѣ было вырѣзано въ одну ночь *325 интеллигентовъ*. Для этого отряда не существовали никакіе законы, никакія формы власти, все было «отъ лукаваго», и потому все подлежало истребленію.

Нѣкоторыя группы объявляли свою программу, — «избирательное право ограничивалось, формой власти являлись совѣты, право участія въ нихъ давалъ лишь трудъ и т. д.» Нерѣдко ряды этихъ бандъ пополнялись даже зажиточными крестьянами. Дѣйствія ихъ сводились, главнымъ образомъ, къ вне-

---

*) Революція на Дальнемъ Востокѣ. Гос. Изд. 1923 г.

запнымъ налетамъ на расположенія противника, къ порчѣ желѣзнодорожнаго полотна, къ взрывамъ мостовъ и т. п.

Борьба съ этими крестьянскими восстаніями была очень затруднительной. Въ ноябрѣ 1919 года они достигли наивысшаго развитія. Къ приходу красной арміи вся эта крестьянская Сибирь, несмотря на казавшееся различіе интересовъ и настроеній, стихійно становилась совѣтской.

О какомъ либо спасеніи не могло быть, конечно, и рѣчи. Большевицкія и повстанческія стихіи уничтожали все на своемъ пути.

Среди такой кошмарной обстановки поѣзда Верховнаго правителя подвигались медленно къ Иркутску. Въ началѣ января они прибыли на ст. Нижне-Удинскъ. Тамъ вспыхнуло возстаніе и объявлена Нижне-Удинская республика. Возставшіе потребовали отъ Колчака отреченія отъ власти и выдачи золотого запаса.

Только благодаря присутствію чехословацкихъ войскъ, окружавшихъ адмиральскіе поѣзда, удалось защитить ихъ отъ разсвирѣпѣвшей народной толпы. Адмиралъ обратился тогда къ ген. Жанену съ просьбой принять его и золотой запасъ подъ охрану союзниковъ. Просьба была немедленно удовлетворена и, такимъ образомъ, адмиралъ Колчакъ, по собственному желанію, перешелъ подъ охрану чехословаковъ. Караулъ ихъ состоялъ изъ чехословаковъ, сербовъ и русскихъ. Одновременно подъ охрану союзниковъ перешелъ весь золотой запасъ, а также всѣ сопровождавшіе золото чины государственнаго банка и государственнаго контроля.

Въ Иркутскѣ въ то время разыгрывались грозныя событія. Въ виду полнаго развала Омской власти, тамъ образовалось особое правительство «*политическій центръ*», составленное изъ представителей земствъ, профессіональныхъ организацій и представителей войскъ. «*Политическій центръ*», согласно заявленію его товарища предсѣдателя Ахматова и представителя земствъ Ходукина, не былъ представителемъ какой либо одной партіи, характеръ его былъ чисто демократическій. Онъ являлъ собою временную, скорѣе боевую организацію, которая, по ихъ заявленію, должна перестать существовать, какъ

только ея задача будетъ исполнена и національное представительство вступитъ въ свои права.*)

Пререканія между возникшимъ *«политическимъ центромъ»* и пребывавшими въ Иркутскѣ членами Омскаго правительства, сразу приняли очень курьезный характеръ. «Политическій центръ», обвиняя Омское правительство въ намѣреніи образовать въ Забайкальи новое всероссійское правительство и новую армію противъ демократіи, требовалъ отъ нихъ отказа отъ власти, передачи ему всѣхъ правъ, имущества и золотого запаса, а также передачи всѣхъ оставшихся войскъ — для переформированія. Представители же Омскаго правительства признали свою политику *«никуда негодной»*, согласились на отказъ отъ власти ген. Колчака, но передавать власть, имущество и войска *«политическому центру»* отказались, ссылаясь на свое рѣшеніе передать таковые только ген. Деникину.**)

Это привело къ крупнымъ спорамъ.

Обѣ стороны стояли другъ противъ друга непримиримо. Вскорѣ разгорѣлись бои на улицахъ города Иркутска. Желая ихъ ликвидировать, представители союзныхъ націй и войскъ: Франціи, Англіи, Соединенныхъ Штатовъ, Японіи и Чехіи пригласили представителей спорящихъ правительствъ въ особое совѣщаніе, съ цѣлью сговориться. Въ первомъ засѣданіи, происходившемъ 2-го января 1920 года въ поѣздѣ генерала Жанена въ Иркутскѣ, присутствовали лишь вышепоименованные представители союзныхъ державъ и представители правительства адмирала Колчака: Червенъ-Водали, Бурышкинъ, Ларіоновъ и военный министръ генералъ Ханжинъ. Согласно стенографическому отчету этого засѣданія, министръ Омскаго правительства Червенъ-Водали заявилъ слѣдующее: «Послѣ Омской катастрофы русское правительство ясно увидѣло, что политика, которую оно вело до сихъ поръ, была *никуда негодной.* Мы должны покинуть эту власть и заняться созданіемъ чисто сибирской организаціи. Для этой цѣли мы хотимъ предложить адмиралу Кол-

*) Стенограф. Отчетъ переговоровъ о сдачѣ власти Омскимъ Правительствомъ — Полит. Центру въ январѣ 1920 г. Г. Харбинъ 1921 г.

**) Тамъ-же.

чаку передать свой титулъ «верховнаго правителя» генералу Деникину. Мы желаемъ чтобы Колчакъ сдѣлалъ это самъ безъ *насильственнаго принужденія.* Мы просимъ васъ смотрѣть на него, какъ на обыкновенное частное лицо и обезпечить ему свободный проѣздъ на Дальній Востокъ».*) Затѣмъ, на слѣдующій день, 3-го января, въ поѣздѣ высокаго комиссара Англіи г. Ходсона, состоялось второе засѣданіе, на которое, сверхъ присутствовавшихъ въ предыдущемъ собраніи лицъ, прибыли представители «Политическаго Центра», а именно: товарищъ предсѣдателя «Политическаго Центра» Ахматовъ, представитель земства Ходукинъ, членъ «Политическаго Центра» Иваницкій, начальникъ штаба революціонныхъ войскъ поручикъ Зоркинъ и другіе. «Политическій Центръ» выставилъ требованія о сдачѣ власти, имущества и войскъ новому правительству, а также о немедленномъ отводѣ пребывавшихъ въ Иркутскѣ войскъ атамана Семенова. Представители Омскаго правительства заявили о полной готовности членовъ его отказаться отъ власти, а также объ отказѣ отъ таковой адмирала Колчака, но передать власть, имущество и войска они не считали себя компетентными. Относительно же отвода семеновскихъ войскъ, обѣщали оказать полное содѣйствіе.**) Въ виду того, что пренія начали принимать затяжной академическій характеръ, предсѣдатель совѣщанія генералъ Жаненъ предложилъ разсмотрѣть сначала вопросъ о «золотомъ запасѣ». Оъ заявилъ, что страхъ передъ возможностью исчезновенія золота, заставилъ его (ген. Жанена) и союзныхъ высокихъ комиссаровъ дать приказъ чехословакамъ охранять три поѣзда съ золотомъ и провести ихъ подъ союзными флагами въ Иркутскъ, гдѣ оно будетъ сдано мѣстнымъ законнымъ властямъ. Представители правительства Колчака не протестовали противъ этого. На вопросъ, сдѣланный тогда представителемъ «Политическаго Центра» о судьбѣ существовавшаго еще одного поѣзда съ золотомъ, отправленнаго нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ на востокъ, представитель Японіи г. Като заявилъ, что таковой находится въ Читѣ, подъ охраной атамана

*) Стенограф. отчетъ переговоровъ о сдачѣ власти Омскимъ Правительствомъ-Политическому Центру въ январѣ 1920 г. Г. Харбинъ 1921 г.
**) Тамъ-же.

Семенова, и что это золото служитъ гарантіей для всѣхъ союзниковъ въ уплатѣ Россіей ея обязательствъ.*)

Подъ вліяніемъ разыгрывавшихся событій адмиралъ Колчакъ, находившійся въ то время на ст. Нижнеудинскъ, издалъ 4-го января 1920 года слѣдующій указъ:

*«Въ виду предрѣшенія мною вопроса передачи верховной всероссійской власти главнокомандующему вооруженными силами Юга Россіи генералъ-лейтенанту Деникину, впредь до полученія его указаній, въ цѣляхъ сохраненія на нашей Россійской восточной окраинѣ оплота государственности на началахъ неразрывнаго единства со всей Россіей, 1) предоставляю главнокомандующему вооруженными силами Дальняго Востока и иркутскаго военнаго округа ген.-лейт. атаману Семенову всю полноту военной и гражданской власти на всей территоріи Россійской восточной окраины, объединенной россійской верховной властью, 2) поручаю ген. лейт. атаману Семенову образовать органы государственнаго управленія въ предѣлахъ распространенія его полноты власти. Верховный правитель адмиралъ Колчакъ. Предсѣдатель совѣта министровъ Пепеляевъ. Директоръ канцеляріи верховнаго правителя генералъ-маіоръ Мартьяновъ.»***)

Событія въ Иркутскѣ между тѣмъ разростались. Войска обѣихъ сторонъ готовились къ вооруженнымъ дѣйствіямъ. Нужно было спѣшить съ примиреніемъ спорящихъ, иначе катастрофа могла разразиться во всякое время. Въ виду этого на 4-е января было созвано третье засѣданіе для окончательнаго разрѣшенія возбужденныхъ въ предыдущихъ собраніяхъ вопросовъ о перемиріи. Въ городѣ въ это время начались уже сильные безпорядки. Открывая засѣданіе, генералъ Жаненъ заявилъ, что онъ, по соглашенію со всѣми союзниками, отдалъ приказъ чехословацкому гарнизону взять городъ и безопасность жителей подъ свою охрану, а также охранять Государственный Банкъ. При этомъ генералъ Жаненъ присовокупилъ, что, когда чехословацкій караулъ явился къ государственному банку, тамъ происходила уже «эвакуація» всего имущества. Караулъ

---

*) Тамъ-же.

**) Ген. Сахаровъ. Бѣлая Сибирь. Мюнхенъ 1923 г.

обезоружилъ похитителей въ то время, когда ящики съ деньгами стали нагружать на повозки. Послѣ незначительной перестрѣлки все имущество было водворено на прежнее мѣсто. Часть похитителей была арестована, часть же успѣла бѣжать. Затѣмъ приступлено къ разсмотрѣнію главнаго вопроса о примиреніи. Картина получилась та же, что и въ предыдущихъ совѣщаніяхъ. Отъ личныхъ споровъ перешли на почву академическихъ разсужденій. Между тѣмъ, со стороны города доносились уже стрѣльба и крики. Войска возстали. Мятежъ разгорался. Представители обоихъ правительствъ продолжали, однако, спорить и упрекать другъ друга. Къ концу засѣданія стало извѣстно, что мятежъ охватилъ уже весь городъ. Войска Омскаго правительства разбѣжались. Одновременно съ ними *ушли и семеновцы, захвативъ съ собою 31 заложника изъ числа виднѣйшихъ общественныхъ дѣятелей*. 53-й сибирскій полкъ, стоявшій на сторонѣ «Политическаго Центра», вступилъ въ городъ и занялъ всѣ правительственныя учрежденія. Союзники поспѣшили объявить о своемъ нейтралитетѣ. Переговоры были прерваны. Бывшее всероссійское омское правительство отошло въ область исторіи. Въ городѣ началось что-то кошмарное, и только благодаря чехословакамъ, мятежное движеніе не превратилось въ поголовную рѣзню.*)

Въ то время остатки колчаковской арміи, спасаясь отъ преслѣдовавшихъ ихъ большевиковъ, старались пробиться на востокъ. Отступая, они брали съ боя попутные города для того, чтобы сейчасъ же отдать ихъ большевикамъ. Многіе солдаты возстали, убили своихъ офицеровъ и примкнули къ краснымъ. Шелъ уже не бой, а какая то сумбурная сумятица. Лучшія части двигались черезъ густую тайгу Сибири, по непролазнымъ, глубокимъ снѣгамъ, совершая труднѣйшіе въ военной исторіи переходы. Толпы людей неслись по дорогамъ и лѣсамъ; попадали подъ обстрѣлъ большевиковъ, разсѣивались въ разныя стороны, снова собирались и двигались впередъ, спасая свою жизнь. Цѣлыми днями продолжались безпорядочныя стычки. На протяженіи сотни верстъ творилось нѣчто невообразимое.

---

*) Стенограф. Отчетъ переговоровъ о сдачѣ власти..., Харбинъ 1921 г.

Всѣ дороги были усѣяны трупами лошадей и замерзшихъ людей. Тифъ принялъ огромные размѣры.

Поѣзда адмирала Колчака проѣхали станцію Черемхово, гдѣ взбунтовавшіеся мѣстные рабочіе хотѣли адмирала задержать и убить. Съ великимъ трудомъ удалось проѣхать станцію и двинуться дальше къ Иркутску.

15-го января 1920 года на ст. Иркутскъ прибылъ сначала поѣздъ съ золотымъ запасомъ. На вокзалѣ находились въ то время части союзныхъ войскъ: американскихъ, японскихъ и чехословацкихъ. Узнавъ о прибытіи поѣзда съ золотомъ, американскія части немедленно исчезли. Черезъ нѣкоторое время прибылъ поѣздъ съ адмираломъ Колчакомъ. Мгновенно исчезли и японскія части. На вокзалѣ остался лишь одинъ японскій офицеръ. Чешскіе караулы окружили поѣзда для охраны. Къ нимъ присоединился также караулъ войскъ мѣстнаго правительства. Спустя часъ, на вокзалъ явились представители «Политическаго Центра» и, ссылаясь на согласіе представителей державъ, главнымъ образомъ главнокомандующаго союзными войсками генерала Жанена, потребовали передачи въ ихъ вѣдѣніе генерала Колчака и сопровождавшихъ его лицъ. Имѣя передъ собой форменный приказъ главнокомандующаго, чехословацкій караулъ долженъ былъ уступить и адмиралъ Колчакъ съ министромъ Пепеляевымъ и нѣкоторыми сопровождавшими его лицами были арестованы и отведены въ городъ.

Причинъ, повліявшихъ на принятіе этой мѣры было много, но главныхъ двѣ. Съ одной стороны возставшія крестьянскія массы, на которыя хотѣлъ опереться «Политическій Центръ», настойчиво требовали задержать адмирала Колчака, чтобы не пустить его въ Забайкалье, гдѣ, какъ многіе тогда предполагали, онъ желалъ создать новый центръ для борьбы съ «демократіей». Съ другой стороны, противъ адмирала Колчака было сильное возбужденіе среди широкихъ массъ иркутскаго общества, находившагося подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ звѣрскаго убійства 31 видныхъ мѣстныхъ гражданъ, взятыхъ войсками атамана Семенова въ качествѣ заложниковъ. Эти двѣ причины заставили «Политическій центръ» требовать выдачи адмирала. Раньше подобнаго требованія онъ не предъ-

являлъ. Бывшій начальникъ французской военной миссіи въ Сибири, бывшій депутатъ города Парижа I. Lasies въ своемъ сочиненіи «La Tragédie Sibérienne» такъ описываетъ эти событія: «Адмиралъ Колчакъ палъ жертвою свирѣпости своихъ подчиненныхъ. Послѣдніе передали въ г. Иркутскѣ войскамъ атамана Семенова 31 мѣстныхъ соціалистовъ-революціонеровъ въ качествѣ заложниковъ. Ихъ увезъ генералъ Сычевъ при отходѣ изъ Иркутска семеновскихъ отрядовъ за нѣсколько дней до прибытія туда адмирала Колчака. Иркутскіе граждане и правительство «Политическаго Центра», опасаясь за участь заложниковъ, просили союзное командованіе повліять на Семенова въ цѣляхъ освобожденія арестованныхъ. Послѣднее согласилось быть посредникомъ, но каково было его удивленіе, когда 6-го января 1920 года получилось извѣстіе о томъ, что всѣ заложники убиты самымъ звѣрскимъ образомъ. Всѣ они были посажены на ст. Байкалъ на пароходъ «Ангара», увезены вглубь озера и тамъ преданы мучительной смерти. Ихъ сопровождали и при убійствѣ присутствовали: полковникъ Сипайло, капитанъ 2-го ранга Гадловскій, капитанъ Грентъ, казакъ Лукинъ, солдаты: Карапатовъ и Гладышевъ, полковникъ Пантовичъ и агенты контрразвѣдки: Бакасовъ и Молчановъ. Заложниковъ, между которыми были: бывшій министръ внутреннихъ дѣлъ сибирскаго правительства Павелъ Михайловъ, членъ учредительнаго собранія Марковъ, капитанъ 2-го ранга Петровъ, г-жа Вѣра Ермолаева и другіе, сначала били нагайками, палками и желѣзными прутьями, а потомъ убивали и сбрасывали въ озеро. Убійство было произведено по ордеру шефа семеновской контръ-развѣдки Черепанова. Хотя это событіе явилось послѣдствіемъ насилія, оказаннаго «Политическимъ Центромъ» надъ Омскимъ правительствомъ, тѣмъ не менѣе оно возмутило широкіе круги иркутскаго общества и, конечно, сильно отразилось на участи адмирала Колчака. Послѣдній горько заплатилъ за этотъ произволъ своихъ неразумныхъ подчиненныхъ».

По удостовѣренію бывшихъ тогда въ Иркутскѣ союзныхъ представителей, задержаніе адмирала не предвѣщало особеннаго опасенія. Всѣмъ была извѣстна близкая связь тогдашняго правительства «Политическаго Центра» съ возставшими крестьян-

скими массами. Подъ угрозой этихъ массъ находилась тогда вся Сибирь. Достаточно было имъ взорвать одинъ тоннель или мостъ и все: и союзники, и чехи, и толпы бѣженцевъ, — неминуемо погибли бы. Правительство «Политическаго Центра» заявило, что единственно задержаніемъ Колчака можно будетъ успокоить страну, а затѣмъ его или будутъ судить, или отправятъ заграницу. «Никто его не тронетъ, повторяли они представителямъ союзныхъ державъ, — въ нашемъ интересѣ держать Колчака живымъ, если же придется его судить, то судъ будетъ гласный и доступный для защиты. Какъ ни призрачны были эти заявленія, но они были, и наличность ихъ, при опасности полной анархіи, заставили союзное командованіе не препятствовать этому, какъ имъ казалось, временному задержанію. На это рѣшеніе повліяло еще и то обстоятельство, что всѣ члены правительства Колчака, вмѣсто того, чтобы выждать его пріѣзда въ Иркутскъ и въ случаѣ опасности защищать, преспокойно удрали заграницу, запасшись заблаговременно заграничными паспортами и визами, чего они не скрывали передъ многими иностранными представителями.

Фактически Омскаго правительства больше не существовало. Адмиралъ Колчакъ былъ уже одинокимъ, всѣми покинутымъ, не представлявшимъ для иностранцевъ никакой реальной силы. Хозяиномъ положенія временно сдѣлалось правительство «Политическаго Центра», и съ этимъ необходимо было тогда считаться.

Большевики между тѣмъ неудержимо подвигались впередъ. Омскъ былъ взятъ ими на третій день послѣ отъѣзда верховнаго правителя. Не успѣвшіе выѣхать сдѣлались ихъ добычей. Остатки арміи подвигались къ Красноярску, но, не дойдя до города, разбрелись въ разныя стороны. Нѣкоторые отряды двигались затѣмъ сплошными массами частью по сторонамъ желѣзнодорожной линіи, частью обходными путями, надѣясь опередить отступавшіе чехословацкіе эшелоны, и, подъ ихъ прикрытіемъ, взять Иркутскъ, захватить золотой запасъ, освободить Колчака и поскорѣе пробраться въ Забайкалье, гдѣ, какъ тогда говорилось, предполагалось создать новый отпорный пунктъ. По пути наиболѣе стойкіе отряды стали постепенно

сливаться и, когда приблизились къ станціи Зима, представляли уже внушительную силу. Тамъ были части генераловъ: Войцеховскаго, Вержбицкаго, Каппеля, Феофилова и Сахарова, вмѣстѣ съ ихъ вождями, кромѣ генерала Каппеля, умершаго при отступленіи. Между ними былъ также бывшій начальникъ колчаковскаго штаба генералъ Лебедевъ. Прибывъ на станцію «Зима», они немедленно прогнали большевиковъ, расположились тамъ на отдыхъ и готовились къ походу на Иркутскъ. Произошла сильная паника, особенно въ недалекомъ Иркутскѣ, который съ 25-го янгаря 1920 года перешелъ уже въ руки мѣстныхъ большевиковъ.

Боясь новаго кровопролитія и опасаясь за жизнь адмирала Колчака, представитель чехословацкаго войска г. Благошъ и американскій уполномоченный инженеръ Стивенсъ, снеслись съ наступавшими войсками по проводу и старались выяснить имъ крайнюю опасность ихъ намѣренія для жизни Колчака. Вожди наступавшихъ не придали, однако, никакого значенія этимъ уговорамъ. Они послали иркутскимъ правителямъ ультимативное требованіе и одновременно двинулись на Иркутскъ. Ихъ требованія заключались въ слѣдующемъ: 1) немедленно передать адмирала Колчака иностраннымъ представителямъ, которые должны доставить его въ полной безопасности заграницу; 2) выдать россійскій золотой запасъ; 3) выдать арміи по наличному числу комплектовъ теплой одежды, сапогъ продовольствія и фуража; и 4) исполнить все изложенное подъ отвѣтственностью и гарантіей иностранныхъ представителей, ведшихъ переговоры.*)

Повліять на наступавшія войска старались и другіе чехи, въ томъ числѣ бывшій уполномоченный чехословацкой республики г. Гирса, но всѣ ихъ усилія, равно какъ и старанія гг. Благоша и Стивенса, разбивались объ упорство командовавшихъ наступавшими частями, глубоко задѣтыхъ поведеніемъ большевиковъ. Положеніе становилось безвыходнымъ. Хотя это наступленіе имѣло свое оправданіе и диктовалось долгомъ, но стоявшіе во главѣ войскъ должны были знать, въ какихъ рукахъ находился Колчакъ и что живымъ его не выдадутъ.

*) Ген. Сахаровъ. Бѣлая Сибирь. Мюнхенъ 1923 г.

Уже 6-го февраля цѣлый день шли упорные бои на путяхъ къ Иркутску. Большевицкія части спѣшно отступали къ городу. Паника охватила все городское населеніе. Въ самый тревожный моментъ скрывавшіеся въ городѣ офицеры, надѣясь на скорый приходъ приближавшихся войскъ, стали разбрасывать сочувственныя адмиралу Колчаку прокламаціи.

Наступавшія войска подъ командой ген. Сахарова подошли къ Иркутску въ тотъ-же день, но они не бросились сразу на растерявшійся городъ, а остановились у станціи Инокентьевской, расположенной на западномъ берегу Ангары, — противъ Иркутска. Атаку на городъ рѣшили начать только на слѣдующее утро.

Охваченные паникой большевики рѣшили бѣжать, но передъ тѣмъ наскоро инсценировали судъ надъ Колчакомъ и Пепеляевымъ, приговорили ихъ къ смерти и 7-го февраля, ровно въ 2 часа ночи, разстрѣляли.*)

Чехословаки, узнавъ о гибели адмирала Колчака, не предвидѣли уже ничего хорошаго. Они потребовали отъ наступавшихъ войскъ не занимать территоріи ихъ расположенія — Глазговскаго предмѣстья, для того чтобы не вызвать конфликта съ большевиками. Но оказалось, что у наступавшихъ не было точно опредѣленныхъ намѣреній. Только генералы Сахаровъ и Феофиловъ не унимались и тянули на Иркутскъ. Ихъ, однако, не послушали. Войска снялись съ мѣстъ, обошли Иркутскъ и направились на востокъ — къ атаману Семенову.

Надвигавшіяся съ запада красноармейскія войска занимали уже безпрепятственно станцію за станціей, не встрѣчая никакого сопротивленія. Сформировавшаяся на мѣстахъ до ихъ прихода власть шла имъ на встрѣчу. Къ нимъ поголовно примыкали и всѣ возставшіе крестьяне.

Часть чехословацкихъ войскъ успѣла къ этому времени продвинуться къ Владивостоку, откуда уже началась ихъ отправка въ Европу. Тѣхъ, которые остались еще на сибирской

---

*) Парфеновъ П. Гражданская война въ Сибири 1918—1920 г.
Послѣдніе дни Колчаковщины. Подъ ред. К. Попова.
Gajda R. Moje paměti.

магистрали, красные преслѣдовали по пятамъ. Они по-прежнему стали требовать отъ нихъ или присоединиться къ красноармейцамъ, или сдать оружіе. Только послѣ долгихъ мытарствъ, 7-го февраля 1920 года на станціи Куйтунъ между чехословаками и большевиками состоялось соглашеніе, по которому всѣмъ оставшимся еще въ Сибири чехословацкимъ войскамъ разрѣшался безпрепятственный проѣздъ, при условіи: соблюдать полный нейтралитетъ, очистить желѣзную дорогу и не вывозить съ собою ни имущества колчаковской арміи, ни желѣзнодорожнаго матеріала. Охраняемый чехословацкими войсками на станціи Иркутскъ россійскій золотой запасъ, чехословаки обязались сдать мѣстнымъ правительственнымъ властямъ лишь при отъѣздѣ послѣдняго чехословацкаго эшелона. Это соглашеніе явилялось вынужденнымъ выходомъ изъ создавшагося положенія.

Послѣ этого наступилъ періодъ спѣшной эвакуаціи.

Костры великаго пожара продолжали дымиться. Мѣстное русское населеніе становилось въ строй новыхъ тяжелыхъ испытаній.

9.

Согласно заключенному на станціи Куйтунъ договору, 26-го февраля 1920 г. по приглашенію: завѣдующаго финансовымъ отдѣломъ при иркутскомъ военно-революціонномъ комитетѣ Г. Ф. Громова и начальника иркутскаго чехословацкаго гарнизона полковника Чила, собралась въ г. Иркутскѣ спеціальная комиссія для пріема охраняемаго чехословаками золотого запаса. Выдача его, какъ упоминалось раньше, была предрѣшена генераломъ Жаненомъ. Чехословаки выговорили себѣ только право сдать золото послѣ того, какъ будутъ пропущены на востокъ всѣ ихъ части.

Въ составъ комиссіи вошли: представители финансоваго отдѣла Ф. И. Громовъ и И. А. Страшкевичъ, представитель государственнаго контроля Бендакъ, старшій ревизоръ государственнаго контроля Н. А. Никольскій, предсѣдатель чрезвычайной слѣдственной комиссіи М. Ф. Милліонщиковъ, представитель центральнаго комитета профессіональнаго со-

юза служащихъ забайкальской желѣзной дороги И. Е. Затылковъ, капитанъ чехословацкихъ войскъ Лиса, подполковники названныхъ войскъ: Новакъ и Грдина и членъ комиссаріата по охранѣ государственныхъ цѣнностей. Комиссія начала свою работу 27-го февраля въ присутствіи всѣхъ поименованныхъ членовъ, а также начальниковъ карауловъ: чехословацкаго и совѣтскаго. Вагоны были вскрыты, ящики и мѣшки съ золотомъ пересчитаны и количество ихъ свѣрено съ актомъ, изготовленнымъ 4-го января 1920 года, за № 16, представителями колчаковскаго государственнаго банка и контроля при передачѣ ими золотого запаса подъ охрану чехословаковъ, а также съ актомъ, составленнымъ 12-го января 1920 года сопровождавшими золотой запасъ русскими чинами Государственнаго Банка на станціи Тыреть. Послѣ этого всѣ мѣшки и ящики были перегружены изъ прежнихъ вагоновъ въ большіе американскіе вагоны. При подсчетѣ оказалось: 1.678 мѣшковъ и 5.143 ящика съ золотомъ, что вполнѣ соотвѣтствовало тому количеству, которое указано въ вышеприведенныхъ двухъ актахъ: главномъ, — отъ 4 января, за № 16, и дополнительномъ, — отъ 12 января 1920 года. По завершеніи всѣхъ работъ, 1-го марта 1920 года былъ составленъ особый актъ и подписанъ всѣми чинами комиссіи. Послѣ этого, въ тотъ же день, въ 1 ч. 35 м. дня, ушелъ отъ вагоновъ съ золотомъ чехословацкій караулъ 2-й пулеметной роты 10-го стрѣлковаго полка подъ командой поручика Цинке и охрану приняла 7-ая рота иркутскаго совѣтскаго караульнаго полка подъ командой Шелепина. Въ 7 ч. веч. того же дня выѣхалъ изъ Иркутска послѣдній чехословацкій эшелонъ.

По пути къ Владивостоку чехословацкіе эшелоны встрѣтились еще разъ съ отголосками недоброжелательнаго къ нимъ отношенія. Выразителемъ ихъ былъ атаманъ Семеновъ, оставшійся до конца вѣрнымъ своей нерасположенности къ чехословакамъ. Чехословаки, однако, скоро ликвидировали и эти новыя недоразумѣнія. Пережитыя невзгоды были сильнѣе всѣхъ этихъ мелкихъ придирокъ. На нихъ уже не обращали вниманія.

Въ сердцахъ уѣзжавшихъ чехословаковъ чередовались

и грусть, и радость. Они вспоминали восторженные дни начала великой войны, переносились мыслью въ Кіевъ, въ западную Галицію, Зборовъ, Пензу, Самару, Казань, Пермь, Омскъ, вспоминали храбрыхъ русскихъ товарищей, цѣлую вереницу ихъ благороднѣшихъ порывовъ и перенесенныя вмѣстѣ съ ними страданія, вспоминали надежды и разочарованія, горе и радость, и съ грустью оставляли въ объятіяхъ жесточайшей анархіи русскій народъ, на который надѣялись и продолжаютъ надѣяться всѣ славяне. Впереди-же они видѣли свою освобожденную родину и радостно спѣшили къ ней, надѣясь тамъ успокоить навѣянную Сибирью грусть.

Эвакуація чехословацкаго войска продолжалась годъ и восемь мѣсяцевъ. Она началась еще 15 января 1919 года и закончилась только 2-го сентября 1920 г. Съ первымъ итальянскимъ пароходомъ «Roma» выѣхало 139 чехословацкихъ инвалидовъ. Затѣмъ постепенно были эвакуированы всѣ инвалиды и раненные и, наконецъ, войска. Всѣхъ транспортовъ отправлено 36. Между ними на болѣе крупныхъ американскихъ, англійскихъ и японскихъ пароходахъ отплыло: на пароходѣ «Jonan Maru» — 1.306 человѣкъ, на пароходѣ «Amerika» — 6.478, на пароходѣ «President Grant» — 5.471, на пароходѣ «Mont Vernon» — 3.452, на пароходѣ «Dollar» — 3.427, на пароходѣ «Ixion» — 2.945 человѣкъ и т. д. Всего было перевезено 67.726 человѣкъ, изъ которыхъ 53.452 солдата, 3.004 офицера и 11.270 разныхъ гражданскихъ лицъ — чехословаковъ, русскихъ, поляковъ и другихъ.*)

Чехословацкое войско въ Сибири представляло центръ, куда стекались всѣ чехословаки, проживавшіе въ охваченной революціей Россіи. Всѣ они: и военныя и гражданскія, стремились къ одному: вернуться на родину. Не имѣя сначала своего державнаго центра, находясь въ далекой, объятой анархіей странѣ и будучи лишены необходимыхъ средствъ, они должны были заботиться сами о себѣ. Въ этомъ отношеніи они проявили огромную энергію, которую весьма умѣло и радикально использовалъ ихъ выдающійся финансовый и общественный дѣятель

*) Dr. Raše A. Evakuace.

полковникъ Шипъ, нынѣшній главный директоръ пражскаго Легіо-Банка, о чемъ говорится болѣе подробно въ слѣдующей главѣ. Убѣждая каждаго легіонера сберегать получаемое жалованье, онъ собралъ крупныя суммы, которыя затѣмъ употребилъ на устройство цѣлаго ряда небольшихъ заводовъ, мастерскихъ, разныхъ предпріятій, а также для закупки для Чехословакіи разнаго сырья, которое тогда изъ Сибири никто не вывозилъ. Почти всѣ деньги, скопленныя легіонерами во время ихъ пребыванія въ Сибири, оставлены тамъ же, въ обмѣнъ на разное сырье. Это сырье, иначе сказавши ихъ собственныя деньги, чехословаки имѣли полное право вывезти съ собою. Необходимость такой мѣры диктовалась еще и тѣмъ, что чехословаки получали свое жалованье большей частью въ русской валютѣ, которая сильно падала и настоятельно требовала превращенія ея въ болѣе устойчивые предметы. Всѣми этими операціями завѣдывалъ особый центральный народно-хозяйственный отдѣлъ, учрежденный 9-го декабря 1919 года при канцеляріи оффиціальнаго представителя Чехословацкой Республики д-ра Гирсы. Всѣ-же покупки совершались съ вѣдома и согласія мѣстныхъ русскихъ властей*). Въ этомъ дѣлѣ чехословаки проявили особенную энергію и аккуратность. Забайкальскій атаманъ Семеновъ, одинъ изъ недоброжелателей чехословаковъ, неоднократно упрекалъ ихъ въ томъ, что они пришли въ Сибирь босые и голые, а уѣхали сытые и одѣтые. Онъ былъ правъ. Чехословаки уѣхали одѣтыми, но все, что они пріобрѣли, сдѣлали сами, исключительно только на скопленные гроши каждаго легіонера и благодаря присущей имъ энергіи и солидарности. Если они за свою глубоко-искреннюю дружбу и помощь, за свою 5-лѣтнюю службу, за свои страданія, мученія и лишенія получили возможность сберечь, среди страшной анархіи, кровно заработанныя ими деньги и увезти ихъ домой, то для насъ это утѣшеніе, а для нихъ честь и слава.

Покидая Россію, чехословаки съ избыткомъ исполнили

---

*) Šíp. Několik kapitol o hospodářství naší sibiřské armády. Praha. 1926.

свой долгъ и остались такими же друзьями русскихъ, какими они были въ дни созданія «чехословацкой дружины» и какими всегда были и ихъ великіе патріоты-славянофилы. Ихъ славянофильство не въ томъ, чтобы угашать духъ, а въ стремленіи къ свободѣ и прогрессу, — въ этомъ и ихъ будущее.

Выступивъ подъ знаменемъ Гуса на великую борьбу за освобожденіе славянъ, чехословаки мечтали объ одинаковой побѣдѣ, какъ для себя, такъ и для русскихъ. Случилось однако иначе.

Россія — надежда всѣхъ славянъ, очутилась въ объятіяхъ величайшей анархіи, гдѣ люди потеряли человѣческій обликъ и стали истреблять другъ друга. Кровь полилась широкими потоками по всей землѣ и вспомнились великія слова Спасителя: «*возстанетъ народъ на народъ, и царство на царство, и будутъ глады, моры и землетрясенія и, по причинѣ умноженія беззаконія, во многихъ охладѣетъ любовь. Но претерпѣвшій до конца — спасется.*

9-го декабря 1919 года отплылъ изъ Владивостока первый большой транспортъ «Jonan Maru», на которомъ выѣхалъ на родину весь первый чехословацкій полкъ. За нимъ двинулись другіе, и скоро вся эвакуація была закончена.

Весною 1920 г. чехословацкія войска, послѣ 5-ти лѣтнихъ мытарствъ, прибыли въ Прагу, привѣтствуемыя ликующимъ народомъ. Съ ними прибыло и ихъ боевое знамя, освященное въ 1914 году въ г. Кіевѣ. Вся Чехословакія поклонилась ему. Всѣ оцѣнили великій подвигъ ихъ первыхъ войскъ, ихъ труды, страданія и терпѣнія и ихъ непоколебимую вѣру въ торжество правды. Послѣдняя привела ихъ въ воскресшую столицу святого Вацлава. Президентъ чехословацкой республики, ихъ духовный вождь профессоръ Масарикъ, привѣтствовалъ возвратившіяся войска горячими словами. Онъ напомнилъ имъ объ ихъ долгихъ переживаніяхъ, объ ихъ великихъ заслугахъ и объ ихъ невольныхъ ошибкахъ. Вспомнилъ и о тѣхъ, которымъ не суждено было присутствовать на этомъ торжествѣ свободы и, показывая на ликующій народъ и на сверкающую въ лучахъ свободы Прагу, съ гордостью сказалъ: «*Тѣ, кто пали, недаромъ воевали*».

Великое шествіе чехословацкаго войска къ свободѣ закончилось: Они были уже между своими, на своей освобожденной родинѣ. А тамъ далеко, далеко, за горами Карпатами, на огромныхъ просторахъ остался русскій народъ, на котораго каждый чехъ съ колыбели смотрѣлъ, какъ на своего избавителя.

Нынѣ Чехословакія свободна. Она вошла въ союзъ свободныхъ народовъ. А великая, могущественная Россія осталась во мглѣ, въ мечтахъ, въ воспоминаніяхъ...

Надежды и упованія повернулись.

Раньше порабощенные славяне обращали свои взоры на великую Россію, нынѣ она устремляетъ свой взоръ въ сторону освобожденныхъ славянъ.

Если любовь въ людяхъ не оскудѣла, она согрѣетъ всѣхъ: и свободныхъ, и немощныхъ, и страждущихъ и начнется новая жизнь...

ГЛАВА III.

1.

Въ нынѣшнее время требуется много больше смѣлости, чтобы говорить правду, чѣмъ, чтобы лицемѣрить. Революціонная разруха еще не улеглась, и охватившія людей страсти еще не остыли.

Изъ предыдущей главы видно, какихъ результатовъ достигли чехословацкіе добровольцы, благодаря своей сплоченности, солидарности и вѣрѣ въ конечный успѣхъ предпринятаго дѣла. Но каждое великое дѣло почти всегда вызываетъ и похвалу, и порицаніе.

Чехословацкія войска не избѣжали этой общей участи. Имъ отдана дань признательности со стороны чехословацкаго народа, высшаго русскаго командованія, союзниковъ и многихъ русскихъ людей, но, одновременно съ тѣмъ, на нихъ посыпались и обвиненія со стороны лицъ, окружавшихъ несчастнаго адмирала Колчака. Очень жаль, что въ этихъ обвиненіяхъ не приводится никакихъ фактическихъ данныхъ, подтверждающихъ тѣ или иныя ошибки чехословаковъ, а лишь безпардонно окатывается грязью все чехословацкое войско и даже весь чехословацкій народъ.

Во время революціи несдержанность всегда доходитъ до крайнихъ предѣловъ. Для нея не существуетъ никакихъ правилъ. Она молчаливо проходитъ мимо забрызганныхъ кровью убійцъ и неистово кричитъ, когда встрѣчаетъ попытки къ водворенію порядка.

Служившій въ арміи верховнаго правителя адмирала Колчака генералъ Сахаровъ, одинъ изъ видныхъ его дѣятелей и

совѣтниковъ, издалъ въ Германіи книгу на русскомъ и нѣмецкомъ языкахъ. подъ заглавіемъ «Бѣлая Сибирь», которую почти цѣликомъ посвятилъ травлѣ чехословацкаго войска. Вотъ что онъ пишетъ въ этой книгѣ:

«Неправдою было мнѣніе, будто чешскія части, служившія въ австрійской арміи, сдавались добровольно и безъ боя. Всѣ разсказы о добровольной ихъ сдачѣ — басни. Это была своего рода игра съ двойнымъ обезпеченіемъ: драться хорошо до побѣды своихъ, а, въ случаѣ пораженія, или въ трудную минуту, — прикрыться славянскимъ братствомъ, чтобы и въ плѣну было не плохо. Точно также совершенно ошибочно мнѣніе, что чехословацкій корпусъ выступилъ въ борьбу съ большевиками идейно, для освобожденія Россіи, для возрожденія великой славянской страны. Ихъ дѣйствія диктовались интересами личнаго спасенія отъ возмездія за ихъ измѣну тогдашнему отечеству — Австро-венгерской монархіи.»

Всякая разумная критика представляетъ извѣстную цѣнность, но всякое бездоказательное утвержденіе осуждается всѣми.

Кто до войны былъ въ Чехіи или имѣлъ возможность сталкиваться съ чешскими патріотами, тотъ никогда не забудетъ тѣхъ глубокихъ симпатій, которыя всегда питали чехи къ русскому народу. На протяженіи цѣлаго минувшаго вѣка Чехія была средоточіемъ и постояннымъ будителемъ славянскихъ чувствъ и надеждъ. Ихъ незабвенныхъ вождей славянофиловъ: Добровскаго, Коллара, Шафарика, Палацкаго и многихъ другихъ, глубоко цѣнили всѣ славяне, а Россія всегда дарила ихъ особеннымъ уваженіемъ и любовью. Когда возникла великая война, взоры чехословацкаго народа сразу устремились на Россію, отъ которой они ожидали осуществленія своихъ надеждъ — своего освобожденія. То, что говорилось чехословаками въ Россіи въ первые дни войны, всецѣло вытекало изъ чувствъ всего чехословацкаго народа. Онъ не отказывался отъ своихъ симпатій къ русскимъ въ дни мира, не отказался и тогда, когда его временные властелины нѣмцы очутились передъ штыками Россіи. Изъ офиціальной переписки въ началѣ войны между австрійскимъ министромъ внутреннихъ дѣлъ Гейнольдомъ и глав-

нокомандующимъ эрцгерцогомъ Фридрихомъ видно, что думала и чѣмъ жила тогда вся Чехія, а изъ многочисленныхъ тогдашнихъ изданій усматривается, съ какой силой проявлялись симпатіи чеховъ къ Россіи и какими великими страданіями платили они за эти чувства. Въ австровенгерскихъ тюрьмахъ томились десятки тысячъ чешскихъ гражданъ, многіе изъ нихъ были приговорены даже къ смертной казни. Этого не въ состояніи затмить никакая человѣческая злоба.

Съ возникновеніемъ великой войны чехи дружно взялись за организацію своего войска, которое въ короткое время достигло болѣе 100.000 добровольцевъ, храбро сражавшихся на поляхъ Россіи, Франціи, Италіи,... Значительныя части чешскихъ полковъ: 36-го, 88-го, 28-го (пражскихъ дѣтей) и другихъ добровольно перешли на сторону Россіи и многіе изъ нихъ сейчасъ же вступили въ ряды «Чехословацкой Дружины». Австрійское командованіе приказами отъ 11 января и 30 апрѣля 1915 г. объявило премію въ 5.000 коронъ за сообщеніе о каждомъ пытавшемся перейти на сторону Россіи, а между тѣмъ не нашлось ни одного чеха, котораго соблазнила бы эта сумма. Какъ сражались эти чехословацкія войска, показалъ Зборовъ, гдѣ большая половина дружинниковъ состояла изъ военноплѣнныхъ.

Состоя при русскихъ частяхъ, чехословаки просили посылать ихъ въ найболѣе опасныя мѣста и всегда пренебрегали тѣми мученіями, которыя готовили имъ австрійцы при ихъ плѣненіи. Такъ, напримѣръ, пойманные въ декабрѣ 1914 года два чешскихъ легіонера А. Грмеля и І. Миллеръ были преданы мученіямъ, а затѣмъ повѣшены въ г. Вадовицахъ, въ западной Галиціи. Одинъ изъ нихъ, А. Грмеля, написалъ передъ своей смертью генералу Радко Дмитріеву письмо, въ которомъ просилъ его доложить Государю Императору, что онъ съ радостью исполнялъ свою службу царю. Это письмо онъ подписалъ: *«умирающій за царя, вѣру и славянство Антонинъ Грмеля»*. 21-го ноября 1916 года австрійцы, послѣ такихъ-же жестокихъ истязаній, повѣсили другого чеха добровольца І. Станека, который передъ смертью, еле держась на искалеченныхъ ногахъ, смѣло кричалъ удивленнымъ нѣмцамъ: *«Да здравствуетъ Россія, да здравствуетъ славянство»*. Наконецъ, простой чеш-

скій солдатъ Мрнякъ, рискуя своею жизнью, помогъ попавшему въ плѣнъ русскому генералу Корнилову бѣжать въ Россію.

Нынѣшній президентъ чехословацкой республики проф. Масарикъ, главный вдохновитель чехословацкаго освободительнаго движенія въ Россіи, Франціи, Италіи, Сербіи, Англіи и Соединенныхъ Штатахъ, въ своихъ памятныхъ запискахъ, относящихся къ м. декабрю 1914 года, говоритъ: «Не могли мы ничего сдѣлать въ Австріи, должны были дѣлать заграницей. Тамъ мы искали симпатій, завязывали политическія сношенія, объединяли всѣхъ и, главное, организовали добровольческія войска изъ числа военноплѣнныхъ. Военная программа была для насъ вполнѣ ясна. Отъ начала войны въ Галиціи, т. е. отъ 10-го августа до половины сентября 1914 года русскіе взяли около 80.000 плѣнныхъ, изъ коихъ отъ 12 до 15 тысячъ выразили готовность сейчасъ же вступить въ ряды «чехословацкой дружины», а затѣмъ число ихъ съ каждымъ днемъ увеличивалось.»

Отношеніе къ Россіи и Славянству проявлялось у чехословаковъ очень рельефно. Фактовъ для этого очень много.

Въ приказѣ командира 7-го чехословацкаго полка отъ 17 декабря 1918 года говорилось: «*поможемъ Россіи всѣми нашими силами, потому что безъ нея не будетъ ни мира, ни нашего освобожденія.*»

«Наша военная помощь, — заявилъ бывшій легіонеръ, нынѣ полковникъ чехословацкой арміи *Б. Завада*, на конференціи легіонеровъ 24-го іюня 1923 года въ г. Прагѣ, — *диктовалась любовью къ Россіи, которой нашъ солдатъ былъ особенно воодушевленъ*».

«*Если наши легіонеры и плѣнные*, — сказалъ на той же конференціи другой бывшій легіонеръ, редакторъ «Чехословенскаго дневника» *Іос. Дыма*, — *шли въ Россію, то исключительно къ своему брату защитнику. Несмотря на перенесенныя страданія, каждый изъ насъ сохранилъ самыя лучшія воспоминанія о Россіи и русскихъ*».

«*Для меня, какъ для чеха*, — заявилъ тогда-же бывшій легіонеръ *С. Досталь*, нынѣ чиновникъ контроля на Прикарпатьи, — *Россія есть символъ, потому что, когда воскреснетъ она, воскреснутъ и наши соціальныя и хозяйственныя отношенія.*»

Бренскій профессоръ *д-ръ І. Куделя*, одинъ изъ найболѣе выдающихся легіонеровъ, высказалъ мнѣніе, что *пребываніе чехословаковъ въ Россіи получило мессіанистскую задачу: защитить Россію, а съ ней и все Славянство».*

А *д-ръ Левъ Сыхрава* въ своей книжкѣ «Духъ Легіи» упоминаетъ, что *въ закончившейся міровой войнѣ, которая прежде всего была войной нѣмцевъ съ славянствомъ, весь чешскій народъ безъ различія партій и безъ разсужденій инстинктивно сталъ на сторону славянства.*

Такихъ отзывовъ и фактовъ огромное количество. Ими гордится каждый легіонеръ, ими гордится за свое молодое войско и весь чехословацкій народъ. Это признали всѣ союзныя правительства и всѣ тѣ, которымъ приходилось сталкиваться съ чехословацкими легіонерами.

Чехословацкія войска охотно шли еще въ глубокую старину на помощь русскимъ удѣльнымъ князьямъ. Съ такимъ же рвеніемъ они сражались за славянское дѣло и подъ Грюнвальдомъ. Также самоотверженно и сознательно они пошли и на великую войну за освобожденіе славянъ. Въ этомъ отношеніи чешскій народъ былъ всегда въ первыхъ рядахъ.

Затмить это, или исторгнуть изъ народной памяти, не удастся никакимъ недоброжелателямъ славянства. Ихъ старанія безсильны.

2.

Чехословацкія войска, послѣ окончательнаго развала русской арміи, стремились пробраться на французскій фронтъ. Для этой цѣли они избрали путь черезъ Владивостокъ. Тогда это было ихъ единственнымъ желаніемъ. Но ему не суждено было осуществиться. Большевики, подстрекаемые тогдашними ихъ союзниками нѣмцами, рѣшили задержать чехословаковъ, разоружить ихъ и совершенно уничтожить. Не было другого исхода, какъ пробиваться силой. Первыми выступили большевики. Чехословаки принуждены были защищаться. Со временемъ разгорѣлась цѣлая война, продолжавшаяся нѣсколько мѣсяцевъ, потребовавшая особеннаго напряженія силъ и повлекшая за собою много тяжелыхъ жертвъ. Благодаря чехо-

словацкимъ отрядамъ, большевики были разсѣяны и вся Сибирь отъ нихъ освобождена.

Слухи о чехословацкихъ побѣдахъ облетѣли тогда всю страну. Мѣстное русское общество, освободившись отъ большевиковъ, встрѣчало чехословаковъ, какъ спасителей. При ихъ содѣйствіи оно скоро съорганизовалось, образовало мѣстныя правительства, сформировало собственную армію и т. д. Его цѣлью было: создать новый фронтъ, аннулировать брестъ-литовскій договоръ и возродить Россію на началахъ февральской революціи. Другихъ лозунговъ тогда не было. Эти стремленія совпали съ міровоззрѣніями чехословаковъ, и потому между обѣими группами сразу установились самыя дружескія отношенія. Когда затѣмъ союзныя державы предложили чехословацкому войску остаться въ Сибири и образовать новый фронтъ, они охотно перебросили всѣ свои войска къ Уралу и совмѣстно съ новыми русскими добровольческими частями стали сражаться противъ общихъ враговъ.

Такъ продолжалось до тѣхъ поръ, пока не получилось извѣстіе объ окончаніи европейской войны и о созданіи чехословацкой республики. Дальнѣйшее продолженіе войны, казалось, теряло уже всякій смыслъ. Исчезалъ, по мнѣнію чехословаковъ, тотъ факторъ, изъ-за котораго она велась. Кромѣ того, къ этому времени относится крупное событіе «колчаковскій переворотъ въ г. Омскѣ», раздѣлившій мѣстное общество на два враждебныхъ лагеря. Война стала принимать характеръ гражданской междуусобицы, при чемъ, колчаковскимъ переворотомъ этотъ новый ея характеръ замѣтно углублялся. Возникалъ вопросъ, могутъ ли чехословаки участвовать въ этой новой войнѣ. Положеніе сильно осложнилось еще и послѣдовавшимъ предложеніемъ русскимъ партіямъ, въ томъ числѣ и большевикамъ, собраться на «Принцевы Острова» и тамъ примириться.

Чехословаки не могли не считаться съ этими событіями, тѣмъ болѣе, что создавшееся послѣ колчаковскаго переворота положеніе не обѣщало надеждъ на какой-либо благопріятный успѣхъ.

Эти, а также рядъ другихъ второстепенныхъ причинъ, повліяли на то, что чехословацкое войско было отозвано съ

фронта и на него, согласно просьбѣ верховнаго правителя Колчака и его правительства, была возложена охрана сибирскихъ желѣзныхъ дорогъ и вообще охрана тыла. Вся эта перемѣна прошла безболѣзненно, тѣмъ болѣе, что количество тогдашнихъ русскихъ войскъ, по удостовѣренію Омскаго военнаго министерства, было достаточно для замѣны ими чехословаковъ.

Таково было положеніе и такъ говорятъ факты.

Не такъ, однако, желаетъ представить всѣ эти событія генералъ Сахаровъ.

«Доблестное многострадальное русское офицерство, — пишетъ онъ въ своей книгѣ «Бѣлая Сибирь», — *встало съ оружіемъ въ рукахъ на всемъ пространствѣ отъ Волги до Тихаго океана. Операціи велись главнымъ образомъ русскими добровольцами бѣлогвардейцами, отряды которыхъ шли безропотно въ подчиненіе чешскимъ безграмотнымъ офицерамъ и генераламъ; изъ послѣднихъ только одинъ Чечекъ былъ лейтенантомъ военнаго времени австрійской службы, Янъ Сыровой служилъ раньше комивояжеромъ, Гайда фельдшеромъ. Изъ концентраціонныхъ лагерей шли чешскіе военноплѣнные для того, чтобы получить нарядную одежду и сытную привольную жизнь, драться же, а тѣмъ болѣе подвергать риску въ бояхъ свою жизнь, они не желали. Въ освобожденіи Сибири чехословацкія войска не принимали никакого участія. Ихъ рѣдкія боевыя дѣйствія направлялись русскими офицерами* (Ушаковымъ, Войцеховскимъ, Степановымъ). *Сами же чехословаки уходили при первомъ натискѣ красныхъ».*

Какимъ рѣзкимъ диссонансомъ звучатъ эти строки, особенно когда вспомнить слова генерала Брусилова, сказанныя имъ послѣ битвы чехословаковъ у Зборова: *«чехословацкіе добровольцы, оставленные всѣми, бились выше всякой похвалы; одна чехословацкая бригада сдерживала натискъ нѣсколькихъ непріятельскихъ дивизій»,* — или слова, сказанныя командиромъ 49 армейскаго корпуса генераломъ Селивачевымъ: *«за три года войны я впервые видѣлъ такой смѣлый и рѣшительный набѣгъ»,* — или, наконецъ, многочисленные отзывы русскихъ военачальниковъ, офиціально свидѣтельствовавшихъ о той храбрости, и самоотверженности, съ какими чехословацкіе добровольцы-

военноплѣнные, среди неимовѣрныхъ страданій и лишеній, по собственному желанію, отдавали свою жизнь за торжество славянской идеи».

Изъ сопоставленія цѣлаго ряда фактовъ, приведенныхъ въ предыдущей главѣ, становится очевиднымъ, что главной причиной конечныхъ успѣховъ чехословаковъ явилось ихъ упорное стремленіе сохранить единство арміи и сражаться до побѣднаго конца. Будучи еще въ «Дружинѣ», они сами просили назначать ихъ въ наиболѣе опасныя мѣста, а подъ Зборовомъ не пали духомъ и показали свою выдающуюся храбрость, выдержку и дисциплину. Когда послѣ одного боя во Франціи чехословацкую дивизію, имѣвшую крупныя потери, хотѣли отвести въ тылъ на отдыхъ, всѣ ея солдаты отказались покинуть фронтъ и продолжали сражаться. Такъ они поступали во все время великой войны.

Очутившись въ Сибири, чехословацкія войска нерѣдко упорно держались противъ значительно превышавшихъ ихъ красноармейскихъ частей. Въ сраженіяхъ, напримѣръ, при г. Белебеѣ, Бирскѣ, Уфѣ, многія ихъ роты уменьшились съ 220 до 40 солдатъ. Одному чехословацкому полку, на протяженіи цѣлаго мѣсяца, пришлось тамъ же сдерживать натискъ 8.000 красноармейцевъ. Въ г. Казани горсть чехословаковъ, истекая кровью, упорно защищала городъ, общество котораго, вмѣсто того, чтобы помочь имъ, предавалось разгулу, кутежамъ и устраивало конскія скачки. Въ теченіе всей кампаніи не было случая, чтобы чехословацкія войска самовольно бѣжали съ поля сраженія, братались съ врагами, отдавали имъ свое оружіе и сдавались. Они предпочитали смерть позорной капитуляціи передъ врагомъ. Объ этомъ свидѣтельствуютъ сотни могилъ, разбросанныхъ на огромныхъ пространствахъ отъ Западной Галиціи до Дальняго Востока. При стихийномъ бѣгствѣ русской революціонной арміи съ галиційскаго фронта, чехословацкія части не растерялись и, не смотря на свою малочисленность, сдерживали грозный натискъ врага.

Генералъ Сахаровъ утверждаетъ, что въ освобожденіи Сибири чехословаки не принимали никакого участія. А между

тѣмъ, если бы не чехословацкія войска, не было бы ни омскаго правительства, ни поволжскаго фронта, ни возможности сорганизовать русскую добровольческую армію. Временное сибирское правительство, образовавшееся тамъ послѣ свержения большевицкой власти, издало въ первые же дни своего существованія особую благодарственную грамоту, въ которой отмѣтило *«крупныя заслуги чехословаковъ въ исторіи освобожденія и спасенія Сибири»*. Главнокомандующій всѣми вооруженными силами въ Сибири генералъ-лейтенантъ Болдыревъ высказалъ 24-го ноября публичную благодарность чехословацкимъ войскамъ *«за ихъ помощь Россіи, которая навсегда останется памятной»*, а при послѣдовавшемъ вслѣдъ затѣмъ его отъѣздѣ изъ Сибири заявилъ представителю владивостокской газеты «Далекая Окраина», что *за все время пребыванія на фронтѣ чехословацкое войско доблестно и энергично выполняло свои задачи, и что онъ признаетъ его великія заслуги въ дѣлѣ освобожденія Россіи*. Благодарность «за оказанныя услуги по освобожденію Сибири» выразилъ чехословакамъ также верховный правитель адмиралъ Колчакъ въ особой грамотѣ, въ которой говорилось дословно слѣдующее: *«Чехословацкія дивизіи своими славными дѣйствіями на Волгѣ, Уралѣ и Сибири дали основаніе народному освобожденію русскаго Востока и освободили путь къ Великому океану, откуда достаемъ теперь помощь отъ нашихъ союзниковъ. Пролитая кровь, работа и славныя дѣйствія чехословаковъ на вѣки сохранятся въ памяти признательной Россіи. За великія заслуги чехословаковъ высказываю именемъ русской арміи благодарность всѣмъ генераламъ, офицерамъ и воинамъ храбрыхъ чехословацкихъ войскъ и награждаю 1 и 2 ихъ дивизіи по 100 знаковъ Георгія на каждый полкъ и артиллерійскую бригаду»*.

Такія же благодарности чехословацкое войско получило отъ городовъ: Самары, Уфы, Екатеринбурга, Новониколаевска, Омска, Томска, Иркутска и многихъ другихъ, а также отъ всѣхъ мѣстныхъ правительствъ и общественныхъ организацій: самарскаго, уральскаго и сибирскаго, отъ уральскихъ казаковъ, польскаго военнаго комитета и т. д., и т. д.

Русское офицерство, бывшее на фронтѣ, несомнѣнно проявило крупнѣйшую долю участія, выносливости и самоотвержен-

ной храбрости, но не слѣдуетъ забывать, что русская армія въ Сибири образовалась лишь послѣ прибытія туда чехословацкаго войска. Доблестнѣйшіе представители русскаго офицерства: Войцеховскій, Дитерихсъ, Шокоровъ, Ушаковъ, Вороновъ, Куликовскій, Халявинъ, Степановъ и другіе, числились въ чехословацкихъ частяхъ и всецѣло подчинялись общему плану дѣйствій, выработанному общимъ чехословацкимъ командованіемъ. Исключеніе явилъ собою лишь полковникъ Степановъ, который при движеніи на Казань пошелъ въ разрѣзъ съ приказомъ командующаго фронтомъ ген. Чечека.

Чехословацкій боевой вождь Янъ Сыровый, къ которому такъ недоброжелательно относится ген. Сахаровъ, — личность очень незаурядная. До войны онъ занималъ должность инженера крупнаго бетоннаго завода въ г. Варшавѣ, съ очень приличнымъ окладомъ содержанія. Когда возникла война, онъ, будучи офицеромъ австрійской арміи, немедленно вступилъ въ ряды формировавшейся тогда «Чехословацкой Дружины» — *рядовымъ добровольцемъ*. Отправившись на фронтъ, онъ уже черезъ нѣсколько мѣсяцевъ удостоился рѣдкостной награды: особой благодарности самого верховнаго главнокомандующаго, великаго князя Николая Николаевича, а затѣмъ въ разное время былъ награжденъ орденами: Св. Станислава, св. Анны, св. Владиміра и наконецъ св. Георгія 4-ой степени. Его смѣлая развѣдка 2 февраля 1916 года въ районѣ Галузья, на югъ отъ Припети, составила ему заслуженную славу. Въ битвѣ подъ Зборовомъ онъ потерялъ глазъ, но не покинулъ арміи и вмѣстѣ съ ней отправился дальше въ Сибирь, гдѣ, благодаря своимъ выдающимся способностямъ, выдвинулся на первое мѣсто. Въ концѣ 1918 года англійскій король, желая отмѣтить храбрость и заслуги Сыроваго, наградилъ его высокимъ орденомъ: Order of the Bath. Такими же высокими орденами наградили его французы и другіе союзники. Нынѣ этотъ «комивояжеръ», какъ его высокомѣрно величаетъ генералъ Сахаровъ, состоитъ начальникомъ главнаго штаба чехословацкой республики и пользуется широкими симпатіями въ высшихъ заграничныхъ военныхъ сферахъ. Его соратникъ доброволецъ Р. Гайда, будучи капитаномъ, проявилъ въ битвѣ подъ Зборовомъ и при отступ-

леніи къ Тарнополю, такую распорядительность и хладнокровіе, что сразу обратилъ на себя всеобщее вниманіе. Рѣдко кто пользовался въ Сибири такой популярностью, какъ Гайда. Его удивительные по тактикѣ и упорству бои отъ Омска до Читы и въ районахъ Екатеринбурга и Перми стяжали ему славу способнѣйшаго полководца. Томское купечество поднесло ему 1-го сентября 1918 года золотое оружіе съ надписью «покорителю нѣмецкихъ и мадьярскихъ войскъ въ Сибири — 1918 года». Союзныя правительства наградили его многими боевыми отличіями, а правительство адмирала Колчака орденомъ Св. Георгія 3 степени. Послѣ отхода чехословаковъ съ фронта, верховный правитель адмиралъ Колчакъ пригласилъ Гайду на русскую службу, назначилъ его командующимъ арміей и произвелъ въ генералъ-лейтенанты. То же самое представляли и другіе чехословацкіе офицеры, которыми не могло нахвалиться русское командованіе и которые подъ Зборовомъ показали, насколько они «храбры, устойчивы и *грамотны*».

Что чехословацкіе солдаты были всегда сыты и хорошо одѣты, въ этомъ заслуга ихъ образцово поставленнаго интендантства. Если бы они зависѣли отъ интендантства омскаго правительства, имъ пришлось бы раздѣлить участь русскаго солдата. Какъ обходились тогда съ сибирскимъ русскимъ солдатомъ, разсказываетъ самъ генералъ Сахаровъ въ той же книгѣ «Бѣлая Сибирь» (стр. 102—103): «Почти на всѣхъ, — говоритъ онъ, — были рваные сапоги, иногда совсѣмъ безъ подошвъ; кое-кто еще въ валенкахъ, а у иныхъ ноги обернуты тряпками и обвязаны веревочкой. Штаны почти у всѣхъ въ дырьяхъ, черезъ которыя просвѣчивало голое тѣло. Офицеры ничѣмъ не отличались по внѣшности отъ солдатъ». Тотъ же генералъ Сахаровъ заявляетъ дальше, что «изо дня въ день со всѣхъ сторонъ поступали телеграммы съ просьбой прислать полушубки, шапки, теплое бѣлье, брюки и т. п.; но на русское горе они оставались безъ отвѣта, безъ результата; и добро, если бы не было въ тылу запасовъ, а то вѣдь въ Красноярскѣ, Томскѣ, Иркутскѣ были полные склады».

И это происходило въ то время, когда высокій покровитель Омска, англійскій генералъ Ноксъ, публично заявлялъ, что

великобританское правительство доставило для русской арміи въ Сибири нѣсколько сотъ тысячъ комплектовъ обмундированія, и когда у правительства адмирала Колчака находился колоссальный золотой запасъ и, повидимому, другія крупныя цѣнности, вывезенныя изъ города Казани.

У «безграмотныхъ» чехословаковъ такихъ упущеній не было. У нихъ, жертвовавшій своей жизнью солдатъ былъ предметомъ главныхъ и постоянныхъ заботъ.

Передъ чехословацкими войсками стояла одна цѣль: покорить нѣмцевъ и освободить свою родину. Они нерѣдко ссорились между собою, спорили, но главную свою цѣль никогда не забывали. Въ 1917 году, въ дни великой разрухи, представители чехословацкаго войска принесли въ городѣ Кіевѣ передъ своимъ духовнымъ вождемъ — профессоромъ Масарикомъ — присягу, что не устанутъ въ борьбѣ противъ Австро-Венгріи до тѣхъ поръ, пока не добьются полной самостоятельности и независимости своей родины. И въ этомъ они успѣли, благодаря великой самоотверженности и упорному труду.

Великобританскій премьеръ-министръ Ллойдъ Джорджъ 11 сентября 1918 года, оцѣнивая значеніе чехословацкаго войска въ міровой войнѣ, заявилъ: «Чехословацкій народъ оказалъ неоцѣнимую услугу Россіи и союзникамъ въ ихъ борьбѣ за освобожденіе міра отъ деспотизма. Мы никогда этого не забудемъ».

Существовавшій въ то время въ г. Омскѣ «польскій военный комитетъ» высказалъ 1-го августа 1918 года чехословацкому войску свое восхищеніе.

«Сибирская Рѣчь» въ № 45 за 1918 годъ писала: «мы никогда не забудемъ того огромнаго значенія, какое имѣли чехословацкіе полки въ дѣлѣ освобожденія и возрожденія Сибири.

«Омскій Вѣстникъ» въ № 145 за 1918 г. напечаталъ: «Благодарная память о чехословакахъ будетъ жить вѣчно въ Сибири».

Въ такомъ же духѣ печатались отзывы почти во всѣхъ сибирскихъ изданіяхъ.

Чехословаки дѣлали все, что могли и что не противорѣчило

ихъ основнымъ взглядамъ. Признавали это всѣ, кромѣ генерала Сахарова и его друзей.

3.

Въ каждой войнѣ бываютъ моменты, незабываемые ни ея участниками и современниками, ни ихъ потомствомъ. Такимъ яркимъ моментомъ въ послѣдней войнѣ для *чехословаковъ* была битва подъ Зборовомъ, суммировавшая всѣ положительныя ихъ качества. Съ какой точки зрѣнія ни смотрѣть на чехословаковъ, ихъ поступки и выдержка, особенно въ дни всеобщей разрухи, говорятъ сами за себя. Такими они были на галиційскомъ фронтѣ, такими же остались и въ Сибири, не взирая на то, что тяжелыя условія ихъ жизни съ каждымъ днемъ сильно ухудшались.

Къ сожалѣнію, генералъ Сахаровъ проходитъ молча мимо этихъ положительныхъ качествъ и, оставаясь вѣрнымъ себѣ, старается чернить чехословацкое войско при всякихъ случаяхъ и обстоятельствахъ.

«Чехи, — говоритъ онъ въ «Бѣлой Сибири», — *подъ вліяніемъ пропаганды уже разваливались и воевать не желали. Съ сентября 1918 года они уже не воюютъ, и всю мѣстность отъ Волги до Уральскихъ горъ отдали большевикамъ. Цѣлыя толпы этихъ чехословацкихъ войскъ съ славянскимъ говоромъ, одѣтыхъ въ новенькія и щеголевато сшитыя русскія шинели и мундиры, въ новыхъ нашихъ же сапогахъ и фуражкахъ, безъ погонъ, но съ русскимъ оружіемъ, почти всѣ съ длинными всклокоченными волосами-космами, они бродили цѣлыми стаями по улицамъ всѣхъ сибирскихъ городовъ, толпились на станціяхъ, ничего не дѣлая и нежелая дѣлать. Пропаганда и демагогія соціалистовъ, безнаказанный грабежъ, сытая и бездѣятельная жизнь — вотъ тѣ факторы, которые окончательно разложили чехословацкій корпусъ. Они отдавали свои штыки въ распоряженіе и на поддержку соціалистовъ. Наполненный тылъ до насыщенія разнузданными и развращенными чехословацкими легіонерами падалъ духомъ. Возмущеніе среди арміи и населенія Сибири противъ чехословаковъ росло съ каждымъ днемъ. На многихъ заборахъ красовались надписи: «бей жидовъ и чеховъ, спасай Россію». Не было силы*

расправиться съ этими пятидесятитысячными бандами и загнать снова въ концентраціонные лагери, — единственно чего они заслуживали».

Въ предыдущей главѣ разсказано подробно о переживаніи чехословацкаго войска во время ихъ скитаній по Россіи. Въ Галиціи они подвергались соблазну, передъ которымъ не устояло 95% русской арміи; на Украинѣ имъ угрожали большевицкіе агитаторы и нѣмцы; въ г. Пензѣ большевицкая агитація достигла высшихъ предѣловъ, а въ Сибири большевики, нѣмцы и мадьяры старались совершенно ихъ уничтожить; — а между тѣмъ они не дрогнули передъ опасностями и въ полномъ порядкѣ вернулись въ свою освобожденную родину. Въ пятидесятитысячной арміи, конечно, не могло не быть случаевъ нарушенія дисциплины и порядка, но процентъ ихъ никогда не превышалъ нормъ обычнаго времени. На большевицкія приманки поддалось всего лишь нѣсколько сотъ человѣкъ да и изъ тѣхъ добрая половина раскаялась и вернулась назадъ. Въ чехословацкой арміи особенно строго наказывались разнаго рода проступки и преступленія. Для этого существовали спеціальные суды при арміи: полковые, дивизіонные и высшій кассаціонный судъ а также особые военно-полицейскіе органы. Изъ отчетовъ этихъ военно-судебныхъ и полицейскихъ органовъ усматривается, что преступность среди чехословацкихъ войскъ была очень незначительна. Такъ напримѣръ, за три мѣсяца апрѣль — іюнь 1919 года подверглось наказаніямъ 279 лицъ, изъ коихъ 248 за нарушеніе правилъ объ отданіи чести и за самовольную отлучку изъ казармъ. Крупныхъ же преступленій было самое ничтожное количество.*) Постоянные призывы ихъ вождей, особенно проф. Масарика, никогда не забывались чехословацкимъ войскомъ. Перечнемъ всей его дѣятельности сначала въ рядахъ русской арміи, а потомъ въ Сибири, охарактеризована вся его колоссальная работа. Наличность этой огромной работы никакъ не можетъ совмѣститься съ банальнымъ утвержденіемъ генерала Сахарова о томъ, что чехословацкіе солдаты цѣлыми стаями бродили по улицамъ всѣхъ сибирскихъ городовъ, толпились по стан-

---

*) D-r Svoboda V. Soudnictví v čsl. vojsku na Rusi.

ціямъ, ничего не дѣлая и не желая дѣлать. Если взять всѣхъ чехословацкихъ добровольцевъ и распредѣлить ихъ на многотысячномъ пространствѣ, гдѣ они сражались, охраняли и держали въ исправности всѣ желѣзнодорожныя линіи, преслѣдовали повстанцевъ, работали на фабрикахъ, заводахъ и въ мастерскихъ и заботились о сложныхъ нуждахъ войскъ, то окажется, что это количество не дастъ того остатка, который нуженъ генералу Сахарову для наполненія ими желѣзнодорожныхъ станцій и улицъ многочисленныхъ сибирскихъ городовъ.

Лучшее свидѣтельство чехословацкому войску далъ самъ верховный правитель адмиралъ Колчакъ, который въ бесѣдѣ съ чешскимъ публицистомъ А. Павеломъ 10-го ноября 1918 года въ г. Екатеринбургѣ заявилъ, что *«чехословацкое войско вполнѣ отвѣчаетъ своимъ боевымъ задачамъ и что оно состоитъ изъ развитыхъ, интеллигентныхъ, дисциплинированныхъ и вполнѣ сознательныхъ людей».**) Такъ отозвался о нихъ верховный главнокомандующій адмиралъ Колчакъ. Такихъ отзывовъ можно привести сотни.

Всѣ тѣ шинели, мундиры и сапоги, которыми попрекаетъ генералъ Сахаровъ чехословаковъ, были заготовлены ими на собственныхъ фабрикахъ, а оружіе частью отнято у красноармейцевъ, частью же получено ими въ значительномъ количествѣ изъ Японіи и Америки. Чехословаки, благодаря своей малочисленности, старались использовать каждаго солдата, и потому у нихъ не могло быть ни случаевъ уклоненія отъ исполненія боевыхъ обязанностей, ни, тѣмъ болѣе, переполненія ненужными лицами разныхъ штабовъ и организацій. Въ омскихъ штабахъ и интендантствахъ, какъ утверждаетъ самъ генералъ Сахаровъ на стр. 56, 58, 82—83 и др. «Бѣлой Сибири», было нѣсколько тысячъ служащихъ, а въ чехословацкихъ штабахъ состояло лишь по нѣсколько офицеровъ, въ интендантствѣ же было только 14 офицеровъ и 120 солдатъ, большею частью инвалидовъ. Генералъ Сахаровъ не обращаетъ, однако, на это никакого вниманія и, не останавливаясь ни передъ чѣмъ, самодовольно упрекаетъ чехословацкое войско то въ разнузданности,

---

*) Pavel A. Sibiřské úvahy.

то въ развращенности, то, наконецъ, въ самой беззастѣнчивой демагогіи, забывая, что не по должному адресу онъ направляетъ эти обвиненія, потому что подавляющее большинство чехословаковъ съ врагами не браталось, на ихъ приманки не шло, самовольно фронта не бросало, своихъ офицеровъ не убивало, а наоборотъ, все время терпѣливо и стойко оставалось на своихъ постахъ и оберегало другъ друга отъ всеобщей заразы. Когда въ г. Пензѣ большевики требовали отъ чехословаковъ не слушаться офицеровъ и выдать вооруженіе, они съ достоинствомъ отвѣтили: «кто хочетъ наше оружіе, пусть самъ придетъ, мы всегда при немъ и съ нашими офицерами, которыхъ уважаемъ и которымъ всецѣло вѣримъ».

Возмущеніе, о которомъ упоминаетъ генералъ Сахаровъ, дѣйствительно существовало, но только возмущались не чехословаками, а тѣми, которые своей недальновидностью портили все освободительное дѣло въ Сибири. Эти послѣдніе, правда, очень возмущались чехословаками, особенно, когда они выражали свои недоумѣнія по поводу высылки изъ предѣловъ Россіи главнокомандующаго войсками генералъ-лейтенанта Болдырева, когда осуждали убійства въ Омскѣ общественныхъ дѣятелей Фомина и товарищей, или когда порицали звѣрскія убійства 31 заложника, захваченныхъ въ Иркутскѣ войсками атамана Семенова. Чувства, которыми дарили мѣстные жители чехословаковъ, засвидѣтельствованы цѣлымъ рядомъ многочисленныхъ документовъ. Послѣ занятія, напримѣръ, города Самары мѣстное общество проявило къ нимъ такую теплоту чувствъ, что ихъ никогда не забудутъ ни тѣ, отъ которыхъ они исходили, ни тѣ, къ которымъ они относились. Окружной съѣздъ 2-го округа оренбургскаго казачьяго войска заявилъ, что «казаки никогда не забудутъ тѣхъ великихъ заслугъ, которыя оказали Россіи и славянству чехословацкія войска». На съѣздѣ членовъ партіи «народной свободы» въ г. Омскѣ предсѣдатель его сказалъ, что *«не хватаетъ словъ для того, чтобы выразить признательность, почтеніе и восхищеніе чехословацкимъ героямъ — носителямъ идеи единенія славянъ и свободы народовъ»*. Даже самъ верховный правитель адмиралъ Колчакъ и его правительство неоднакратно старались публично подчеркнуть свою горячую

признательность чехословакамъ и до первыхъ чиселъ ноября 1919 года постоянно уговаривали ихъ вернуться на фронтъ — спасти положеніе.

Чехословаки считали своими лучшими друзьями всѣхъ тѣхъ русскихъ, которые стремились разбить нѣмцевъ и освободить славянъ. Русскими же партіями они не интересовались и помогали всѣмъ, кто не былъ противъ этихъ основныхъ цѣлей. Когда потомъ между русскими начались политическіе споры, когда одна партія хотѣла задавить другую и когда эта борьба стала принимать характеръ новой гражданской междуусобицы, чехословаки естественно стали задумываться о цѣлесообразности ихъ дальнѣшаго въ ней участія. Ихъ цѣль была помочь Россіи, а не ея партіямъ. Всѣ обвиненія въ этой области могутъ исходить лишь отъ тѣхъ, которые хотѣли превратить чехословаковъ въ орудіе своей партіи. На это они не шли.

Загнать чехословаковъ въ концентраціонные лагери хотѣли, какъ извѣстно изъ предыдущей главы, народный комиссаръ Троцкій, германскій представитель въ Москвѣ графъ Мирбахъ и пребывавшіе въ Сибири нѣмецкіе и мадьярскіе военноплѣнные. Къ нимъ пожелалъ присоединиться и генералъ Сахаровъ, для котораго даже и то противно, что чехи разговаривали на какомъ-то «славянскомъ говорѣ». Въ своемъ походѣ противъ чехословаковъ онъ дошелъ даже до того, что сталъ приводить въ качествѣ документальныхъ данныхъ надписи на заборахъ, гласившія «бей жидовъ и чеховъ, спасай Россію.» Повидимому, это и есть тотъ источникъ, откуда недоброжелатели чехословаковъ черпаютъ всѣ свои обвиненія противъ чехословацкихъ войскъ.

4.

При созданіи въ 1914 году «Чехословацкой Дружины» возникъ и ея первоначальный органъ управленія «Союзъ чехословацкихъ обществъ въ Россіи» (Svaz). Постепенный ростъ чехословацкаго движенія вызвалъ, однако, новыя потребности. Уже въ началѣ 1916 года, по иниціативѣ профессора Масарика, была учреждена въ г. Парижѣ «Чехословацкая Національная Рада», въ вѣдѣніи которой были сосредоточены всѣ дѣла чехо-

словацкаго освободительнаго движенія во всѣхъ союзныхъ державахъ. Вмѣсто существовавшаго въ Россіи «Svaz-a» былъ организованъ въ 1917 году «Отдѣлъ чехословацкой Національной Рады для Россіи» съ выборнымъ отъ войска совѣтомъ и особымъ уполномоченнымъ, назначаемымъ центральной «Радой». Эта новая организація по всѣмъ дѣламъ общаго характера зависѣла отъ Центральнаго Управленія, по дѣламъ же мѣстнаго значенія согласовала свои дѣйствія съ положеніемъ войска. Въ ея составъ были избраны наиболѣе дѣятельные и испытанные патріоты, пользовавшіеся всеобщимъ довѣріемъ.

Генералъ Сахаровъ не преминулъ обрушиться и на этотъ «Отдѣлъ Чехословацкой Національной Рады», или, какъ онъ его называетъ «Чехословацкій Національный Комитетъ». Для этого онъ не жалѣлъ ни словъ, ни красокъ.

«Чехо-войскомъ, — говоритъ онъ въ своей «Бѣлой Сибири», — *руководилъ Чехословацкій Національный Комитетъ, члены котораго состояли къ концу лѣта 1918 года почти сплошь изъ соціалистовъ, вродѣ Богдана Павлу, Гирса, Медека, Благоша, Краля, Клофача, Патейдля и другихъ. Всѣ они были нашими военнопленными и отсиживались въ лагеряхъ, ожидая конца міровой войны. Теперь, когда Америка, Франція и Англія взяли чеховъ подъ свое покровительство, они выползли на свѣтъ и, чтобы попасть къ власти, пустили въ ходъ самую беззастѣнчивую демагогію. Процессъ разложенія чехословацкихъ войскъ еще болѣе усиливался отъ той демагогіи, которую расплодили и усиливали съ каждымъ днемъ тогдашніе ихъ руководители, соціалисты изъ Національнаго Комитета. Они прокричали на всѣ концы, что ихъ цѣль борьба за демократію, что вмѣшиваться во внутреннія дѣла Россіи они не желаютъ. А между тѣмъ поддерживали эс-эровъ, оказывали въ лицѣ доктора Павлу давленіе на образованіе соціалистической «Директоріи». Есть полное основаніе, предполагать, что всѣ эти «доктора» Клофачи, Павлу, Гирсы, Благоши и другіе, являлись даже одними изъ заправилъ эс-эровскаго комплота въ нашемъ тылу. Докторъ Гирса и Павлу издали въ концѣ ноября 1919 года меморандумъ, обращенный ко всѣмъ союзнымъ представителямъ, въ которомъ, драпируясь въ тогу гуманности и законности, требовали или вывоза ихъ войскъ на*

родину, или предоставленія имъ свободы воспрепятствованія безправію и преступленію, съ какой бы стороны они не исходили. Среди чеховъ росло недружелюбное чувство ко всѣмъ русскимъ, къ самой Россіи. Д-ръ Павлу и другіе политическіе руководители разжигали это чувство еще тѣмъ, что умышленно натравливали свою массу на русское офицерство, на русскую армію. Состоялось даже тайное соглашеніе между партіей эс-эровъ и главарями чехословацкаго Національнаго Комитета о сверженіи правительства Колчака. Члены Національнаго Комитета были въ близкихъ сношеніяхъ съ большевиками. Такъ напримѣръ, Благошъ велъ переговоры изъ Иркутска съ русскими частями на ст. «Зима», отъ имени большевиковъ.»

Генералу Сахарову, повидимому, неизвѣстно, что на Западѣ, а въ частности и въ Чехіи, соціалисты уже давно получили полное право гражданства. Тамъ никто не приходитъ отъ нихъ въ изступленіе и преспокойно съ ними работаютъ. Еще недавно въ нынѣшней Чехословацкой республикѣ соціалисты разныхъ оттѣнковъ входили въ составъ коалиціоннаго правительства и работали вмѣстѣ съ народными демократами, земледѣльческой партіей и даже съ клерикалами. Генералъ Сахаровъ считаетъ соціалистовъ «отъ лукаваго» и, не задумывась, причисляетъ къ нимъ и всѣхъ тѣхъ, кто въ свободѣ ищетъ спасенія народовъ. Онъ, ничтоже сумняшеся, называетъ ярыми соціалистами Богдана Павлу, Медека, Благоша, не смотря на то, что ни первый, ни второй, ни третій никогда въ соціалистическихъ партіяхъ не числились и въ нихъ никакого участія не принимали. Богданъ Павлу, напримѣръ, состоялъ редакторомъ руссофильской націоналистической газеты «Народни Листы», органа извѣстнаго руссофила д-ра Крамаржа, котораго ни одинъ даже наиболѣе умѣренный соціалистъ не рѣшится причислить къ приверженцамъ соціалистовъ. Эти свѣдѣнія также точны, какъ и утвержденія, что въ составѣ Національнаго Комитета былъ Клофачъ, котораго въ Сибири тогда не было, или, что всѣ вышеприведенныя лица — были военноплѣнными и отсиживались въ русскихъ концентраціонныхъ лагеряхъ. Д-ръ Гирса, напримѣръ, родился и служилъ въ Россіи, и, конечно, плѣннымъ не могъ быть. Его, между прочимъ, хорошо знали и уважали

почти всѣ кіевляне. Тѣ изъ нихъ, которые сдались въ плѣнъ, «выползали на свѣтъ» не въ Россіи, а еще у себя, на родинѣ — въ Чехіи и уже, какъ заслуженные общественные дѣятели и патріоты, были приглашены къ участію въ трудахъ чехословацкихъ организацій. Нѣкоторые изъ нихъ были крупными работниками на поприщахъ: литературномъ и ученомъ. Съ демагогіей они никогда не имѣли ничего общаго. Каждый чехословакъ глубокій реалистъ и такъ далекъ отъ демагогіи, какъ генералъ Сахаровъ отъ соціализма. Во главѣ чехословацкаго освободительнаго движенія, а тѣмъ самымъ и «Русскаго Отдѣла Чехословацкой Національной Рады» стоялъ нынѣшній президентъ Чехословацкой Республики профессоръ Масарикъ, одно участіе котораго исключаетъ всякую возможность какихъ-либо демагогическихъ пріемовъ.

Въ предыдущемъ параграфѣ указывалось, какъ работали чехословаки на разныхъ поприщахъ и какія мѣры принимались Отдѣломъ Чехословацкой Національной Рады для наивысшаго развитія этихъ работъ. Ихъ братская помощь Россіи знаменательна еще тѣмъ, что они, съ первыхъ же дней своей дѣятельности, избѣгали обременять русскую казну и сами старались изыскивать средства, необходимыя для увеличенія своей арміи. Еще при образованіи въ 1914 году «Чехословацкой Дружины» была установлена для этой цѣли народная военная податъ, которую исправно вносили всѣ чехословаки, жившіе въ Россіи, не исключая и военноплѣнныхъ, поступившихъ въ «Дружину» или работавшихъ въ разныхъ военныхъ установленіяхъ. До 31-го марта 1916 года такой подати поступило 82.370 рублей, затѣмъ, съ 1-го апрѣля 1916 года до 30 апрѣля 1917 года — 188.760 рублей, а съ 1-го мая 1917 года до 31. іюня 1919 года — 1,592.740 рублей. Кромѣ того, заботами Отдѣла Чехословацкой Національной Рады былъ произведенъ между находившимися въ Россіи чехословаками особый военный заемъ, въ которомъ приняло участіе 43.168 человѣкъ, внесшихъ 7,157.245 франковъ. Имъ же была сорганизована и сберегательная касса для чехословацкаго войска въ Сибири, имѣвшая 84 отдѣленія, въ которыя поступило 47.500 вкладовъ на сумму 355,560.969 рублей. Всѣми этими финансовыми операціями вѣдалъ видный членъ Отдѣла

Національной Рады легіонеръ полковникъ Шипъ, нынѣшній главный директоръ пражскаго Легіобанка.*) Работая въ этомъ направленіи, Отдѣлъ Національной Рады заботился, однако, не только о настоящихъ нуждахъ чехословацкихъ добровольцевъ, но и объ ихъ будущемъ, что сыграло крупную роль въ дѣлѣ сплоченности арміи. Многіе русскіе военачальники нѣсколько грѣшили своими взглядами на современнаго солдата и потому на этой почвѣ нерѣдко возникали недоразумѣнія въ ихъ сношеніяхъ съ чехословацкимъ войскомъ.

Пока существовало русское правительство и стройная русская армія, чехословаки безпрекословно имъ повиновались. Но когда армія развалилась, правительствъ наплодилась цѣлая дюжина, и на сцену стали выступать вопросы гражданской междуусобицы, — участіе чехословаковъ должно было покоиться на полномъ сознаніи предпринимаемыхъ ими дѣйствій.

Когда послѣ освобожденія Сибири отъ большевиковъ тамъ создалось нѣсколько правительствъ и когда между ними начались споры, угрожавшіе свести на нѣтъ все освободительное движеніе, члены «Отдѣла Національной Рады» строго осудили эти споры и высказались за созданіе одного общаго для всѣхъ правительства. Когда же собравшіеся затѣмъ представители всѣхъ существовавшихъ въ Сибири политическихъ партій и организацій единогласно избрали наиболѣе удовлетворившую всѣхъ участниковъ «директорію», она стала функціонировать безъ малѣйшаго со стороны чехословаковъ вліянія. Видя въ ней правительство избранное и признанное всѣми мѣстными организаціями, чехословаки отнеслись къ директоріи въ высшей степени благожелательно, разъ потому, что созданіе единой власти сулило успѣхъ, а во-вторыхъ, что это новое правительство высказывало самыя благія намѣренія. Когда же скоро послѣ этого въ г. Омскѣ былъ совершенъ переворотъ, раздѣлившій мѣстное антибольшевицкое общество на два враждебныхъ лагеря, чехословаки встревожились, какъ бы отъ этой скорой перемѣны не пострадало то общее дѣло, въ которомъ

*) Šíp. Několik kapitol o hospodářství naší sibiřské armády. Polák J. Peněžnictví v ruských legiích.

и они принимали видное участіе. Эти опасенія они высказали въ особомъ постановленіи «Отдѣла Чехословацкой Національной Рады». Однако, не желая осложнять создавшагося положенія, представители чехословацкаго войска немедленно обратились къ войскамъ съ особымъ призывомъ сохранять полное спокойствіе, не вмѣшиваться въ политическія дѣла, не поддаваться никакимъ агитаціямъ и исполнять только свой долгъ. Въ такомъ же духѣ былъ напечатанъ также цѣлый рядъ статей въ мѣстныхъ чешскихъ газетахъ.

Въ раздѣлившемся послѣ переворота русскомъ обществѣ обнаружились два рѣзко противоположныхъ теченія, которыя сильно повліяли на чехословаковъ. Въ то время, когда одни, попрежнему, стремились побѣдить нѣмцевъ и ихъ союзниковъ и освободить отъ нихъ Россію и славянъ, другіе хотѣли уничтожить только большевиковъ, не пренебрегая для этого даже союзомъ съ вчерашними врагами — нѣмцами. Стоявшій особенно близко къ Омскому правительству г. Жардецкій публично проповѣдывалъ необходимость заключить *русско-японско-нѣмецкій союзъ*. Его поддерживалъ тогдашній министръ иностранныхъ дѣлъ Сукинъ, а доцентъ Устряловъ, также состоявшій при правительствѣ, печаталъ на эту тему въ мѣстной офиціальной газетѣ «Русское Дѣло» поразительныя по безтактности статьи. Въ № 16 этой газеты было напечатано слѣдующее заявленіе: «Политическіе вожди современной Германіи любятъ демонстративно поднимать бокалы за процвѣтаніе единой и великой Россіи, а генералъ фонъ-деръ-Гольцъ ставитъ спасеніе русскаго народа своей первѣйшей задачей. *Мы русскіе переходимъ поэтому къ новому фазису въ исторіи нашихъ оріентацій*». Въ томъ же «Русскомъ Дѣлѣ» напечатана была статья, въ которой приписывались русскимъ крестьянамъ слѣдующія слова: «*видно, братъ, придется опосля дружбу заключать съ нѣмцемъ, — онъ вѣдь тоже объегоренъ дюже*».

И это заявлялось, писалось и поддерживалось тогда, когда чехословаки истекали кровью, сражаясь съ нѣмецкими военноплѣнными, руководимыми изъ Берлина.

«Отдѣлу Чехословацкой Національной Рады» стоило много труда сдерживать справедливыя нареканія солдатъ, заявляв-

шихъ: «все, что мы добыли, группа германскихъ приверженцевъ уничтожитъ».

Стало вырисовываться яснѣе, что чехословаки не подходили для новой оріентаціи о русско-японско-нѣмецкомъ союзѣ.

Скоро обнаружилось также, что вліяніе этихъ лицъ на верховнаго правителя было очень сильно, что они стѣсняютъ его дѣятельность и что вмѣшательство ихъ въ дѣла управленія грозитъ крахомъ всего освободительнаго дѣла.

Охранявшій верховнаго правителя начальникъ англійскаго экспедиціоннаго отряда полковникъ Джонъ Уордъ передаетъ въ своихъ «воспоминаніяхъ», что *«положеніе «диктатора» было въ высшей степени неопредѣленно. Онъ издавалъ приказы, но если начальники армій могли уклониться отъ ихъ выполненія, они дѣлали это подъ тѣмъ или инымъ предлогомъ. Мы знали, утверждаетъ онъ, о существованіи элементовъ, которые продолжали контръ-революціонную работу, дѣйствуя часто съ вѣдома и при содѣйствіи чиновниковъ колчаковской администраціи».**)

Постепенно создавалось убѣжденіе, что диктатура не спасетъ страны, а только временно укрѣпитъ власть одной группы лицъ. Этого чехословаки особенно боялись, такъ какъ это предвѣщало новую грозу.

Предвѣщалъ эту грозу и цѣлый рядъ другихъ прискорбныхъ событій. Генералъ Сахаровъ въ «Бѣлой Сибири» говоритъ о томъ, какъ на фронтѣ русскіе солдаты стояли голыми, босыми и голодными, а г. П. Финкъ въ своей книгѣ «Бѣлый Адмиралъ» очень образно описываетъ жизнь въ г. Омскѣ: пиршества въ салонѣ г-жи Гришиной Алмазовой, спекуляціи министра Зефирова, аферы капитана Арефьева, провокаціи полицейскихъ чиновниковъ Каменева и Мищука и много, много разныхъ другихъ, никѣмъ не опровергнутыхъ кошмарныхъ сценъ и событій. Дошло до того, что даже близкій адмиралу Колчаку генералъ Ивановъ-Рыновъ во второй половинѣ 1919 года слѣдующимъ образомъ охарактеризовалъ предъ представителемъ чешской газеты «Narodni Listy» г. В. Червинка общее положеніе: «Сель-

*) Джонъ Уордъ. Союзная интервенція въ Сибири 1918—1919.

ское население не поддерживаетъ адмирала Колчака; сотни русскихъ офицеровъ прячутся въ разныхъ никому ненужныхъ штабахъ, верховный правитель долженъ уйти и передать власть пользующейся народнымъ довѣріемъ коллегіи, всѣхъ министровъ слѣдуетъ отдать подъ судъ, необходимо освободить общество отъ грубости и деморализаціи разныхъ контръ-развѣдокъ, нужно уничтожить много новыхъ полковъ, созданныхъ только для скрытія офицерства въ ихъ штабахъ и т. д., и т. д.»*)

Къ дискредитированію власти адмирала Колчака и къ сверженію его правительства стремились не чехословаки, какъ утверждаетъ генералъ Сахаровъ, а нѣкоторыя окружавшія его лица — его злѣйшіе враги. Для нихъ адмиралъ Колчакъ былъ игрушкой: ему льстили, величали Иваномъ Грознымъ, спасителемъ Россіи, даже царемъ и въ то же время толкали его въ пропасть. Нѣкоторые члены «Отдѣла Чехословацкой Національной Рады» пытались освободить адмирала отъ вреднаго вліянія этихъ лицъ и установить между чехословаками и нимъ добрыя отношенія; но этому всегда мѣшали. Такія попытки имѣли мѣсто до послѣдняго момента, т. е. до первыхъ чиселъ ноября 1919 года. Но когда между членами правительства очутились нѣкоторые уже не партійные, а просто неуравновѣшенные и легкомысленные типы, когда они своими дѣйствіями стали возстанавливать противъ верховнаго правителя всѣ слои населенія, когда крестьянское населеніе подняло по всей Сибири мятежъ, когда цѣлый рядъ кошмарныхъ убійствъ былъ поставленъ въ порядокъ дня, и когда призракъ смерти уже леталъ надъ омской «диктатурой», уполномоченные правительства Чехословацкой Республики, не имѣя возможности иначе реагировать на всѣ эти ужасы, обратились за совѣтомъ и помощью къ представителямъ союзныхъ державъ. Опубликованный ими меморандумъ былъ вызванъ не, какъ старается представить генералъ Сахаровъ, «*недружелюбнымъ чувствомъ ко всѣмъ русскимъ, къ самой Россіи*», а исключительно только чувствомъ негодованія къ разнаго рода гробокопателямъ Россіи, къ присосавшимся къ власти разнаго

*) Červinka V., Naši na Sibiři. Praha.

рода аферистамъ, спекулянтамъ и т. п. Самъ адмиралъ Колчакъ, какъ сообщаетъ его бывшій министръ г. Гинсъ въ книгѣ «Сибирь, союзники и Колчакъ», не постѣснялся сказать о нѣкоторыхъ окружавшихъ его лицахъ: «кругомъ или злодѣи, или трусы, или дураки».

Такой же правдой дышетъ утвержденіе генерала Сахарова о враждебномъ отношеніи «Отдѣла Чехословацкой Національной Рады» къ русскому офицерству. Съ всеобщимъ осужденіемъ встрѣчались только тѣ лица, которые прятались въ разныхъ, никому ненужныхъ штабахъ и не хотѣли помочь своимъ товарищамъ на фронтѣ. Самъ генералъ Сахаровъ констатируетъ въ своей «Бѣлой Сибири» (стр. 82—83), что, напримѣръ, въ г. Томскѣ числилось свыше ста отдѣльныхъ частей, изъ коихъ не болѣе десяти были годны для фронта. Существовалъ, какъ онъ утверждаетъ, «химическій батальонъ», имѣвшій 40 офицеровъ и 10 солдатъ. Были части, абсолютно не имѣвшія никакого значенія, но наполненныя офицерами. Всѣ министерства были такъ полны служилымъ народомъ, что изъ нихъ можно было бы сформировать новую армію. Штабъ иркутскаго округа имѣлъ 130 офицеровъ, омскій — болѣе 170 (стр. 56, 58 и д.). Такими лицами дѣйствительно возмущались не только чехословаки, но рѣшительно всѣ. Къ офицерамъ же, которые были на фронтѣ и самоотверженно отдавали свою жизнь за спасеніе Родины, чехословаки всегда относились съ глубочайшимъ уваженіемъ и любовью. Ихъ каждый чехъ глубоко чтилъ, и не было ни единаго случая проявленія какого либо неуваженія или недоброжелательства къ этимъ истиннымъ героямъ. Достаточно указать на то, какъ отнеслись чехословаки къ геройской смерти полковника Ушакова, какъ они его хоронили и какъ старались увѣковѣчить его память. Но для генерала Сахарова факты не нужны, разъ онъ говоритъ — это должно быть правдой.

Въ своихъ обвиненіяхъ онъ дошелъ даже до того, что обвинилъ «Отдѣлъ Чехословацкой Національной Рады» въ стремленіи низвергнуть самаго адмирала Колчака. Это, что называется, «свалить съ больной головы на здоровую». Многія окружавшія адмирала лица рыли ему яму и напрягали всѣ усилія къ тому, чтобы этотъ процессъ послѣдовалъ какъ можно скорѣе. Цѣлый рядъ

фактовъ, засвидѣтельствованныхъ сотнями лицъ, бросаетъ яркій свѣтъ на тѣхъ злыхъ геніевъ, которые своими поступками нанесли смертельный ударъ всему освободительному дѣлу въ Сибири, возбудили населеніе противъ правительства и съ изумительной легкомысленностью погубили самого Колчака. Когда положеніе Омска стало критическимъ, первыми бросили верховнаго правителя его министры. Они, запасшись заграничными визами, прибыли въ г. Иркутскъ и тамъ самымъ неподобающимъ образомъ отказались отъ него. На совѣщаніи съ высокими комиссарами и представителями союзныхъ державъ они бились въ грудь и заявляли, что политика, которую вело Омское правительство, *была никуда негодной*, что они желаютъ, чтобы верховный правитель Колчакъ отказался отъ власти и что необходимо, чтобы онъ сдѣлалъ это добровольно, безъ насильственнаго принужденія. То же самое они повторили и передъ членами, такъ называемаго правительства «Политическаго Центра».

Когда адмиралъ прибылъ въ Иркутскъ, тамъ не было уже ни одного его министра.

Въ дни самаго высокаго напряженія, когда каждый малѣйшій неосторожный шагъ грозилъ неминуемою опасностью адмиралу Колчаку, атаманъ Семеновъ приказалъ звѣрски убить 31 заложника изъ числа видныхъ иркутскихъ общественныхъ дѣятелей. Результатомъ этого былъ арестъ адмирала.

Между немногими старавшимися успокоить тогда разгоряченные умы, были — чехословаки. Они же старались предовращать и все то, что такъ или иначе могло ухудшить положеніе иркутскаго узника. При наступленіи остатковъ колчаковской арміи на г. Иркутскъ видный чехословацкій дѣятель г. Благошъ пытался уговорить ихъ военачальниковъ быть осторожными въ своемъ движеніи, чтобы этимъ не повредить адмиралу Колчаку. Голосу его не только не вняли, но еще обвинили въ большевизмѣ.

Въ Сибири въ то время скрестились разныя вліянія. Многіе не только потеряли равновѣсіе, но и разсудокъ. Въ морѣ вражды, мести и убійствъ всякіе благородные порывы встрѣчались съ недовѣріемъ и злобой. Всѣ обвиняли и подозрѣвали другъ друга. Генералъ Сахаровъ и его единомышленники обви-

няютъ чехословаковъ въ томъ, что они всесильно поддерживали соціалистовъ, а извѣстный лидеръ этихъ самыхъ соціалистовъ г. Е. Колосовъ въ своей книгѣ «Сибирь при Колчакѣ» упрекаетъ чехословаковъ въ томъ, что «они попали въ орбиту международной дипломатіи и рѣшительно отказывались отъ сибирской демократіи.» Въ другомъ мѣстѣ тотъ же генералъ Сахаровъ также неосторожно бросаетъ по адресу чехословаковъ обвиненіе въ ихъ близости и дружбѣ съ большевиками, въ доказательство чего ссылается на участіе д-ра Благоша въ переговорахъ на станціи Зима, а совѣтскія власти въ изданной ими книгѣ «Борьба за Уралъ и Сибирь» на стр. 298 сообщаютъ буквально слѣдующее: *«Въ то время, когда со ст. Зима остатки колчаковской арміи двинулись къ Иркутску, чехамъ предложено было ревкомомъ въ суточный срокъ вывести изъ города всѣ свои части и двѣ стоявшія въ городѣ броневыя машины. Возмущеніе чехословаками было такъ велико, что съ большимъ трудомъ удалось удержать наши части отъ немедленнаго нападенія на нихъ. Заставивъ ихъ очистить городъ, мы вывели въ свою очередь всѣ свои отряды изъ Глазговскаго предмѣстья, гдѣ проходитъ желѣзная дорога, и готовились къ бою и съ наступавшими и съ чехами»*.

Генералъ Сахаровъ громко заявляетъ о своей правдивости и безпристрастіи, а между тѣмъ то, что онъ пишетъ свидѣтельствуетъ о противномъ.

5.

Послѣ отхода чехословацкихъ войскъ съ фронта, на нихъ, по просьбѣ Омскаго правительства, была возложена охрана желѣзныхъ дорогъ и охрана тыла. Охрана дорогъ понималась широко и поэтому къ обязанностямъ охранявшихъ относились также заботы о содержаніи въ исправности путей, объ ихъ провозоспособности, правильности движенія и т. д. Дороги находились тогда въ очень плачевномъ состояніи. Служащіе по цѣлымъ мѣсяцамъ не получали жалованья, часто бастовали, финансовая часть была совершенно разстроена, желѣзнодорожныхъ матеріаловъ не было, рабочіе, не будучи въ состояніи

прокормиться на магистрали, уходили въ ближайшія деревни, желѣзнодорожное полотно во многихъ мѣстахъ было совершенно испорчено, большая часть локомотивовъ и вагоновъ требовала серьезнаго ремонта, не хватало угля, каждый день угрожалъ новыми осложненіями, не исключая возможности полной пріостановки движенія. А между тѣмъ магистраль являлась главной артеріей всей мѣстной жизни и малѣйшая ея неправильность отражалась на всемъ. Въ мирное время сибирская дорога, имѣя только одинъ путь, могла кое какъ выполнять свое назначеніе, но она была совершенно недостаточна для удовлетворенія нуждъ военнаго времени. При эвакуаціи, напримѣръ, участка «Самара — Абдулино» необходимо было въ теченіе трехъ дней отправить 280 поѣздовъ. Нерѣдко образовывались заторы, для разгрузки которыхъ приходилось мобилизовать крупныя силы. Эти недостатки особенно сильно проявлялись еще въ русско-японскую войну, вызвавъ уже тогда неисчислимыя бѣдствія. Работа чехословаковъ была тяжелая. Она осложнялась еще постоянными нападеніями на магистраль повстанцевъ, которые портили полотно, сжигали мосты, громили станціи и мастерскія, срѣзывали телеграфные столбы, засыпали колодцы и т. п. Въ то время, когда одни чехословацкіе отряды преслѣдовали повстанцевъ, другіе должны были сторожить станціонныя зданія, третьи починяли линію и телеграфъ, а четвертые работали въ мастерскихъ. Пока держался фронтъ, съ желѣзной дорогой кое какъ справлялись, но когда началось паническое бѣгство съ фронта и одновременно съ тѣмъ былъ отданъ приказъ объ эвакуаціи г. Омска, — на магистрали произошла невѣроятная сумятица. Тысячныя толпы безпорядочно отступавшихъ войскъ, а за ними и безчисленныя вереницы бѣженцевъ: мужчинъ, женщинъ и дѣтей, бросились къ желѣзной дорогѣ, останавливали поѣзда, захватывали вагоны и въ паническомъ страхѣ стремились поскорѣе уѣхать на Востокъ. Фронта уже не было. Войска 1-ой и 2-ой армій двигались по магистрали, а 3-ей южнѣе — тайгой. Движенію красныхъ ничто уже не препятствовало. Удержать порядокъ было невозможно. Какъ разъ въ это время генералъ Ноксъ распорядился выслать на фронтъ рядъ поѣздовъ съ боевымъ снаряженіемъ и одеждой для арміи.

Когда эти поѣзда стали прибывать въ зону эвакуаціи, произошло замѣшательство, еще болѣе затормозившее движеніе. Одновременно съ тѣмъ 11 ноября 1919 года изъ города Омска былъ разосланъ по всей линіи приказъ немедленно пріостановить всякое дальнѣшее движеніе впредь до проѣзда литерныхъ поѣздовъ верховнаго правителя, направлявшихся изъ Омска на Востокъ. Чехословаки указывали на невозможность выполнить этотъ приказъ, угрожавшій окончательно разстроить все движеніе, но ихъ никто не слушалъ. Эвакуаціонная часть находилась цѣликомъ въ рукахъ министра путей сообщенія. Она работала безъ всякой системы. Самъ адмиралъ Колчакъ просилъ генерала Артемьева передать совѣту министровъ, что движеніе по желѣзной дорогѣ тормозится изъ-за преступной бездѣятельности министерства путей сообщенія. Прямымъ послѣдствіемъ этого всего было то, что на магистрали скопилось множество вагоновъ, которые нельзя было двинуть ни назадъ, ни впередъ. Локомотивы позамерзали, или испортились. Люди умирали отъ холода, голода и тифа. Число мертвецовъ въ вагонахъ ежедневно росло. Около вагоновъ образовались цѣлыя горы труповъ. Всѣ эти событія происходили при 40 градусномъ морозѣ, по линіи, гдѣ станція отъ станціи находилась на огромномъ разстояніи, на которомъ нельзя было встрѣтить даже признака какого либо жилища. Если къ этому прибавить наличіе одного пути, недостаточность запасныхъ путей, совершенное отсутствіе топлива и продовольствія, то получится впечатлѣніе той картины, какую представлялъ тогда этотъ злополучный участокъ. Нерѣдко поѣзда простаивали цѣлыми сутками среди безлюдной сибирской степи, занесенной снѣгомъ, безъ воды и топлива, съ замерзшими или испорченными локомотивами. Когда потомъ открывали двери вагоновъ-теплушекъ, изъ нихъ вываливались цѣлыя груды труповъ замерзшихъ людей. Между ст. Чулымъ и Новониколаевскъ замерзло 200 поѣздовъ. По этому пути, однако, проѣхали благополучно всѣ литерные поѣзда адмирала Колчака, а также поѣздъ главнокомандующаго арміей генерала Сахарова, котораго нѣкоторыя лица обвиняли въ томъ, что онъ оголилъ фронтъ, и далъ возможность большевикамъ насту-

пать безпрепятственно. Будь хоть какой нибудь фронтъ, — говорили многіе, — подъ его прикрытіемъ эвакуація прошла бы совершенно иначе. На это, однако, генералъ Сахаровъ не обращалъ никакого вниманія. Онъ всю вину за сотни погибшихъ свалилъ на чехословаковъ. Въ той же книгѣ «Бѣлая Сибирь», генералъ Сахаровъ даетъ просторъ своимъ обвиненіямъ, излагая ихъ слѣдующимъ образомъ: «Чехословацкіе полки, пуская въ ходъ оружіе, продолжали отнимать всѣ паровозы, задерживали всѣ поѣзда; въ своемъ стремленіи удрать къ Тихому Океану они оставляли на страшныя муки и смерть тысячи русскихъ раненыхъ и больныхъ, женщинъ и дѣтей. Отъ образовавшейся желѣзнодорожной пробки положеніе становилось трагическимъ: тысячи страдальцевъ русскихъ, обреченныхъ на смерть, — а съ другой стороны десятки тысячъ здоровыхъ откормленныхъ чеховъ, стремящихся цѣною жизни русскихъ спасти свою шкуру. Остановить взбунтовавшіяся бѣшенныя массы можно было только силой японскихъ и англійскихъ штыковъ, да рѣзкими крайними мѣрами; возможность этого была въ рукахъ генераловъ Нокса и Жанена, но они не захотѣли помочь намъ это сдѣлать. Благодаря самоуправству чеховъ, весь западный участокъ желѣзной дороги сразу же былъ поставленъ въ безвыходное положеніе. Главными, если не единственными виновниками всего этого непередаваемаго словами ужаса были чехи. Невольно возникаетъ мысль о томъ, что многое здѣсь не являлось одною лишь случайностью, а было преднамѣреннымъ преступленіемъ».

Самъ генералъ Сахаровъ въ другомъ мѣстѣ своей книги говоритъ, что «эвакуація была затруднена до невозможности, такъ какъ до самаго послѣдняго времени не было предпринято никакихъ шаговъ для вывоза огромнѣйшихъ военныхъ складовъ изъ Омска — наоборотъ, до конца октября прибывали все новые транспорты съ различными снабженіями. Надо было собирать и эвакуировать огромныя министерства, спасать раненыхъ, больныхъ и семьи военныхъ». А бывшій министръ правительства адмирала Колчака г. Гинсъ въ своей книгѣ «Сибирь, союзники и Колчакъ» дополняетъ это еще слѣдующими данными: «Сахаровъ, будучи назначенъ главнокомандующимъ, отмѣнилъ

всѣ распоряженія Дитерихса объ эвакуаціи. Поѣзда, слѣдовавшіе изъ Омска, были задержаны. Нѣкоторымъ частямъ приказано было «выйти изъ Новониколаевска въ Омскъ, а выѣхавшимъ оттуда чинамъ военнаго министерства — вернуться. Все перевернулось вверхъ дномъ. Распоряженія Сахарова внесли только лишній сумбуръ. Чтобы оправдать себя, онъ обвинялъ во всемъ Дитерихса».

Въ дѣйствительности, главная причина разразившихся на указанномъ желѣзнодорожномъ участкѣ событій заключалась въ ликвидаціи фронта. Когда главнокомандующій выѣхалъ на востокъ и когда армія превратилась въ безпорядочныя толпы вооруженныхъ людей, о какой либо правильной эвакуаціи не могло быть и рѣчи. Она осложнилась еще безсистемными распоряженіями омской эвакуаціонной комиссіи, руководствовавшейся лишь желаніемъ дать возможность проскочить впередъ нѣкоторымъ отдѣльнымъ лицамъ. Если чехословаки были всесильны, какъ это хочетъ представить генералъ Сахаровъ, то онъ долженъ признать и ихъ особенную симпатію къ нему и цѣлому ряду омскихъ тузовъ, получившихъ возможность благополучно проѣхать; если же этого не было, то возникаетъ вопросъ, чехи-ли виноваты во всѣхъ тѣхъ ужасахъ, которые происходили на линіи?

Кто распоряжался тогда на желѣзной дорогѣ и что на ней творилось, могли бы объяснить многіе факты. Самъ генералъ Сахаровъ заявляетъ, что *всей эвакуаціей руководилъ министръ путей сообщенія Уструговъ и что съ нимъ, съ генераломъ Сахаровымъ, двигалась армія сильная духомъ и немалая числомъ, имѣлось оружіе и остатки накопленнаго вѣками государственнаго достоянія, значительный золотой запасъ. Эта армія, по его словамъ, накопила опять въ себѣ силы для новаго перехода въ наступленіе; для новаго расчитаннаго прыжка тигра, на этотъ разъ уже окончательно побѣднаго».* Если это такъ, какъ утверждаетъ генералъ Сахаровъ, то почему онъ, главнокомандующій этой арміей, собиравшійся уничтожить большевиковъ, не постарался прикрыть эвакуацію, или не прекратилъ происходившихъ на линіи безпорядковъ? Тотъ же Гинсъ на стр. 411

своей книги заявляетъ, что уведенная съ фронта армія фактически состояла только изъ штабовъ, обозовъ и небольшихъ потрепанныхъ отрядовъ».

Арміи, къ сожалѣнію, былъ нанесенъ окончательный ударъ. Главные начальники ея поспѣшно мчались на Востокъ. На самомъ опасномъ участкѣ желѣзнодорожной линіи происходили постоянные споры между отдѣльными военачальниками изъ за порядка слѣдованія поѣздовъ. Полковникъ Ивакинъ окружилъ на станціи Тайга поѣздъ генерала Войцеховскаго и готовился его арестовать; спустя нѣсколько дней арестовали и отрѣшили отъ командованія и самого генерала Сахарова. Хотѣли арестовать также верховнаго правителя, но присутствіе чехословаковъ помѣшало этому. Когда безпорядки на линіи стали угрожать всѣмъ, генералъ Сыровой, по соглашенію съ генераломъ Жаненомъ, для того, чтобы дать возможность очистить путь, сдѣлалъ распоряженіе о пропускѣ въ первую очередь тѣхъ чехословацкихъ эшелоновъ, которые стояли впереди на злополучномъ участкѣ. Къ сожалѣнію, это распоряженіе явилось уже слишкомъ поздно и чехословаки, надѣявшіеся своимъ распоряженіемъ облегчить эвакуацію, прекратить безобразія и помочь не только себѣ, но и другимъ — не могли уже ничего сдѣлать. Когда, послѣ усиленныхъ ходатайствъ представителя Чехословацкой республики д-ра Гирсы, изъ Владивостока прислали локомотивы, они не могли уже проникнуть въ гущу застрявшихъ вагоновъ и тоже замерзли. Это вызвало въ свою очередь новыя нареканія со стороны лицъ, не знавшихъ объ этихъ естественныхъ препятствіяхъ.

Генералъ Сахаровъ говоритъ, что «десятки тысячъ» здоровыхъ, откормленныхъ чеховъ стремились цѣною жизни русскихъ спасти свою шкуру и удрать къ Тихому океану. Всѣхъ чехословаковъ въ Сибири числилось 54 тысячи, изъ коихъ къ этому времени отплыло уже въ Европу нѣсколько тысячъ, остальные были расположены по всей линіи отъ Владивостока до Омска; на участкѣ же Омскъ — Новониколаевскъ могло ихъ быть не болѣе десяти тысячъ, а на участкѣ Омскъ — Тайга еще меньше. Это очень далеко отъ сахаровскаго опредѣленія «де-

сятки тысячъ». Чехословаки закончили свою эвакуацію только черезъ нѣсколько мѣсяцевъ и это также свидѣтельствуетъ о томъ, что они совершенно спокойно эвакуировались и во всякомъ случаѣ значительно медленнѣе, чѣмъ нѣкоторыя другія лица.

Генералъ Сахаровъ и его друзья обвиняютъ чехословаковъ въ разнаго рода спекуляціяхъ вагонами. Эти обвиненія, однако, слѣдовало имъ направить по другому адресу. Вся Сибирь говорила и возмущалась тѣми аферами, которыя имѣли мѣсто въ г. Омскѣ. Попавшій въ «министры» нѣкій Зефировъ и его помощникъ омскій торговецъ Витновъ провозили цѣлые вагоны разныхъ спекулятивныхъ товаровъ. Они же были замѣшаны и въ дѣлѣ Военно-Промышленнаго Комитета, склады котораго оказались расхищенными. Не менѣе нашумѣли: афера какого-то Касаткина и Ко, обвинявшихся въ выдачѣ незаконныхъ нарядовъ на вагоны для отправки на Востокъ спекулятивныхъ товаровъ; афера предсѣдателя золотопромышленниковъ Полузаводова и инженера Павловскаго, провозившихъ на Востокъ огромные запасы платины; дѣло Арефьева, привозившаго въ г. Омскъ, подъ видомъ военныхъ поставокъ, предметы роскоши и т. д., и т. д., безъ числа и мѣры. О всѣхъ этихъ случаяхъ, а равно и о многочисленныхъ другихъ, подробно сообщается въ изданной въ Прагѣ книгѣ П. Финка «Bílý admirál.»

Такой же правдой дышатъ обвиненія генерала Сахарова въ томъ, что чехословаки заставляли русскихъ генераловъ чистить лошадей, выносить помои, таскать дрова... Жаль, что генералъ Сахаровъ не указалъ ни единаго случая, когда, кому и кто чистилъ лошадей и когда, кто и при какихъ условіяхъ выносилъ помои и рубилъ дрова. Каждый чехъ, начиная съ перваго и до послѣдняго дня своего пребыванія въ Россіи, относился къ русскому офицерству съ такимъ же уваженіемъ и предусмотрительностью, какъ и къ своему. Русскіе офицеры всегда встрѣчали со стороны чехословаковъ самыя сердечныя, братскія отношенія и никогда никто не рѣшался бы обвинить ихъ въ такихъ дикихъ поступкахъ, какіе хочетъ приписать имъ

генералъ Сахаровъ. Подобнаго рода пріемы свойственны не чехословакамъ, а скорѣе тѣмъ, которые совѣтовали адмиралу Колчаку то «предоставить всю Сибирь большевикамъ, чтобы всѣ союзники съ ихъ войсками, бывшими военно-плѣнными, испробовали прелести большевизма», то «сойтись съ нѣмцами и загнать чехословаковъ въ концентраціонные лагери».

6

Самымъ тяжелымъ моментомъ описываемаго періода является арестъ и убійство верховнаго правителя адмирала Колчака. Въ предыдущей главѣ указаны тѣ причины, которыя привели омское правительство къ полному краху. Начиная съ первыхъ чиселъ ноября 1919 года Омскъ постепенно пустѣлъ: сначала выѣхали всѣ иностранные представители, за ними потянулись въ Иркутскъ члены правительства, и наконецъ, 13-го ноября, покинулъ свою столицу и самъ верховный правитель. Онъ и его приближенные выѣхали въ пяти литерныхъ поѣздахъ, въ которыхъ помѣщался также весь золотой запасъ. Путешествіе адмирала отъ Омска до Иркутска продолжалось два мѣсяца и было полно тревожныхъ событій. То что творилось тогда на сибирской магистрали, не поддается описанію. Несмѣтныя толпы солдатъ и бѣженцевъ двигались въ паническомъ страхѣ на востокъ, во всѣхъ городахъ и селеніяхъ свирѣпствовали возставшія массы, съ запада неудержимо надвигались большевики... Въ великомъ страхѣ обнаружилось инстинктивное движеніе массъ, почуявшихъ себя на краю пропасти.

Сопровождавшіе адмирала Колчака его совѣтники, видя печальные результаты своего вліянія, старались свалить вину за всю катастрофу на другихъ. Они привели адмирала до полнаго отчаянія и тѣмъ еще больше ухудшили общее положеніе. Съ одной стороны сводились счеты съ разными неугодными лицами, а съ другой ясно просвѣчивалъ уже полный развалъ всякой власти. На станціи Новониколаевскъ адмирала уговорили выступить

противъ чехословаковъ. Имъ угрожали жестокой расправой и взрывомъ одного изъ тоннелей кругобайкальской желѣзной дороги для воспрепятствованія ихъ отъѣзду на востокъ. Тамъ же подсказали адмиралу и неумѣстную жестокость къ своему бывшему другу генералу Гайдѣ, котораго онъ приказалъ судить военно-полевымъ судомъ, повысивъ наказаніе до разстрѣла. Предлагались и разныя другія крайнія мѣры, вродѣ примѣненія массоваго террора и т. п. А на ряду съ тѣмъ, среди самыхъ правительственныхъ лицъ происходилъ уже полный разладъ: предсѣдатель совѣта министровъ Пепеляевъ арестовалъ на станціи Тайга главнокомандующаго арміей генерала Сахарова, обвиняя его въ развалѣ фронта; генералъ Дитерихсъ на сдѣланное ему предложеніе занять постъ главнокомандующаго отвѣтилъ, что онъ согласенъ, но при условіи немедленнаго отъѣзда адмирала Колчака за-границу; командующій первымъ сибирскимъ корпусомъ генералъ Зиневичъ поднялъ въ Красноярскѣ возстаніе и вмѣстѣ съ возставшими войсками потребовалъ отъ верховнаго правителя отказаться отъ власти, и т. д., и т. д. Заключительнымъ актомъ всѣхъ этихъ событій было отреченіе верховнаго правителя отъ власти и передача ей атаману Семенову. Это произошло 4-го января 1920 года на станціи Нижнеудинскъ. Этимъ рѣшеніемъ положенъ конецъ всему освободительному дѣлу Сибири. Министры и приближенные сразу разбѣжались. Адмиралъ, покинутый всѣми, долженъ былъ просить союзниковъ принять его подъ свою охрану. Послѣдняя была возложена на мѣстный междусоюзный караулъ, въ составъ котораго входили, кромѣ чехословаковъ, также русскіе и югославяне. Ликвидація неудержимо подвигалась. Въ изданной въ Москвѣ книгѣ «Борьба за Уралъ и Сибирь» говорится, что «паденіе Колчака было неизбѣжнымъ. Недовольство имъ было всеобщимъ. Правительство было покинуто всѣми. Даже земцы отказались разговаривать съ нимъ. Армія, за исключеніемъ немногихъ фронтовыхъ частей, была также настроена враждебно къ Колчаку.»*)

Бывшій губернаторъ города Иркутска Яковлевъ, тотъ самый, который еще недавно встрѣчалъ членовъ омскаго пра-

---

*) Борьба за Уралъ и Сибирь. Гос. Изд. Москва, 1926 г.

вительства восторженной рѣчью на Иркутскомъ вокзалѣ и о которомъ генералъ Сахаровъ въ своей книгѣ говоритъ, что онъ развращалъ народъ и молодыя войска и умышленно тормозилъ дѣло снабженія, очутился между самыми ярыми противниками адмирала. За нимъ пошли и другіе. Бывшіе министры Колчака, при переговорахъ съ «союзниками» и представителями «политическаго центра», торжественно отказались отъ своего верховнаго правителя, назвали его политику *никуда негодной* и заявили, что адмиралъ долженъ отказаться отъ власти, если не хочетъ, чтобы его къ этому принудили. Въ концѣ концовъ и они бросили свои посты и удрали заграницу, запасшись предварительно необходимыми для этого визами. Одновременно съ тѣмъ испарились и войска, защищавшія своего верховнаго вождя и его правительство. На горизонтѣ появилось уже новое правительство «Политическій центръ». Въ странѣ происходили возстанія, въ ихъ программахъ трудно было оріентироваться, но для всѣхъ козломъ отпущенія былъ адмиралъ Колчакъ. Когда сдѣлалось извѣстнымъ о совершенномъ, по приказу атамана Семенова, звѣрскомъ убійствѣ 31 заложника и когда, одновременно съ тѣмъ, Колчакъ отказался отъ власти въ пользу того же атамана Семенова, взрывъ негодованія охватилъ широкіе общественные круги. Только тогда раздались опредѣленныя требованія объ арестѣ адмирала и объ отдачѣ его подъ судъ.

Генералъ Жаненъ имѣлъ инструкціи изъ Парижа охранять верховнаго правителя. Онъ все время старался спасти его, но послѣ убійства заложниковъ, объ освобожденіи которыхъ союзные представители просили, и послѣдовавшей затѣмъ передачи власти атаману Семенову, дальнѣйшая охрана стала невозможной. Напряженіе народнаго недовольства приняло крупные размѣры. Нужно было подумать о наиболѣе пріемлемомъ выходѣ изъ тяжелаго положенія. Отсутствіе членовъ колчаковскаго правительства и его войскъ сильно затрудняло положеніе союзниковъ. Горе заключалось въ томъ, что въ данномъ случаѣ шла рѣчь не лично о Колчакѣ, а о преступленіяхъ тѣхъ, которые убѣжали, оставивъ своего верховнаго правителя расплачиваться за всѣхъ.

Получивъ отъ правительства «Политическаго центра» увѣренія, въ томъ, что адмиралъ Колчакъ будетъ задержанъ лишь до умиротворенія взволнованныхъ массъ, а потомъ его или отправятъ заграницу, или будутъ судить гласнымъ судомъ, представители союзныхъ державъ, въ томъ числѣ и японцы, согласились на выдачу адмирала на указанныхъ выше условіяхъ.

Когда 15-го января поѣздъ адмирала Колчака прибылъ на станцію Иркутскъ, находившіяся тамъ американскія и японскія части немедленно ушли. Къ чехословацкому караулу приблизились представители «Политическаго центра» и иркутскихъ революціонныхъ войскъ и, ссылаясь на распоряженіе главнокомандующаго всѣми союзными войсками генерала Жанена, потребовали выдачи имъ адмирала Колчака. Наступилъ тяжелый моментъ. Чехословаки должны были уступить. Адмиралъ перешелъ въ вѣдѣніе правительства «Политическаго центра». Одновременно съ нимъ были задержаны: его министръ-предсѣдатель Пепеляевъ, сопровождавшая адмирала г-жа Тимирова и нѣсколько другихъ лицъ. Ночью ихъ препроводили въ городъ. Это происходило въ дни наиболѣе сильнаго напряженія борьбы мѣстныхъ партій. Скоро, однако, правительство «Политическаго центра» пало и вся власть перешла въ руки «совѣтскаго революціоннаго комитета».

До 1-го февраля въ положеніи адмирала никакихъ рѣзкихъ перемѣнъ не произошло. Большевики не рѣшались трогать его, опасаясь осложненія съ чехословаками, тѣмъ болѣе что нѣкоторые ихъ представители, какъ при прежнемъ правительствѣ, такъ и при совѣтскомъ, интересовались судьбою Колчака и пытались облегчить его положеніе. Такъ, напримѣръ, при правительствѣ «Политическаго центра» членъ его г. Косминскій дважды увѣрялъ чехословацкихъ представителей въ полной безопасности адмирала. Такія же увѣренія были даны и «совѣтскимъ революціоннымъ комитетомъ». Такъ продолжалось до тѣхъ поръ, пока не получилось извѣстіе, что лучшія части колчаковскихъ войскъ снова собрались въ значительномъ количествѣ у станціи Зима и намѣреваются двинуться на Иркутскъ. Это извѣстіе произвело огромное смятеніе. Революціонный

комитетъ встревожился. Адмиралу Колчаку стала угрожать серьезная опасность. Большевики заявили, что, въ случаѣ наступленія на г. Иркутскъ, они немедленно разстрѣляютъ адмирала. Чтобы предупредить угрожавшую опасность, нѣкоторые чехословаки вызвались быть посредниками. Большевики согласились. Къ наступавшимъ войскамъ отправились членъ отдѣла чехословацкой «Національной Рады» г. Благошъ и американскій инженеръ г. Стивенсъ. Они, однако, не добились никакихъ положительныхъ результатовъ. Тогда иркутскій революціонный комитетъ самъ попытался воздѣйствовать на наступавшихъ солдатъ, для чего приказалъ разбрасывать съ аэроплана спеціальныя воззванія. Но и это не помогло. Уже 5-го февраля у станціи Зима начались бои. Головной отрядъ наступавшихъ войскъ опрокинулъ выставленный большевицкій заслонъ и пробился на Иркутскій трактъ. Подъ вліяніемъ начавшихся боевыхъ дѣйствій, слѣдственная комиссія представила Ревкому списокъ 18 человѣкъ, которые, по ея мнѣнію, подлежали немедленному разстрѣлу. Въ числѣ ихъ былъ Колчакъ и Пепеляевъ. Ревкомъ, однако, боясь чехословаковъ, выдѣлилъ изъ списка Колчака и Пепеляева и далъ распоряженіе предсѣдателю слѣдственной комиссіи Чудновскому держать наготовѣ спеціальный отрядъ, который, въ случаѣ боя на улицахъ города Иркутска, долженъ былъ взять Колчака и Пепеляева изъ тюрьмы и увезти ихъ въ болѣе безопасное мѣсто.*)

«Первыя свѣдѣнія о бояхъ у станціи Зима, говорится въ изданной въ Москвѣ книгѣ «Борьба за Уралъ и Сибирь», были самыя благопріятныя. Бой развертывался съ успѣхомъ для насъ. Затѣмъ свѣдѣнія прекратились, а на слѣдующій день узнали о полномъ разгромѣ нашей группы. Узнали горькую правду: въ самый разгаръ боя, чехи напали на лѣвое крыло расположенія группы, смяли его и рѣшили ея участь. Разгромъ былъ полный, группа разсѣяна безъ остатка. Возмущеніе въ городѣ Иркутскѣ было такъ велико, что съ большимъ трудомъ удалось удержать наши части отъ немедленнаго нападенія на чеховъ.»

---

*) Борьба за Уралъ и Сибирь. Гос. Изд. Москва, 1926 г.

Наступавшія войска между тѣмъ неудержимо двигались на Иркутскъ. Больше другихъ рвался впередъ генералъ Сахаровъ, стоявшій во главѣ одного изъ отрядовъ.

Приближеніе войскъ увеличило панику. На улицахъ *Иркутска* стали разбрасывать прокламаціи, выставлявшія Колчака какъ мученика и призывавшія стать за него. Подозрѣвая чехословаковъ въ сочувствіи наступавшимъ, Ревкомъ предложилъ имъ вывести изъ города всѣ свои части, чему чехословаки, послѣ долгихъ препирательствъ, должны были отчасти подчиниться. «Заставивъ чеховъ очистить городъ, говорится въ той-же книгѣ «Борьба за Уралъ и Сибирь», — мы вывели въ свою очередь всѣ свои отряды изъ Глазговскаго предмѣстья, гдѣ проходитъ желѣзная дорога. *Мы готовились къ бою съ колчаковскими войсками и съ чехами».* Послѣднимъ было предоставлено Глазговское предмѣстье и заявлено, что первый выстрѣлъ, раздавшійся оттуда, будетъ сочтенъ за нападеніе.»

Опасность росла. Надвигавшуюся группу войскъ чехословаки еще разъ пытались уговорить, но ихъ начальники были непреклонны, особенно генералъ Сахаровъ. Вечеромъ 6-го февраля, въ виду сосредоточенія въ окрестностяхъ города значительныхъ силъ противника, явно стремившихся освободить адмирала Колчака, предсѣдатель революціоннаго комитета Смирновъ приказалъ немедленно разстрѣлять бывшаго верховнаго правителя. Въ этотъ день происходилъ его послѣдній, девятый допросъ. На немъ, какъ и на предыдущихъ восьми, Колчакъ высказалъ опредѣленно недружелюбное отношеніе къ атаману Семенову и ко всѣмъ тѣмъ *«различнымъ людямъ изъ антибольшевицкаго лагеря»*, которые смотрѣли на борьбу съ большевиками, какъ на эпоху, во время которой все возможно*). Колчакъ находился въ одиночной камерѣ въ тюрьмѣ. За нимъ строго слѣдили. Предчувствуя конецъ, онъ 6 февраля написалъ записку своему другу г-жѣ Тимировой, сидѣвшей въ той же тюрьмѣ. Записка была перехвачена стражей.

На разсвѣтѣ 7-го февраля 1920 года бывшій верховный пра-

---

*) См. Допросъ Колчака. Протоколы засѣданій слѣдственной комиссіи. Подъ ред. К. А. Попова. Гос. изд. «Ленинград» 1925 г.

витель адмиралъ Колчакъ былъ разстрѣлянъ. Вмѣстѣ съ нимъ разстрѣляли председателя совѣта министровъ Пепеляева и палача китайца, состоявшаго при иркутской тюрьмѣ во все время правленія адмирала. Колчакъ держался бодро, осѣнялъ себя крестнымъ знаменіемъ и молился. Пепеляевъ что-то говорилъ. Послѣ разстрѣла трупы ихъ были спущены въ прорубь рѣки Ангары*).

Прибывшіе къ Иркутску отряды колчаковскихъ войскъ въ городъ однако не вошли. «Пользуясь тѣмъ, — говоритъ авторъ книги «Борьба за Уралъ и Сибирь» (на стр. 303), — что Глазговское предмѣстье занимали чехи и тамъ не было нашихъ частей, противникъ перешелъ желѣзную дорогу около станціи Инокентьевская, прошелъ черезъ Глазговское предмѣстье въ обходъ города и вышелъ снова на трактъ. Нейтральная полоса вдоль желѣзной дороги помѣшала намъ закончить бои у города захватомъ всей группы въ плѣнъ. Нейтралитетъ чеховъ спасъ эти послѣднія остатки трехъ армій Колчака Они направились въ Забайкалье, гдѣ, как пишетъ бывшій министръ Колчака г. Гинсъ въ своей книгѣ «Сибирь, союзники и Колчакъ», «сотрудники Семенова явно ожидали паденія адмирала Колчака и были заранѣе увѣрены, что наслѣдство достанется имъ.»

Недоброжелатели чехословаковъ поспѣшили обвинить ихъ и въ этихъ болѣзненныхъ событіяхъ. Генералъ Сахаровъ и его единомышленники заявляютъ, что чехословаки сами арестовали и выдали Колчака, что охрана ихъ оказалась ненадежной и что даже чехъ комендантъ сказалъ адмиралу при приближеніи къ Иркутску, что мѣстныя русскія власти ставятъ его выдачу условіемъ пропуска чехословацкихъ эшелоновъ.

Изложенными выше событіями выяснено фактическое положеніе.

Когда адмиралъ прибылъ на станцію Нижнеудинскъ, онъ нѣсколько разъ говорилъ съ своими министрами въ Иркутскѣ. Все, что онъ сдѣлалъ, было продиктовано ими. Эти министры отказались потомъ отъ своего верховнаго правителя и бросили его на произволъ судьбы. Чехословаки, видя тяжелое

---

*) Борьба за Уралъ и Сибирь, Гос. изд. 1926 г. (стр. 301—302).

положеніе адмирала, предложили ему перейти въ ихъ поѣздъ и проѣхать съ ними въ качествѣ частнаго лица, но Колчакъ не согласился. Вскорѣ послѣ этого онъ самъ просилъ генерала Жанена принять его и золотой запасъ подъ охрану союзниковъ. Чехословацкій караулъ вступилъ въ охрану только послѣ формальнаго объ этомъ распоряженія генерала Жанена. О какомъ либо лишеніи свободы адмирала Колчака не было и рѣчи. Адмиралъ и всѣ ѣхавшіе съ нимъ были совершенно свободны. Не допускались къ поѣзду только посторонніе. Вовставшіе въ Нижнеудинскѣ держали себя вызывающе, а на станціи Черемхово горнорабочіе пытались арестовать Колчака и захватить золотой запасъ. Чехословаки съ трудомъ отгоняли нападавшихъ. Нѣкоторые представители чехословацкаго войска, особенно ихъ офиціальный представитель докторъ Гирса, частнымъ образомъ употребляли возможныя усилія для облегченія участи адмирала. Еще во время пребыванія адмирала Колчака въ пути, д-ръ Гирса пытался оказать содѣйствіе къ созданію болѣе жизненнаго правительства съ Пепеляевымъ, Червенъ-Водали и генераломъ Ханжинымъ въ качествѣ главныхъ министровъ. Затѣмъ передъ правительствомъ «Политическаго центра» и «совѣтскимъ рев. комитетомъ» нѣкоторые чехословаки неоднократно заступались за Колчака. Учитывая это, «Политическій центръ» боялся тронуть адмирала, а «совѣтскій революціонный комитетъ» рѣшилъ даже, какъ упоминалось выше, увезти его изъ Иркутска въ болѣе безопасное мѣсто, для чего снялъ его и министра Пепеляева съ списка приговоренныхъ къ разстрѣлу. Въ этомъ отношеніи чехословаки дѣйствовали вполнѣ искренне, руководясь гуманностью. Генералъ Сахаровъ въ своей книгѣ «Бѣлая Сибирь» слѣдующимъ образомъ изображаетъ картину наступленія на г. Иркутскъ: «*6-го февраля* авангардъ 3-ей арміи съ налета занялъ станцію Инокентьевскую, что лежитъ на западномъ берегу Ангары — противъ Иркутска. Какіе богатые склады нашли мы въ Инокентьевской. Всего было полно: валенокъ, полушубковъ, сапогъ, суконъ, хлѣба, сахара, муки, фуража и даже новыхъ сѣделъ. *Всю ночь и слѣдующій день шла спѣшная раздача* частямъ изъ складовъ всего, что хотѣли, — и то больше

половины мы должны были оставить, — не на чемъ было поднять; разрѣшили отдать мѣстнымъ жителямъ. *Со всѣхъ сторонъ подтверждалась полная растерянность большевиковъ.»*

Эта разгрузка складовъ началась тогда, когда адмиралъ Колчакъ былъ еще живъ и когда дружнымъ и самоотверженнымъ ударомъ можно было его еще спасти, тѣмъ болѣе, что, какъ самъ генералъ Сахаровъ свидѣтельствуетъ, «*со всѣхъ сторонъ подтверждалась полная растерянность большевиковъ*». Его разстрѣляли только на слѣдующее утро. Разгрузка складовъ продолжалась, однако, и весь слѣдующій день.

Однако и въ этой неудачѣ нужно было обвинить кого нибудь другого. Козломъ отпущенія, явились, конечно, чехословаки. Ихъ обвинили въ «новомъ предательствѣ», заключавшемся въ томъ, что когда на слѣдующій день послѣ убійства Колчака, части наступавшихъ войскъ хотѣли войти въ отведенную для чехословаковъ нейтральную полосу — Глазговское предмѣстье, — ихъ попросили этого не дѣлать и позволили только пройти черезъ нее на трактъ. Цѣль этого запоздалаго требованія была ясна. Самъ генералъ Сахаровъ констатируетъ въ своей книгѣ, что онъ и генералъ Феофиловъ рѣшили произвести налетъ на Иркутскъ съ юга и что они *были увѣрены въ полномъ успѣхѣ*, «*безъ всякаго риска неудачи*». Этого, однако, они не сдѣлали, хотя чехословаки этому не препятствовали, а только не соглашались на занятіе Глазговскаго предмѣстья, гдѣ ни одного большевика не было и гдѣ находились исключительно только чехословацкія части, на которыя, какъ свидѣтельствуетъ авторъ книги «Борьба за Уралъ и Сибирь» большевики лишь ждали случая, чтобы напасть.

Обстоятельства, повліявшія на смерть Колчака понемногу выясняются. Одними патріотическими изліяніями не затмить того, что ясно для всѣхъ.

7.

Золото обогатило омское правительство. Исторія его извѣстна. Оно взято въ г. Казани. Изъ-за него пролито много крови и пережито много бурныхъ дней. Какъ уже упоминалось

выше, занятіе г. Казани было предпринято вразрѣзъ съ планами верховнаго командованія и помимо запрещенія командующаго поволжскимъ фронтомъ. Послѣ первыхъ удачныхъ операцій на вновь образованномъ фронтѣ, помощнику управляющаго военнымъ отдѣломъ при самарскомъ правительствѣ г. Вл. Лебедеву удалось убѣдить командующаго симбирской группой полковника Степанова въ необходимости овладѣть крупнымъ и богатымъ городомъ Казанью, въ которомъ, помимо огромныхъ военныхъ складовъ, находился также колоссальной цѣнности золотой запасъ. Результатомъ этихъ уговоровъ явилось занятіе города, которое произошло 6-го августа 1918 года. Всѣ богатства, на которыя расчитывали, дѣйствительно достались въ руки наступавшихъ. Представители самарскаго правительства немедленно приступили къ ихъ выясненію и вывозу. Въ № 38 «Вѣстника Учредительнаго Собранія» отъ 25-го августа 1918 года Вл. Лебедевъ напечаталъ по этому поводу слѣдующую радіо-телеграмму:

«Казань. Всѣмъ. Комитету членовъ Учредительнаго собранія и всѣмъ радіостанціямъ. Сообщаю, что въ настоящую минуту отправка золотого запаса, принадлежащаго Россіи, закончена. Я отправилъ изъ Казани: 1) весь золотой запасъ въ нарицательную стоимость 657 милліоновъ рублей, по нынѣшней цѣнѣ шесть съ половиною милліардовъ рублей; 2) сто милліоновъ рублей кредитными билетами; 3) на громадную сумму всякихъ другихъ цѣнностей; 4) запасы платины и серебра. Счастливъ донести, что теперь все это народное достояніе отъ грабителей и предателей полностью перешло въ руки Учредительнаго собранія и Россія не должна безпокоиться о цѣлости своего богатства. Помощникъ управляющаго военнымъ отдѣломъ Вл. Лебедевъ.»

Всѣ эти цѣнности, подъ контролемъ представителей Самарскаго правительства и подъ охраной его военныхъ частей, были отправлены въ г. Самару и помѣщены въ кладовыя мѣстнаго отдѣленія Государственнаго Банка. Затѣмъ, нѣсколько позже, въ виду эвакуаціи г. Самары, золотой запасъ былъ перевезенъ Самарскимъ правительствомъ въ г. Уфу. Когда же на фронтѣ обнаружились крупныя неудачи, то-же Самарское правительство поспѣши-

ло перевезти золото въ г. Челябинскъ и помѣстило его въ бетонные подвалы мѣстнаго казеннаго элеватора. При этой послѣдней перевозкѣ присутствовали и чехословацкіе караулы, но только въ видѣ внѣшней воинской охраны. Вся же перевозка и наблюденіе за перевозимымъ, лежали на членахъ названнаго правительства. Когда затѣмъ въ іюнѣ мѣсяцѣ создалось объединенное всероссійское правительство «Директорія», золотой запасъ перешелъ въ его вѣдѣніе и въ половинѣ октября того же года, былъ перевезенъ въ г. Омскъ. При послѣдней перевозкѣ также присутствовалъ чехословацкій караулъ, который по прибытіи золота въ г. Омскъ былъ немедленно снятъ и замѣненъ карауломъ войскъ Омскаго правительства. Послѣ совершеннаго 18-го ноября 1918 года переворота, все золото перешло въ распоряженіе правительства верховнаго правителя адмирала Колчака. Тогда же въ официальной омской газетѣ «Вѣстникъ Финансовъ» была приведена въ извѣстность наличность вывезеннаго изъ г. Казани и принятаго омскимъ правительствомъ золотого запаса. Согласно этому официальному сообщенію всего золотого запаса оказалось:

въ русской монетѣ на	523,458.484	рубл.	42 коп.
въ иностранной монетѣ на	38,065.322	„	57 „
въ слиткахъ на	90,016.027	„	65 „
Всего на	651,535.834	рубл.	64 коп.

Съ ноября 1918 по ноябрь 1919 года весь золотой запасъ находился въ полномъ и непосредственномъ распоряженіи адмирала Колчака и его правительства. Когда же положеніе на фронтѣ до того перемѣнилось, что въ началѣ осени 1919 г. большевики стали угрожать г. Омску, къ адмиралу явился весь дипломатическій корпусъ и предложилъ ему взять подъ международную охрану золотой запасъ и вывезти его во Владивостокъ. Адмиралъ Колчакъ отвѣтилъ имъ, что онъ не видитъ основаній особенно спѣшить съ вывозомъ золота, но что если бы даже это основаніе было, то онъ все равно не принялъ бы предложенія союзниковъ. — «Я вамъ не вѣрю, сказалъ онъ, и скорѣе *оставлю золото большевикамъ, чѣмъ передамъ союзникамъ*».

Бывшій министръ омскаго правительства г. Гинсъ, передавая эти слова въ своей книгѣ «Сибирь, союзники и Колчакъ», замѣчаетъ, что *«эта фраза должна перейти въ исторію»*. Въ концѣ концовъ золото дѣйствительно досталось большевикамъ.

При отъѣздѣ 13-го ноября 1919 года адмирала Колчака изъ Омска, въ его пяти литерныхъ поѣздахъ помѣщался также золотой запасъ. По пути отъ Омска до Татарска была сдѣлана попытка захватить золото повстанцами, но охрана не допустила. На станціи Новониколаевскъ приближенные адмирала предложили ему отправить золотой запасъ въ г. Читу подъ охрану атамана Семенова, но Колчакъ категорически отказался. Затѣмъ, когда поѣзда верховнаго правителя подошли къ станціи Нижнеудинскъ, тамъ какъ разъ вспыхнуло возстаніе, при чемъ возставшіе объявили республику и потребовали отъ адмирала Колчака отказаться отъ власти и передать золотой запасъ мѣстнымъ властямъ. Находившіяся на вокзалѣ чехословацкія части не допустили, однако, до этого.

Въ то время въ Иркутскѣ происходили совѣщанія между представителями союзныхъ державъ, делегатами Омскаго правительства и представителями новаго правительства, такъ называемаго «Политическаго центра». Со стороны Омскаго правительства присутствовали: замѣститель предсѣдателя совѣта министровъ Червенъ-Водали, генералъ Ханжинъ и представители министерствъ Ларіоновъ и Бурышкинъ. Предсѣдатель совѣщанія генералъ Жаненъ объявилъ собравшимся, что страхъ передъ возможностью исчезновенія золота заставилъ союзниковъ дать приказъ чехословацкимъ войскамъ охранять ѣдущіе съ адмираломъ Колчакомъ три поѣзда съ золотомъ и привести ихъ въ Иркутскъ подъ союзными флагами. Къ этому генералъ Жаненъ присовокупилъ, что означенное распоряженіе сдѣлано съ согласія и по просьбѣ какъ самого верховнаго правителя, такъ и его правительства. Согласно этому рѣшенію, для передачи золотого запаса подъ междусоюзную охрану была образована на станціи Нижнеудинскъ спеціальная комиссія, созванная предложеніемъ начальника походнаго штаба верховнаго правителя отъ 3-го января 1920 года, за № 318-п. Въ составъ этой комиссіи входили слѣдующія лица: 1) начальникъ эшелона Государственнаго

Банка инженеръ А. Д. Арбатскій, 2) старшій кассиръ Государственнаго Банка Н. П. Кулябко, 3) начальникъ отдѣленія канцеляріи верховнаго правителя П. П. Добролюбскій, 4) представитель государственнаго контроля Е. И. Березинъ и представители чехословацкихъ войсковыхъ частей: 5) капитанъ Блага Ольдржихъ, 6) поручикъ Генрихъ Тальскій и 7) подпоручикъ Іосифъ Ржечинскій. Передача вагоновъ съ золотымъ запасомъ производилась по актамъ, составленнымъ представителями Государственнаго Банка и Государственнаго Контроля 14 ноября 1919 года за № 4 и 4 января 1920 года за № 16. Согласно этимъ актамъ всѣхъ вагоновъ было 28, въ коихъ находилось 5156 ящиковъ и 1678 мѣшковъ съ золотомъ. По ихъ повѣркѣ всѣ вагоны были опечатаны особыми пломбами и при нихъ оставлены всѣ прежніе чиновники Омскаго правительства. Хотя въ актѣ было сказано о передачѣ золота подъ охрану чехословацкихъ войскъ, въ дѣйствительности же къ золотому эшелону, согласно постановленію союзныхъ представителей отъ 1-го января 1920 года, былъ приставленъ междусоюзный караулъ; въ составъ котораго, кромѣ чехословаковъ, входили также русскіе и югославяне.

По прибытіи поѣздовъ съ золотымъ запасомъ на станцію Тыреть, ис. об. директора Государственнаго Банка И. С. Казановскій замѣтилъ, что у одного изъ вагоновъ съ золотомъ (№ 566027) срѣзаны пломбы. Сейчасъ же вагонъ былъ вскрытъ и при подсчетѣ числа ящиковъ была обнаружена недостача 13 ящиковъ съ золотомъ. Объ этомъ немедленно былъ составленъ сопровождавшими золотой запасъ чинами особый актъ въ 2-хъ экземплярахъ. Въ числѣ этихъ чиновъ находились: начальникъ эшелона Государственнаго Банка Арбатскій, и. о. директора Гос. Банка Н. Казановскій, старшій кассиръ Гос. Банка Н. Кулябко, представители Гос. Контроля: ревизоръ Е. Березинъ и его помощникъ Н. Брянцевъ и начальники чехословацкой охраны. Въ актѣ указано, что вечеромъ 11-го января дежурнымъ чиновникомъ Гос. Банка С. В. Колпаковымъ былъ произведенъ осмотръ всѣхъ вагоновъ, что пломбы оказались цѣлыми и что вагонъ № 566027, въ которомъ обнаружена пропажа 13 ящиковъ, охранялся всю ночь съ 6 ч. веч. до 8 ч. утра русскимъ кара-

уломъ, въ составѣ котораго поочередно входили часовые: Унжаковъ, Журавлевъ, Ушковъ, Мокрищинъ, Козловъ, Поляковъ и Жуковъ.

По прибытіи затѣмъ золотого запаса въ г. Иркутскъ къ чехословацкой охранѣ былъ приставленъ еще караулъ отъ частей мѣстныхъ правительственныхъ войскъ. Въ такомъ положеніи вагоны съ золотомъ находились на иркутскомъ вокзалѣ до конца февраля 1920 г. Вывезти его дальше на востокъ не представлялось никакой возможности. Прежніе его хозяева постепенно исчезли, а новые не успѣли еще забрать.

7-го февраля 1920 г. чехословаки, по требованію большевицкаго правительства, согласились выдать золото мѣстнымъ властямъ лишь при уходѣ изъ Иркутска послѣдняго чехословацкаго эшелона. На основаніи этого соглашенія, 26-го февраля, по распоряженію завѣдывавшаго финансовымъ отдѣломъ при военно-революціонномъ комитетѣ Ф. И. Громова и начальника гарнизона чехословацкихъ войскъ подполковника Чила, была собрана спеціальная комиссія для передачи золотого запаса существующимъ русскимъ властямъ. Въ составъ этой комиссіи вошли слѣдующія лица: 1) представитель финансоваго отдѣла Ф. И. Громовъ, въ качествѣ предсѣдателя, 2) второй представитель финансоваго отдѣла И. А. Страшкевичъ, 3) старшій ревизоръ государственнаго контроля И. А. Никольскій, 4) предсѣдатель чрезвычайной слѣдственной комиссіи М. Ф. Милліонщиковъ, 5) представитель центральнаго комитета профессіональнаго союза служащихъ забайкальской желѣзной дороги И. Е. Затылковъ, 6) представитель государственнаго контроля Бендакъ, 7) членъ коллегіи комиссаріата по охранѣ государственныхъ цѣнностей и представители чехословацкаго войска: 8) капитанъ Лиса, 9) подполковникъ Новакъ и 10) членъ суда 3-ей дивизіи подполковникъ д-ръ Грдина.

Комиссія приступила къ работѣ 27-го февраля и продолжала её до 1-го марта 1920 года. Руководствуясь актами, составленными представителями Государственнаго Банка и Гос. Контроля 14 ноября 1919 г. за № 4 и 4 января 1920 г. за № 16, комиссія въ полномъ составѣ и въ присутствіи всѣхъ сопровождавшихъ золотой запасъ чиновъ, вскрыла 27, 28, 29 февраля и 1 марта

1920 г. поочередно всѣ вагоны и по провѣркѣ содержимаго, нашла въ 28 вагонахъ 1.678 мѣшковъ и 5.143 ящика съ золотомъ, т. е. то самое количество, которое значилось въ указанныхъ двухъ актахъ за №№ 4 и 16. Изъ нихъ 1.678 мѣшковъ и 2.482 ящика съ золотомъ были перегружены въ новые американскіе вагоны №№ 935499, 938043, 934716, 937357, 936787, 940882, 937390 и 933578, а остальные 2,141 ящикъ оставлены въ прежнихъ вагонахъ №№ 937423, 124730, 42652, 671420, 468814, 761359, 221738, 329712 и 344036. Затѣмъ, послѣ повѣрки, всѣ вагоны съ золотомъ были надлежащимъ образомъ запломбированы и на нихъ навѣшены замки. Объ этомъ 1-го марта 1920 г. былъ составленъ и подписанъ всѣми членами комиссіи особый актъ въ 5 экземплярахъ, переданный: 1-й — представителю чехословацкихъ войскъ, 2-й — предсѣдателю комиссіи Громову, 3-й — предс. чрезв. слѣд. комиссіи Милліонщикову, 4-й — предст. центр. к-та проф. союза служ. Забайкальской жел. дор. Затылкову и 5-й — представителямъ Гос. Банка и Контроля Никольскому и Бендаку. Въ тотъ же день, въ 13 часу, представители мѣстной власти: Ф. И. Громовъ, Н. А. Страшкевичъ, М. Ф. Милліонщиковъ, И. Е. Затылковъ, Н. А. Никольскій и Бендакъ приняли подъ расписку отъ чехословаковъ весь указанный въ упомянутомъ актѣ золотой запасъ и одновременно съ тѣмъ отъ вагоновъ съ золотомъ отошелъ послѣдній чехословацкій караулъ 2-й пулеметной роты 10-го стрѣлковаго полка подъ командой поручика Цинке и охрану принялъ караулъ 1-й роты иркутскаго совѣтскаго караульнаго полка подъ командой Шелепина. Въ этотъ же день въ 7 час. вечера выѣхалъ изъ Иркутска послѣдній чехословацкій эшелонъ.

Такова исторія золотого запаса, взятаго въ м. августѣ 1918 г. въ г. Казани отъ большевиковъ и возвращеннаго имъ-же 1 марта 1920 года въ г. Иркутскѣ.

Это золото не принесло добра. Изъ-за него пролито много крови, оно стало причиной всевозможныхъ споровъ и интригъ, благодаря ему происходившія въ Сибири событія принимали подчасъ очень тяжелый характеръ.

Генералъ Сахаровъ и его друзья не преминули и тутъ обвинить чехословаковъ. «*Русское государственное достояніе*, — пи-

шетъ генералъ Сахаровъ въ «Бѣлой Сибири», — *двѣсти восемьдесятъ тысячъ пудовъ золотого запаса, чехи довезли до Иркутска, при чемъ было установлено, что по дорогѣ одинъ вагонъ, т. е. тысяча пудовъ, былъ ими разграбленъ. Въ Иркутскѣ золото было сдано своимъ людямъ, тому же Политическому Центру; на сдаточной вѣдомости были подписи спекулянта Фельдмана да еще какого-то рядового эсъ-эра, бывшаго владѣльца ресторана въ Иркутскѣ. На отплывшемъ изъ Владивостока транспортѣ «Президентъ Грандтъ» чехословаки увезли сотни тоннъ золота.»*

Тотъ же генералъ Сахаровъ на стр. 233 «Бѣлой Сибири» говоритъ, что золотого запаса было 280.000 пудовъ, а на страницѣ 182 той-же книги упоминаетъ, что всего золота было 28 вагоновъ, полной нагрузки, т. е. 28,000 пудовъ.» Разница между этими числами весьма значительна. Дальше онъ говоритъ, что по дорогѣ одинъ вагонъ въ 1000 пудовъ былъ разграбленъ чехословаками. Въ актѣ, составленномъ 4 января 1920 года за № 16, представителями Омскаго правительства, сказано, что въ вагонѣ № 566027, изъ котораго обнаружена пропажа, было 200 ящиковъ. Въ немъ-же, послѣ пропажи оказалось 187, т. е. всего на 13 ящиковъ меньше, а не на 1000 пудовъ, какъ утверждаетъ генералъ Сахаровъ. Количество ящиковъ подтверждается еще и другимъ актомъ, составленнымъ тѣми-же чинами Омской канцеляріи 14-го ноября 1919 года за № 4. О пропажѣ 13 ящиковъ былъ составленъ 12-го января 1920 года сопровождавшими чинами Омскаго правительства актъ, въ которомъ нѣтъ ни малѣйшаго намека на вину чехословаковъ. Генералъ Сахаровъ утверждаетъ, что золото было сдано правительству «Политическаго Центра» подъ расписку его членовъ: спекулянта Фельдмана и какого-то эсъ-эра ресторанщика. Правительство «Политическаго Центра» пало еще 18-го января, а сдача золота имѣла мѣсто 1-го марта, когда вся власть давно была въ рукахъ «совѣтскаго революціоннаго комитета». При пріемѣ золота присутствовали перечисленныя выше должностныя лица, которые приняли весь золотой запасъ. Между этими лицами, ни спекулянта Фельдмана, ни эсъ-эра ресторанщика, ни вообще никого изъ членовъ бывшаго правительства «Политическаго

Центра» не было. Моральной цѣнностью многочисленныхъ членовъ тогдашнихъ правительствъ чехословаки не интересовались. Отвѣтственность за это падала на тѣхъ, кто избралъ и терпѣлъ этихъ членовъ. Но генералъ Сахаровъ во всемъ винитъ только чехословаковъ. Онъ говоритъ, что золото было сдано въ Иркутскѣ и тутъ же прибавляетъ, что сотни тоннъ этого-же золота были вывезены чехословаками на транспортѣ «Президентъ Грандтъ».

Причастность чехословаковъ къ золотому запасу достаточно выяснена. Всѣ относящіяся къ этому вопросу обстоятельства и документы провѣрены самымъ тщательнымъ образомъ и потому всякія обвиненія чехословаковъ на этой почвѣ могутъ раздаваться только со стороны враждебно настроенныхъ къ нимъ лицъ.

При разсмотрѣніи, однако, этого вопроса пришлось натолкнуться на нѣкоторыя обстоятельства, которыя невольно требуютъ объясненія. Сибирское освободительное движеніе имѣло глубокій общественный характеръ и потому русское общество имѣетъ право интересоваться, что и какъ дѣлалось тѣмъ или другимъ правительствомъ. Сколько золота и разныхъ цѣнностей вывезено изъ Казани это болѣе или менѣе извѣстно. Объ этомъ съ нѣкоторой опредѣленностью сообщаетъ помощникъ управляющаго военнымъ отдѣломъ Самарскаго правительства г. Вл. Лебедевъ, а также Омское правительство, сдѣлавшееся хозяиномъ этого государственнаго достоянія. При передачѣ 4-го января 1920 г. на станціи Нижнеудинскъ золотого запаса подъ охрану союзниковъ, представителями Омскаго правительства былъ составленъ подробный передаточный актъ, въ коемъ указано, что въ 28-ми вагонахъ заключается 5.156 ящиковъ и 1.678 мѣшковъ съ золотомъ, но не показана общая сумма всего золота. Благодаря этому невозможно установить, какую собственно часть составляло переданное подъ охрану союзниковъ золото. Нѣкоторые свидѣтели (Вл. Лебедевъ, Брушвитъ, генералъ Сыровый, экскортировавшіе золото чехословацкіе офицеры и другіе) удостовѣряютъ, что первоначально золота было 80 вагоновъ, а вмѣстѣ съ другими цѣнностями, вывезенными изъ Казани, до 120 вагоновъ. Если изъ этого количества вычесть

28 вагоновъ, переданныхъ 4-го января 1920 года подъ охрану союзниковъ, то останется еще 52 вагона съ золотомъ и около 40 вагоновъ съ другими цѣнностями. Благодаря отсутствію какихъ либо опредѣленныхъ отчетовъ, трудно настаивать на какой либо безошибочной точности, но ясно, что переданное 4-го января 1920 года подъ охрану союзниковъ золото, составляло лишь меньшую половину общаго количества вывезенныхъ изъ Казани цѣнностей.

Во время преній въ совѣщаніи, происходившемъ между представителями союзныхъ державъ, Омскаго правительства и иркутскаго «Политическаго Центра», выяснилось, что одинъ поѣздъ съ золотомъ былъ отправленъ омскимъ правительствомъ на востокъ. Это золото, по заявленію присутствовавшаго на совѣщаніи японскаго представителя Като, находилось тогда подъ охраной атамана Семенова и служило гарантіей займа, оказаннаго Россіи Японіей и какими то другими державами. Присутствовавшій тамъ же представитель омскаго министерства финансовъ присовокупилъ, что, въ виду ненадежности забайкальской желѣзной дороги, золото отправлялось Омскимъ правительствомъ въ г. Читу также *«маленькими партіями»*.

Какъ бы то ни было, эти обстоятельства представляютъ крупный общественный интересъ. Сколько золота вывезено Омскимъ правительствомъ въ г. Читу и въ вѣдѣніе какой державы оно перешло? Куда дѣвались всѣ тѣ огромныя цѣнности, которыя вывезены изъ Казани: запасы платины и серебра, сто милліоновъ рублей кредитными билетами и т. д.? Эти свѣдѣнія куда интереснѣе разной ни къ чему не обязывающей фразеологіи.

8.

«Чехословацкая Дружина» входила въ составъ русской арміи и содержалась русскимъ правительствомъ на общемъ основаніи. Организаціи же, вѣдавшія ея пополненіемъ, содержались, главнымъ образомъ на разнаго рода пожертвованія, собранныя между чехословацкимъ населеніемъ въ Россіи.

Сначала въ деньгахъ не было нужды, но впослѣдствіи, когда «Дружина» разрослась въ цѣлый корпусъ, и когда, при совѣтскомъ правительствѣ, былъ прекращенъ отпускъ денегъ на его содержаніе, денежный вопросъ сильно осложнился. Было, правда, обязательство Франціи поддерживать ч. с. войско, но оно получило свое реальное осуществленіе значительно позже. При отъѣздѣ же войскъ изъ Украины въ ихъ кассахъ было пусто. Недостатокъ ощущался во всемъ. Въ Сибири на первыхъ порахъ имъ помогли мѣстные кооперативы. Денежный вопросъ требовалъ немедленнаго разрѣшенія, тѣмъ болѣе, что событія сильно осложняли положеніе войскъ. Въ это крайне тяжелое время завѣдывавшему финансовой частью войска полковнику Шипу пришла счастливая мысль основать при чехословацкомъ корпусѣ *«сберегательную кассу»*, для того, чтобы сосредоточить въ ней всѣ имѣвшіяся у солдатъ сбереженія и временно употребить ихъ на нужды арміи. Большая часть корпуса состояла изъ военноплѣнныхъ, которые, до поступленія въ войска, работали на заводахъ и въ мастерскихъ и потому успѣли сдѣлать кое-какія сбереженія. Успѣхъ кассы былъ огромный. Спустя нѣсколько мѣсяцевъ послѣ ея открытія, она насчитывала уже 47.500 вкладчиковъ на сумму 355,360.964 рубля 69 коп. Эти суммы послужили основаніемъ для пріобрѣтенія необходимаго имущества, оборудованія собственнаго интендантства, устройства военныхъ лазаретовъ и т. д. Послѣ образованія новаго поволжскаго фронта чехословацкое войско стало получать содержаніе отъ правительствъ союзныхъ державъ: Франціи, Великобританіи и Соединенныхъ Штатовъ Америки. Отъ нихъ оно получило: 360,000.000 франковъ, 800.000 фунтовъ стерлинговъ и 7,000.000 долларовъ. Эти деньги дали возможность поставить дѣло чехословацкаго корпуса на должную высоту.

Когда-же, въ концѣ 1919 года, было приступлено къ эвакуаціи чехословацкихъ войскъ изъ Сибири, возникъ вопросъ о ликвидаціи всего ихъ имущества. Самымъ сложнымъ оказался вопросъ о мѣстныхъ русскихъ деньгахъ, курсъ которыхъ стремительно падалъ. За рубль, за который въ концѣ 1917 года платили 70 французскихъ сантимовъ, въ м. январѣ 1920 г. съ трудомъ давали *меньше одного сантима!* Нужно было оза-

ботиться, чтобы отъ обезцѣненія рубля не пострадали интересы солдатскихъ массъ, тѣмъ болѣе, что изъ Чехословацкой Республики получались тревожныя вѣсти объ экономическомъ кризисѣ, безработицѣ и голодѣ. Чехословацкое правительство предложило обмѣнять деньги на сырье — для чехословацкихъ заводовъ, а пражскій «красный крестъ» призывалъ къ закупкѣ хлѣба — для голодающихъ. На этой почвѣ возникла дѣятельность, которая, быть можетъ, не свойственна регулярнымъ арміямъ, но которая, благодаря особымъ условіямъ, диктовалась крайней необходимостью. Для осуществленія этихъ замысловъ нужно было создать подходящій аппаратъ. По инициативѣ того же полковника Шипа былъ учрежденъ, спеціально для этой цѣли, «Банкъ чехословацкихъ легіонеровъ». Всѣ его акціи немедленно были разобраны вкладчиками «сберегательной кассы» и нѣкоторыми легіонерами, сражавшимися на фронтахъ французскомъ и итальянскомъ. Въ скоромъ времени основной капиталъ «Банка» достигъ 14,000.000 фр. франковъ.

Банкъ немедленно приступилъ къ закупкѣ разнаго рода сырья: мѣди, шерсти, кожи, хлопка, каучука, селитры и т. п., а также требуемаго «краснымъ крестомъ» хлѣба для голодающихъ. Одновременно съ тѣмъ банкъ принялъ на себя нѣкоторыя заботы по ликвидаціи войскового имущества и по закупкѣ продовольствія для прокормленія въ пути 50.000 арміи. Все, что банкъ купилъ и отправилъ на транспорты, записывалось и провѣрялось, какъ представителями чехословацкаго правительства, такъ и уполномоченными мѣстныхъ русскихъ властей. Безъ вѣдома послѣднихъ не вывезено изъ Сибири ни одного груза. Кромѣ разнаго сырья и хлѣба, закупленнаго банкомъ со спеціальной цѣлью, на транспорты были погружены еще архивы разныхъ частей, незначительное количество мелкаго войскового имущества, нѣсколько непроданныхъ при ликвидаціи спеціальныхъ машинъ, купленныхъ чехословаками въ Америкѣ, семь лошадей, составлявшихъ частную собственность чехословацкихъ офицеровъ, нѣсколько медвѣдей, предназначенныхъ въ подарокъ создателю «легій», первому президенту Чехословацкой Республики — проф. Масарику, и небольшой солдатскій багажъ. Подробные списки всего вывезен-

наго хранятся въ владивостокской таможнѣ, въ архивахъ подлежащихъ транспортовъ и въ архивахъ чехословацкихъ легiй въ Прагѣ. По нимъ можно съ точностью опредѣлить количество и качество всѣхъ вывезенныхъ изъ Сибири грузовъ. По книгамъ и документамъ бывшаго «Банка чехословацкихъ легiонеровъ въ Сибири», а также другихъ существовавшихъ тамъ въ то время чехословацкихъ учрежденiй, можно подробно освѣтить и всю ихъ дѣятельность въ этомъ направленiи.

Такъ представляется все это дѣло.

Не такъ, однако, стараются представить его г.г. Сахаровъ, Гинсъ, Ганъ и другiе недоброжелатели чехословаковъ.

«*Забытые и полуголодные бѣдняки чехи*, — пишетъ генералъ Сахаровъ въ «Бѣлой Сибири», — «*стали богатѣть отъ русской щедрости, аппетиты у нихъ разожглись. Чего, чего только не было у чеховъ. Склады ихъ ломились отъ огромнаго количества русскаго обмундированiя, вооруженiя, сукна, продовольственныхъ запасовъ и обуви. Не довольствуясь реквизицiей казенныхъ складовъ и казеннаго имущества, чехи стали забирать все, что попало имъ подъ руку, совершенно не считаясь съ тѣмъ, кому имущество принадлежало. Уже съ самой Самары чехословаки повели сначала осторожныя коммерческiя дѣла, затѣмъ открытую и беззастѣнчивую спекуляцiю и наконецъ чистый грабежъ. Металлы, разнаго рода сырье, цѣнныя машины, породистыя лошади, — объявлялись чехами военной добычей. Однихъ медикаментовъ ими было забрано на сумму свыше трехъ миллiоновъ золотыхъ рублей. Точное количество награбленнаго ими не поддается даже учету. На одномъ транспортѣ «Президентъ Грандтъ» они увезли с о т н и т о н н ъ з о л о т а, серебра, мѣди, машинъ, с а х а р а, и всякихъ другихъ продуктовъ, какъ и другое награбленное ими добро. Они-же захватили и объявили своей собственностью огромное количество паровозовъ и свыше двадцати тысячъ вагоновъ, которые передавали затѣмъ частнымъ лицамъ — ловкимъ спекулянтамъ, о чемъ возникло нѣсколько громкихъ дѣлъ.*»

Реквизицiи, о которыхъ упоминаетъ ген. Сахаровъ, всегда составляли и будутъ составлять прискорбную необходимость каждой войны. Онѣ имѣли мѣсто и въ Сибири, но производились въ одинаковой степени, какъ чехословацкими, такъ и рус-

скими частями всегда съ вѣдома и разрѣшенія мѣстныхъ властей и исключительно для надобностей арміи. Такъ, напримѣръ, на ст. Владивостокъ и Пограничная и въ городахъ Самарѣ, Уфѣ и Казани, были реквизированы, съ разрѣшенія министра продовольственныхъ дѣлъ отъ 25 іюля, 26 сентября, 22 октября и 28 декабря 1918 г., молочные консервы для раненыхъ воиновъ, вата, лекарства, перевязочный матеріалъ и медицинскіе инструменты. Все это имущество было оцѣнено въ нѣсколько тысячъ рублей. Впослѣдствіи чехословаки расплатились за него передавъ Русскому Медицинскому Складу во Владивостокѣ разныхъ лекарствъ и медицинскихъ инструментовъ *на сумму свыше 25.000 іенъ*. Въ 1918 году чехословаки дѣйствительно эвакуировали изъ конскаго завода, между станціями Орскъ и Троицкъ, 30 породистыхъ кобылъ, но это было сдѣлано по просьбѣ сибирскаго правительства, которому сейчасъ же передали всѣхъ лошадей подъ расписку. Когда чехословацкому войску понадобилось съорганизовать свою конницу, они, при содѣйствіи правительства «Алашъ Орда», купили въ ихъ степяхъ 12.000 лошадей, за которыхъ уплатили всю причитающуюся сумму, при покупкѣ. При отъѣздѣ чехословаковъ изъ Сибири эти лошади были проданы: частью въ Иркутскѣ, мѣстному правительству— въ обмѣнъ на мѣховой товаръ, частью же въ городахъ Харбинѣ и Владивостокѣ — за наличныя деньги.

Спекуляціи чехословаковъ заключались въ томъ, что при закупкѣ продовольствія для арміи, крестьяне не хотѣли принимать бумажныхъ денегъ и требовали обмѣна своихъ продуктовъ на другіе необходимые для нихъ предметы. Поэтому приходилось на Волгѣ закупать нефть, на Уралѣ желѣзо и т. д., чтобы въ другихъ мѣстностяхъ купить на нихъ продовольствіе для 50-тысячной арміи. Правда, 20 іюня 1918 года сибирское правительство обязалось снабжать чехословаковъ продовольствіемъ, но, благодаря создавшейся обстановкѣ, это обстоятельство не могло быть выполнено и чехословацкому войску пришлось самому заботиться о своихъ нуждахъ.

Въ такомъ огромномъ дѣлѣ не могло, конечно, обойтись безъ нѣкоторыхъ ошибокъ, но никакихъ злоупотребленій не было и не могло быть. Все ,что чехословаки изъ Сибири вывезли,

они купили или у самого Омскаго правительства или отъ рекомендованныхъ имъ фирмъ. Такъ, напримѣръ, Омское правительство по акту отъ 2 сентября 1919 г., за № 59, продало чехословакамъ изъ складовъ владивостокской таможни 400 англ. тоннъ мѣди по 105 фунтовъ за тонну, а всего на сумму 42,000 фунтовъ, въ уплатѣ которыхъ выдана 17 октября 1919 г. расписка иностраннаго отдѣла кредитной канцеляріи министерства финансовъ. То-же Омское правительство, при посредствѣ генерала Розанова, продало чехословакамъ 190.000 пудовъ хлопка, за который получило 1,912.500 іенъ, въ чемъ также выдана расписка той-же канцеляріей 17 октября 1919 г. за № 1920. Затѣмъ владивостокскими властями, по порученію Омскаго правительства, продано чехословакамъ:

450.000	пудовъ	мѣди	по 14—25 іенъ за пудъ,
150.000	,,	хлопка	,, 13—26 іенъ за пудъ,
300.000	,,	каучука	,, 32—40 іенъ за пудъ и
150.000	,,	селитры	по 180 іенъ за тонну,

причемъ въ счетъ покупной суммы уплачено при подписаніи акта о продажѣ — 200.000 іенъ, а остальная сумма внесена Центросоюзу 30 сентября 1920 года.

Кромѣ того, частью по рекомендаціи Омскаго правительства, частью съ его вѣдома, бывшимъ Банкомъ чехословацкихъ легій куплено:

169.000 пудовъ хлопка за 50.000 фунтовъ, — отъ Россійскаго Экспедит. Акц. Общества во Владивостокѣ;

каучукъ — отъ владивостокской фирмы М. Г. Залевскаго;

сырую кожу — отъ кооперацiи Урало-Сибирскаго Союза;

шерсть, конскій волосъ и мѣха — отъ кооперацiи Закупсбытъ;

и *хлопокъ, мѣдь и мѣха* — отъ Центросоюза.

Часть проданнаго Омскимъ правительствомъ хлопка не могла быть вывезена потому, что, какъ въ послѣдствіи оказалось, онъ былъ уже запроданъ японской фирмѣ.

Указанія ген. Сахарова и его единомышленниковъ о вывозѣ чехословаками огромныхъ запасовъ золота, серебра и сахара нужно отнести къ области фантазій. Золото сдано въ Иркутскѣ

мѣстнымъ властямъ по документамъ, составленнымъ колчаковскимъ правительствомъ, а сахара не только въ Сибири, но и во всей Россіи тогда не было.

При отъѣздѣ чехословацкихъ войскъ изъ Сибири каждому солдату разрѣшалось взять съ собою не болѣе 50 килограммовъ багажа, да и тотъ, раньше погрузки, осматривался таможенными властями.

Къ числу такихъ же обвиненій относятся и утвержденія въ захватѣ чехословаками огромнаго количества паровозовъ и вагоновъ и въ спекуляціи ими. Все желѣзнодорожное управленіе находилось въ рукахъ Омскаго правительства, безъ разрѣшенія котораго чехословаки не могли распорядиться ни однимъ вагономъ. Въ ихъ распоряженіи были только тѣ вагоны и паровозы, съ которыми они пріѣхали изъ Украины. Спекуляціи и «громкія дѣла» дѣйствительно возникали, но не чехословаковъ обвиняли, а омскаго министра продовольственныхъ дѣлъ г. Зефирова, его товарища — Витова, нѣкоего Касаткина, капитана Арефьева и французскихъ евреевъ: Жано, Камона и Бандо. Былъ случай, что заказанную чехословаками пшеницу перекупили, отвезли её въ Самарскую губернію и тамъ продали большевикамъ. Объ этихъ лицахъ говорила тогда вся Сибирь.

Адмиралъ Колчакъ на допросѣ 28 января 1920 года призналъ, напримѣръ, что агенты атамана Семенова реквизировали все, что попадало подъ руку, захватывали желѣзнодорожное имущество, грабили проѣзжавшихъ, угрожали имъ револьверами и т. д., а агенты Калмыкова арестовали на ст. Пограничная представителя датскаго «краснаго креста», отняли у него нѣсколько сотъ тысячъ денегъ и затѣмъ повѣсили.»*) Это подлинныя слова адмирала Колчака, а между тѣмъ ген. Сахаровъ называетъ въ своей «Бѣлой Сибири» этихъ лицъ — *«оплотами національной идеи»*, а возмущавшихся ихъ продѣлками чехословаковъ величаетъ «измѣнниками» и «предателями».

Интересныя данныя о всѣмъ вывезенномъ изъ Сибири можно

---

*) См. Допрос Колчака. Протоколы.

найти въ вышедшей въ 1926 г. въ Прагѣ весьма обстоятельной брошюрѣ бывшаго завѣд. финансовой частью чехословацкаго войска въ Сибири, нынѣ директора пражскаго «Легіо-Банка» г. Шипа. «Několik kapitol o hospodářství naší sibiřské armády. (V odpověď na «Bílou Sibiř» generála Sacharova.)»

Разсматривая всѣ эти событія и стараясь объяснить ихъ психологическую сторону, невольно приходятъ на мысль предсмертныя показанія адмирала Колчака, сказавшаго, что его диктатура изъ централизованной превратилась въ диктатуру отдѣльныхъ лицъ и атамановъ, въ характерѣ которыхъ было «*никому не подчиняться, кромѣ самихъ себя*». Точно такъ же заявляли и сибирскіе повстанцы: «хочу и нѣтъ намъ преграды» и въ одну ночь вырѣзали въ г. Кузнецкѣ 325 человѣкъ ненавистной имъ интеллигенціи!

9.

Послѣ ряда побѣдъ на вновь образованномъ поволжскомъ фронтѣ, былъ выдвинутъ вопросъ о занятіи города Казани. Движеніе на Казань, какъ упоминалось выше, послѣдовало вопреки согласія командующаго фронтомъ полковника Чечека, желавшаго развить военные успѣхи въ направленіи города Саратова, для соединенія, согласно плану верховнаго командованія, съ войсками генерала Деникина. Къ сожалѣнію этотъ планъ не былъ осуществленъ. Командовавшій группой, предназначенной къ постепенному продвиженію на югъ, полковникъ Степановъ, поддавшись уговорамъ представителей самарскаго правительства, двинулъ свои войска на сѣверъ и 7-го августа городъ Казань былъ занятъ. Притягательной силой явились находившіяся тамъ огромныя цѣнности, особенно колоссальный золотой запасъ, которыя дѣйствительно цѣликомъ достались въ руки наступавшихъ. Всѣ эти цѣнности сейчасъ же были приняты и увезены изъ Казани самарскимъ правительствомъ, но общее положеніе фронта отъ этого похода сильно пострадало. Для большевиковъ занятіе г. Симбирска, а потомъ и Казани было чувствительнымъ ударомъ. Они скоро сформировали цѣлыхъ четыре арміи и устремились

съ ними на потерянные города. Черезъ недѣлю городъ Казань былъ уже обложенъ съ трехъ сторонъ. Въ городѣ, какъ упоминалось во 2-ой главѣ, оставались только чехословацкія войска, подъ командой чешскаго полковника Швеца, да небольшіе отряды: сербскій — подъ командой маіора Благотича и русскій, такъ называемой «народной арміи». Болѣе значительныя русскія части, подъ командой полковника Каппеля, отошли къ Симбирску, которому также стали угрожать большевики. Не смотря на свою малочисленность, чехословаки мужественно обороняли городъ почти цѣлый мѣсяцъ. Командиръ сербскаго отряда маіоръ Благотичъ вскорѣ былъ убитъ. Съ нимъ выбыла изъ строя и вся его небольшая часть. Русскій-же отрядъ «народной арміи» состоялъ изъ совершенно неподготовленнаго элемента и не могъ принимать серьёзнаго участія въ активныхъ дѣйствіяхъ. Вся тяжесть лежала исключительно на 1-мъ чехословацкомъ полку. Мѣстные граждане обѣщали имъ помощь, но не сдѣлали ничего. Вся надежда чехословаковъ была на отрядъ полковника Каппеля, который, какъ стало извѣстно, спѣшно шелъ имъ на помощь отъ Симбирска. Эта надежда, однако, скоро исчезла. Подвигаясь къ Казани, отрядъ полковника Каппеля подвергся нападенію красноармейцевъ и въ кровопролитной битвѣ 28-го августа потерялъ половину своего состава. Оставшіяся части принуждены были поспѣшно отступить къ рѣкѣ Волги, не успѣвъ соединиться съ чехословацкими частями. Это сильно подѣйствовало на чехословаковъ. Надежды на какую-либо помощь сразу рухнули и судьба города Казани была рѣшена. Силы красныхъ между тѣмъ увеличивались. 5-го сентября большевики начали общее наступленіе. Ихъ натискъ былъ настолько сильный, что чехословакамъ не представлялось уже никакой возможности удержаться на своихъ позиціяхъ. Большевики устремились на занятую чехословаками Воробьерку. Начался неравный бой. Чехословакамъ угрожало полное пораженіе. Они, однако, быстро перешли на лѣвый берегъ р. Волги, гдѣ, отражая удары красныхъ, продержались еще три дня. Исчерпавъ всѣ силы и не предвидя больше никакой помощи, чехословацкія части 10 сентября покинули Казань, который стойко защищали въ

теченіи 4-хъ недѣль. Со стороны мѣстнаго населенія они не встрѣтили никакой поддержки. Эта индиферентность казанцевъ сильно повліяла на чехословацкія войска. У многихъ закрадывалась уже тогда мысль о томъ, что нѣкоторые слои русскаго общества не желаютъ бороться съ большевиками. Во главѣ оборонявшихъ городъ чехословацкихъ войскъ все время, отъ перваго до послѣдняго дня, находился полковникъ Швецъ. Эти войска, не получая никакихъ пополненій, таяли съ каждымъ днемъ.

Такова въ краткихъ чертахъ правда о казанскихъ событіяхъ. А между тѣмъ генералъ Сахаровъ и тутъ нападаетъ на нихъ. «*Сначала чехи въ Казани*, — пишетъ онъ въ «Бѣлой Сибири», — *подъ командой отличнаго офицера полковника Швеца, сдерживали натискъ, но съ каждымъ днемъ боеспособность ихъ понижалась. Выбывали лучшія силы, а на ихъ мѣсто шли худшіе элементы, брались пополненія изъ числа военноплѣнныхъ изъ концентраціонныхъ лагерей Сибири. Удержаніе Казани для насъ, русскихъ, было крайне важно, поэтому туда были направлены чудо-богатыри каппеловцы, но въ самую рѣшительную минуту чехи не поддержали ихъ, отказались выполнить боевой приказъ, очистили свой участокъ*».

Пусть сами читатели судятъ гдѣ правда.

10.

При созданіи поволжскаго фронта возникли три проекта наступленія: *на Архангельскъ* — для соединенія съ высадившимися тамъ отрядами великобританскихъ войскъ, *на Москву* — для того, чтобы сразу овладѣть центромъ, и, *въ южномъ направленіи* — для соединенія съ добровольческой арміей генерала Деникина. Всѣ три проекта имѣли свои преимущества, но третій, казалось, былъ наиболѣе цѣлесообразенъ. Этотъ послѣдній проектъ не получилъ, однако, осуществленія и все движеніе направлялось на Москву. Упоминая объ этомъ генералъ Сахаровъ въ своей книгѣ «Бѣлая Сибирь» старается убѣдить, что «*единственно онъ и гене-*

ралъ Лебедевъ доказывали необходимость приложить всѣ силы, чтобы развить наступленіе на Поволжье и соединиться съ добровольческой арміей, такъ какъ иначе вставала угроза, что западная армія не выдержитъ, но генералъ Гайда не соглашался на это и настаивалъ идти на Москву, которую онъ обѣщалъ взять въ нѣсколько дней. Генералъ Гайда и его штабъ не хотѣли даже слушать о перемѣнѣ операціонныхъ направленій, поддержку въ этомъ они находили у нѣкоторыхъ вліятельныхъ представителей иностранной интервенціи».

Такъ говоритъ генералъ Сахаровъ, а между тѣмъ вся эта исторія представляется нѣсколько иначе.

Еще въ началѣ августа 1918 года, когда былъ созданъ поволжскій фронтъ, верховное чехословацкое командованіе рѣшило развить наступленіе въ направленіи города Саратова. Для этой цѣли была собрана спеціальная группа, состоявшая изъ чехословацкихъ войскъ и небольшихъ отрядовъ русской «народной арміи». Эти войска заняли 4-го сентября 1918 г. городъ Вольскъ на Волгѣ и приближались къ Саратову. Разстояніе между арміями Сибирской и Деникина было тогда не болѣе 100 верстъ. Но вмѣсто того, чтобы развить дальнѣйшій успѣхъ въ этомъ направленіи, часть главныхъ силъ была послана на Казань, что, какъ упоминалось во 2-ой главѣ, было сдѣлано вопреки согласія командующаго поволжскимъ фронтомъ чешскаго генерала Чечека. Правда, взятіе Казани дало сибирскимъ правительствамъ золотой государственный запасъ, но положеніе наступавшихъ войскъ отъ этого сильно ухудшилось. Послѣ паденія Казани началось, какъ извѣстно, отступленіе. 13 сентября г. Вольскъ отдали большевикамъ и разстояніе между арміями снова сильно увеличилось.

Затѣмъ, уже при правительствѣ адмирала Колчака, въ м. январѣ 1919 года, въ г. Челябинскѣ былъ созванъ военный совѣтъ, въ которомъ участвовали: верховный правитель, начальникъ его штаба генералъ Лебедевъ, командующіе арміями: южной — генералъ Дутовъ, западной — генералъ Ханжинъ и сѣверной — генералъ Гайда, начальники штабовъ, генералы ставки и другіе. На разсмотрѣніе собравшихся главной став-

кой былъ предложенъ планъ наступленія въ сѣверномъ направленіи — по линіи Пермь — Вятка — Вологда. Изъ всѣхъ присутствовавшихъ только генералы Гайда и Дутовъ высказались противъ этого плана. Они находили проектируемое направленіе слишкомъ длиннымъ и, при малочисленности войскъ, выставленнымъ на постоянную угрозу удара въ тылъ. Поэтому оба они предлагали южное направленіе — для соединенія съ арміей Деникина, что, по ихъ мнѣнію, представлялось наиболѣе раціональнымъ и выполнимымъ. Это предложеніе встрѣтило, однако, энергичный отпоръ со стороны генерала Лебедева. Послѣдній указывалъ на несвоевременность и банальность такого похода и старался развить мысль, что при существовавшемъ тогда независимомъ положеніи генерала Деникина, легко могли возникнуть нежелательныя тренія по вопросу о первенствѣ. Къ вопросу о соединеніи обѣихъ армій относились тогда очень сдержанно. Къ мнѣнію генерала Лебедева присоединилось большинство, кромѣ генераловъ Гайды и Дутова. Всѣ ждали что скажетъ адмиралъ Колчакъ. Послѣдній высказался только тогда, когда всѣ пренія по этому вопросу закончились. Его мнѣніе было кратко. Присоединяясь къ мнѣнію большинства, верховный правитель между прочимъ заявилъ: «не надо забывать, что господиномъ положенія будетъ тотъ, кто первый войдетъ въ Москву». Это событіе находитъ подтвержденіе въ книгѣ генерала Гайды «Moje paměti»; оно же подтверждается и К. Н. Соколовымъ, который на стр. 130 своей книги «Правленіе генерала Деникина» пишетъ, «что всѣ «лѣвые» съ надеждой ждали соединенія фронтовъ, а «правые» говорили о немъ съ опаской».

Такова правда о стремленіи къ соединенію съ добровольческой арміей генерала Деникина. Не чехословаки протестовали, а тѣ, которые вопросы о *«первенствѣ»* ставили на первый планъ.

11.

16-го января 1919 года прибылъ въ г. Екатеринбургъ верховный правитель адмиралъ Колчакъ и остановился въ поѣздѣ на станціи. Часовымъ приказано было никого близко

не подпускать. На слѣдующій день вечеромъ пришелъ на вокзалъ чешскій капитанъ Тихій съ женой, желая попращаться съ отъѣзжавшимъ въ Владивостокъ родственникомъ. Узнавъ, что станція охраняется карауломъ, капитанъ Тихій отправился въ чехословацкую комендатуру, взялъ пропускъ и затѣмъ снова вернулся на вокзалъ. Тутъ онъ, вмѣстѣ съ женой и помощникомъ начальника станціи, направился къ вагону, въ которомъ ожидалъ ихъ уѣзжавшій родственникъ. Это было поздно вечеромъ. Караулъ окликнулъ ихъ. Капитанъ Тихій держа въ рукахъ пропускъ направился къ часовому, но тотъ выстрѣлилъ и смертельно ранилъ капитана. Въ ту же ночь онъ скончался.

Это событіе произвело на всѣхъ удручающее впечатлѣніе.

Адмиралъ Колчакъ убѣдившись, что Тихій палъ жертвой переусердствовавшаго караульнаго солдата, поспѣшилъ выразить представителямъ чехословацкаго войска, черезъ генералъ-маіора Богословскаго, свое соболѣзнованіе о случившемся. При этомъ адмиралъ Колчакъ заявилъ, что единственнымъ для него облегченіемъ является то, что стрѣлявшій часовой былъ не русскій, а сербъ.

Одновременно съ адмираломъ Колчакомъ выразили свое соболѣзнованіе: предсѣдатель югославянской комиссіи инженеръ І. Чавликъ, мѣстные сербы и югославянскій полкъ. Послѣдніе особенно скорбѣли въ виду того, что капитанъ Тихій былъ нѣкоторое время добровольцемъ въ сербской арміи и сражался въ Добруджѣ вмѣстѣ съ сербскими войсками.

Капитанъ Тихій пользовался всеобщими симпатіями. Онъ родился въ Прагѣ, кончилъ тамъ политехнику, состоялъ офицеромъ въ австрійской арміи, въ 1915 году перешелъ на сторону Россіи и вступилъ сначала добровольцемъ въ сербскую армію, а потомъ въ «чехословацкую дружину», въ 1916 году присоединился къ православію и былъ иниціаторомъ отправки привѣтственной телеграммы императору Николаю II. Такова краткая біографія почившаго капитана. На его похороны собралось много народу. Явились представители всѣхъ союзныхъ державъ, представитель верховнаго пра-

вителя, представители омскаго правительства, арміи, югославянскаго полка и т. д. Представитель чехословацкаго войска г. Богданъ Павлу сказалъ нѣсколько прочувствованныхъ словъ, закончивъ ихъ фразой: «*кругомъ могилы нашихъ братьевъ, они лучше всего свидѣтельствуютъ о великой любви и вѣрности чехословаковъ къ русскому народу*». Омское правительство по этому случаю издало особую грамоту, въ которой говорилось: «Русское правительство ставитъ вопросомъ чести и братской дружбы, чтобы обратиться къ чехословацкому правительству и его войску съ словами благодарности и поздравленія. Чехословацкое войско выполнивъ свой боевой долгъ на фронтѣ и дальше служитъ намъ лучемъ помощи и цѣннаго соучастія. Чехословацкіе эшелоны двигаясь на Востокъ берутъ на себя охрану пути, давая возможность тѣмъ освободить русскія части для фронта. Ихъ цѣнныя техническія способности и военная дисциплина порукой тому, что они и на новомъ поприщѣ принесутъ пользу. Въ тяжелую годину нашей народной жизни пришла намъ помощь братскаго народа, которая навсегда не будетъ забыта ни Россіей, ни Славянствомъ».

Эта граммота была опубликована специально для того, чтобы показать доброе отношеніе русскихъ къ чехословакамъ.

Въ такомъ видѣ представляется это событіе*).

Иначе старается изобразить таковое генералъ Сахаровъ. Не считаясь съ фактами, онъ говоритъ слѣдующее: «Адмиралъ Колчакъ прибылъ особымъ поѣздомъ въ Екатеринбургъ. Разнузданные чешскіе солдаты начали задѣвать самой площадной бранью всѣхъ чиновъ конвоя, чешскіе офицеры, стоявшіе тутъ же, не только не останавливали ихъ, но даже подзадоривали. Одинъ изъ офицеровъ направился къ вагонамъ адмирала, проходъ куда былъ запрещенъ. Русскій часовой пытался остановить чеха-офицера, со стороны послѣдняго въ отвѣтъ послѣдовала отборная ругань, а затѣмъ попытка ударить часового. Тогда русскій стрѣлокъ пустилъ въ ходъ оружіе, — что онъ былъ обязанъ сдѣлать по закону, — и смертельно ранилъ чеха. Всѣ иностранцы проявили возмущеніе

---

*) **Dr. Šteidler, Červinka, Gajda, Kratochvil, Čsl. Denník.**

этимъ случаемъ и стали на сторону безобразниковъ, нарушителей порядка — чеховъ. Создали помпезныя похороны, анти-русскую демонстрацію; политиканы изъ національнаго комитета говорили надъ могилой этого печальнаго героя рѣчи, *полныя ненависти къ Россіи и русскимъ»*.

Даже въ этомъ всесторонне выясненномъ инциндентѣ генералъ Сахаровъ не удержался, чтобы не проявить своей ненависти къ чехословакамъ.

12.

Въ предыдущихъ параграфахъ приведены и объяснены главнѣйшія обвиненія, брошенныя по адресу чехословацкаго войска въ Сибири. На ряду съ ними имѣется еще и много мелкихъ обвиненій. Коснемся ихъ лишь постолько, посколько это необходимо для освѣщенія тѣхъ настроеній, какія существовали тогда среди мѣстныхъ дѣятелей. Въ книгѣ генерала Сахарова особенно ярко обнаруживается его отрицательное отношеніе къ генераламъ чехословацкой арміи, которые не имѣя того стажа, которымъ обладалъ генералъ Сахаровъ, съумѣли держать армію въ порядкѣ и нерѣдко достигали съ ней весьма крупныхъ стратегическихъ успѣховъ. Генерала Сыроваго, котораго русскіе и многіе иностранцы наградили за его выдающіяся боевыя способности высокими орденами, генералъ Сахаровъ иронически называетъ *«комивояжеромъ»*; генерала Гайду, о которомъ самъ адмиралъ Колчакъ сказалъ: «я вѣрю въ Гайду и въ то, что онъ многое можетъ сдѣлать; если меня не будетъ, если бы я умеръ, то пусть Гайда замѣнитъ меня»,*) и который также удостоился полученія многихъ боевыхъ отличій, онъ высокомѣрно величаетъ *«фельдшеромъ»*; а всѣхъ остальныхъ чехословацкихъ офицеровъ, съумѣвшихъ при невыносимо тяжелыхъ условіяхъ сберечь армію и привести её въ полномъ порядкѣ на родину, — онъ уже безъ всякаго стѣсненія именуетъ просто *«бездарными»*. Съ психологической точки зрѣнія это понятно, но отъ генерала Сахарова можно было ожидать болѣе уравновѣшенной оцѣнки. Онъ,

---

*) Ген. Сахаровъ. Бѣлая Сибирь, стр. 185.

правда, примѣнялъ иногда её, но только въ тѣхъ случаяхъ, когда представлялось возможнымъ еще больше насолить чехословацкому войску. Упоминая о пріѣздѣ въ Сибирь военнаго министра Чехословацкой Республики генерала Штефаника, генералъ Сахаровъ называетъ его доблестнымъ солдатомъ и человѣкомъ высокой честности, незатемненнымъ политической партійной мутью, но тутъ-же присовокупляетъ, что будто бы онъ напрасно пытался заставить чешскіе полки драться противъ большевиковъ и пришелъ въ ужасъ отъ того, что увидѣлъ въ своемъ воинствѣ въ Сибири. Онъ, по словамъ генерала Сахарова, встрѣтилъ сильное противодѣйствіе и среди командного состава, и у политическихъ руководителей, и въ солдатской массѣ, и, ничего не добившись, уѣхалъ въ Прагу, сконфуженно прощаясь съ русскими друзьями, которымъ открыто выражалъ свои искреннія и глубокія сожалѣнія».

Генералъ Штефаникъ былъ дѣйствительно человѣкомъ рѣдкостной доблести. Его высоко цѣнилъ весь чехословацкій народъ. Онъ, между прочимъ, положилъ много труда для созданія и поддержанія чехословацкихъ легій въ Россіи и за-границей и пользовался широкой популярностью среди легіонеровъ. Его пріѣзда въ Сибирь ждали съ нетерпѣніемъ. Чехословацкое войско надѣялось вмѣстѣ съ нимъ выяснить всѣ тѣ волновавшіе его вопросы, которые возникли при сложившихся тамъ обстоятельствахъ. Одинъ изъ избранныхъ войскомъ делегатовъ сказалъ ему: *«если нужно еще воевать, дайте намъ лошадей и винтовки и мы покажемъ, что умѣемъ и воевать, и умирать»*. Но генералъ Штефаникъ самъ видѣлъ всю безполезность дальнѣйшей борьбы и потому именемъ чехословацкаго правительства распорядился, чтобы войска отошли въ тылъ и готовились къ отъѣзду на родину. Затѣмъ, по просьбѣ верховнаго правителя и его правительства, онъ согласился поручить чехословацкому войску охрану желѣзныхъ дорогъ и тыла. Генералъ Штефаникъ дѣйствительно пришелъ въ ужасъ отъ тѣхъ поступковъ, которые позволяли себѣ нѣкоторыя окружавшія адмирала лица, о чемъ онъ съ грустью доносилъ тогда своему правительству. О самомъ же адмиралѣ Колчакѣ онъ между прочимъ такъ выразился: «ду-

малъ встрѣтить диктатора, а нашелъ больного въ 39 градусномъ жару». Никакого противодѣйствія ни со стороны командного состава, ни политическихъ руководителей онъ не встрѣтилъ, а, наоборотъ, на многихъ изъ нихъ возложилъ разныя офиціальныя порученія и въ изданныхъ потомъ воспоминаніяхъ выражался о нихъ, какъ о лучшихъ народныхъ труженникахъ и патріотахъ. Имя Штефаника до сихъ поръ произносится всѣми легіонерами съ особеннымъ уваженіемъ*).

Когда чехословаки приняли на себя охрану желѣзныхъ дорогъ, генералъ Сахаровъ и тамъ ихъ не оставилъ въ покоѣ. Онъ громко заявляетъ, что эту охрану они понимали узко, т. е. только самой линіи, рельсъ и станцій. Въ концѣ II-ой главы подробно перечислена та дѣятельность, которую проявили чехословаки во время охраненія ими желѣзнодорожныхъ путей. Она лучше всего опровергаетъ генерала Сахарова и его единомышленниковъ. Дальше онъ утверждаетъ, что чехословаки возили въ своихъ поѣздахъ большевицкихъ агитаторовъ, доставили во Владивостокъ представителя московскаго совѣтскаго правительства жида Виленскаго, отказывали русскимъ бѣженцамъ и женщинамъ въ ихъ просьбахъ помѣститься въ вагонахъ, гдѣ просторно ѣхали ихъ нижніе чины, а если иногда и принимали, то затѣмъ на слѣдующей станціи выдавали ихъ большевикамъ, и т. д., и т. д. Хотя генералъ Сахаровъ хвастается въ «Бѣлой Сибири» своей контръразвѣдкой, заявляя «что болѣе образцовой службы ему не случалось встрѣчать», тѣмъ не менѣе, однако, ея свѣдѣнія о провозѣ чехословаками въ своихъ поѣздахъ большевицкихъ агитаторовъ и представителей, завѣдомо невѣрны. Чехословаки ничего общего съ большевиками не имѣли и считали ихъ союзниками своихъ тогдашнихъ враговъ, противъ которыхъ воевали. Не чехословаки интересовались большевиками и ихъ союзниками, а скорѣе тѣ приближенные адмирала Колчака, о которыхъ генералъ Сахаровъ пишетъ на стр. 192—193 «Бѣлой Сибири», что они совѣтовали адмиралу Колчаку то пре-

---

*) Kopta J., Štefánik, Červinka V. Naši na Sibiři. Gajda R. Moje paměti. Dr. Šteidler F. V. Čsl. hnutí na Rusi. Čsl. Denník.

доставить всю Сибирь большевикамъ, чтобы всѣ «союзники» съ ихъ войсками попробовали прелестей большевизма, то вступить въ переговоры съ нѣмцами, чтобы такимъ образомъ спасти Россію. Со стороны чехословаковъ никогда не раздавались голоса заключить миръ съ большевиками, а между тѣмъ, командиръ 2-го Барабинскаго полка полковникъ Ивакинъ открыто призывалъ къ такому «миру», а командующій I-мъ Сибирскимъ корпусомъ генералъ Зиневичъ даже вступилъ съ большевиками въ переговоры. У чехословаковъ, по мѣткому выраженію ихъ солдатъ, для разговоровъ съ большевиками были только пулеметы. Ими они освободили Сибирь отъ красныхъ, ими же они подготовили почву для освободительнаго тамъ движенія.

Въ чехословацкихъ вагонахъ всегда было полно разныхъ бѣженцевъ. Послѣ отъѣзда изъ Омска членовъ правительства, чешскій комендантъ г. Краль лично предоставилъ нѣсколько поѣздовъ покинутымъ бѣженцамъ. Многіе изъ нихъ доѣхали даже до Владивостока и отплыли въ Европу. Много изъ нихъ живетъ и понынѣ въ Чехословацкой Республикѣ. Въ книгѣ, напримѣръ, подполковника польскихъ войскъ Генриха Багинскаго «Wojsko Polskie na Wschodzie (стр. 586), упоминается о томъ, какъ при помощи чешскихъ поѣздовъ удалось многимъ польскимъ офицерамъ и солдатамъ проѣхать на востокъ.

Генералъ Сахаровъ и его единомышленники упрекаютъ чехословаковъ и въ томъ, что они все время старались защищать эс-эровъ, но изъ всего того, что происходило въ Сибири видно, что эс-эровъ все время только разстрѣливали, топили и, какъ говоритъ самъ ген. Сахаровъ, старались совершенно истребить. Въ Омскѣ ночью на 21 декабря 1918 года звѣрски убито 9 эс-эровъ. Вмѣстѣ съ ними убитъ членъ учредительнаго собранія г. Фоминъ. Въ ту же ночь въ г. Омскѣ и въ близлежащемъ поселкѣ Куломзино разстрѣляли другихъ 166 эс-эровъ, а въ началѣ января 1920 года на Байкалѣ звѣрски убиты и брошены въ озеро 31 иркутскихъ эс-эра. Генералъ Сахаровъ, отлично зная объ этомъ, хочетъ повидимому смягчить эту жестокость указаніемъ на то, что всѣ молъ такъ дѣлали.

Въ той же «Бѣлой Сибири» онъ пишетъ, что на станціи Ангара начальникомъ чехословацкаго эшелона были выданы большевикамъ шесть русскихъ военныхъ, изъ коихъ пять немедленно были разстрѣляны, а шестой, нѣкій полковникъ Делинсгаузенъ чудомъ спасся. Ближайшихъ подробностей генералъ Сахаровъ не даетъ, но и этихъ достаточно, чтобы всю приведенную исторію назвать вымысломъ, точно такъ же какъ и его сообщеніе о томъ, что около станціи Оловянная изъ проходившаго чехословацкаго эшелона было выброшено въ рѣку Ононъ три мѣшка, въ которыхъ нашли *трупы русскихъ женщинъ*. Генералу Сахарову должно быть извѣстно, что подобными дѣлами занимались не чехословаки, а тѣ, которыхъ онъ очень ужъ неосторожно величаетъ «русскимъ національнымъ оплотомъ». То, что дѣлалось отрядами атамановъ Семенова и Калмыкова, превосходитъ всякія понятія. Объ ихъ дѣйствіяхъ вполнѣ опредѣленный взглядъ у всѣхъ, и у русскихъ и у иностранцевъ. Противъ подобнаго рода поступковъ долженъ протестовать каждый человѣкъ, независимо отъ того дѣлали такъ другіе, или нѣтъ. Противъ нихъ выступили и чехословаки, а генералъ Сахаровъ назвалъ этотъ протестъ враждебной выходкой противъ Россіи.

Нападая на чехословаковъ, генералъ Сахаровъ и его единомышленники пытаются сослаться на польскихъ легіонеровъ, забывая о томъ, что польское общество, какъ это видно изъ многихъ сочиненій появившихся въ Польшѣ, старается укрѣплять, а не разъединять дружбу и братство между славянскими народами. Послѣ освобожденія Сибири отъ большевиковъ тамъ образовался особый «польскій военный комитетъ», который сразу же вошелъ въ самыя дружескія отношенія съ чехословаками и при ихъ помощи сталъ формировать свои части. «Наши солдаты, — писалъ тогда предсѣдатель польскаго комитета предсѣдателю чехословацкаго національнаго совѣта, — проливая кровь заодно съ вашими, скрѣпляютъ неразрывные узы братской дружбы — основы будущихъ чешско-польскихъ отношеній». Польскій писатель легіонеръ Юрій Бандровскій въ своихъ сочиненіяхъ о совмѣстныхъ дѣйствіяхъ разныхъ славянскихъ легіоновъ въ Россіи говоритъ о томъ,

что между войсками польскими и чехословацкими существовали самыя лучшія дружескія отношенія. Эта дружба и теперь замѣтно растетъ между обоими народами и никакія недоразумѣнія не въ состояніи ее затмить.

«*Въ добавокъ ко всѣмъ качествамъ чехо-войска* — заявляетъ генералъ Сахаровъ, — *среди солдатъ ихъ появился огромный процентъ больныхъ скверными секретными болѣзнями. Для нихъ очистили госпитали и наводнили ими всѣ города. Нашихъ раненыхъ выбрасывали или отказывали въ мѣстѣ, такъ какъ больнымъ чехамъ необходимы были лучшій уходъ и заботы*».

Какъ была поставлена медицинская часть у чехословаковъ въ Сибири, объ этомъ подробно сказано во 2-ой главѣ этой книги. Эта часть регистрировала всѣхъ больныхъ и изъ опубликованныхъ ею свѣдѣній усматривается, что число больныхъ венерическими болѣзнями было меньше обычнаго числа мирнаго времени. Въ той же главѣ указано и количество всѣхъ медицинскихъ пунктовъ. Ихъ было столько, сколько нужно было для обезпеченія 50.000 войска. Занимали они тѣ помѣщенія, которыя имъ предоставлялись мѣстными властями. Случаевъ изгнанія или выбрасыванія русскихъ раненыхъ никогда не было, напротивъ въ чехословацкихъ больницахъ лежало и лечилось все время много русскихъ, поляковъ, югославянъ и другихъ.

Обвинители чехословаковъ коснулись всѣхъ отраслей ихъ временной жизни въ Сибири и вездѣ и во всемъ нашли лишь одни отрицательныя стороны. Во всѣхъ ихъ обвиненіяхъ сквозитъ, однако, чувство, чуждое русскому народу.

Одинъ изъ бывшихъ легіонеровъ, нынѣ торговецъ въ Оломуцу, г. Я. Яначекъ сказалъ на бывшей конференціи легіонеровъ въ Прагѣ: «Мы живемъ въ тѣхъ округахъ, гдѣ чехи составляютъ меньшинство. Тамъ слово «легіонеръ» электризуетъ нѣмцевъ, которые хотѣли бы, чтобы легіонеры были уничтожены за всякую цѣну, потому что они являются представителями найвысшей мысли чехословацкаго народа». Еще во время пребыванія чехословаковъ въ Сибири тамъ распространялись нѣмецкія газеты, въ которыхъ нѣмецкіе и мадьярскіе военноплѣнные призывались истреблять чехословацкія банды

и подъ разными предлогами не пропускать ихъ въ Владивостокъ. Не то же самое стараются дѣлать обвинители чехословацкаго войска въ Сибири? Оно могло бы быть печальнымъ совпаденіемъ, но совѣты адмиралу Колчаку войти въ непосредственные переговоры съ германскими кругами и статьи газеты «Русское Дѣло» о воспринятіи нѣмецкой оріентаціи, наводятъ на другія грустныя мысли.

Въ книгѣ генерала Сахарова «Бѣлая Сибирь» много говорится о національной гордости русскаго народа, о желаніи этого народа осуществить монархическую идею и о томъ, что пока не будутъ забыты споры и раздоры, до тѣхъ поръ невозможно ждать милости Божіей и просвѣта. И написавъ это, генералъ Сахаровъ собственными же руками бьетъ по національной гордости, роняетъ значеніе монархической идеи и поддерживаетъ споры и раздоры. Не можетъ быть, чтобы онъ не отдавалъ себѣ отчета въ томъ, что пишетъ. Онъ приходитъ въ умиленіе отъ того, какъ адмирала Колчака величали *«царемъ»*, говоритъ что крестьянскія массы въ тѣхъ тысячахъ селъ, которыя посѣтилъ адмиралъ, встрѣчали его съ обожаніемъ и спрашиваетъ, что произошло бы, если бы бѣлые имѣли конечную, полную побѣду. «Царь Колчакъ», *«тысячи селъ»*, неизвѣстно когда посѣщенныхъ адмираломъ, «обожаніе крестьянскими массами», поголовно возстававшими противъ омскаго правительства, — развѣ такими фразами можно кого-либо убѣдить или увлечь? Генералъ Сахаровъ громитъ всѣхъ: и зловредныхъ эс-эровъ, и фарисеевъ Милюковцевъ, и противныя народному идеалу русскія партіи и разныхъ передовыхъ интелигентовъ, пропитанныхъ духомъ космополитизма и преступныхъ передъ своимъ народомъ, — и оставаясь въ кругу своихъ единомышленниковъ, которыхъ онъ называетъ «великимъ русскимъ народомъ», мечтаетъ о созданіи съ ними «единой русской партіи». Этимъ онъ надѣется спасти русскій народъ, но онъ забываетъ, что вездѣ требуется «человѣколюбіе» и «уравновѣшенность». Русскіи народъ больше всего нуждается въ этихъ именно качествахъ, а не въ фразерствѣ. *Тотъ, кто полюбитъ русскій народъ со всѣми его недостатками, кто бережно подойдетъ къ каждому, у кого бьется русское сердце и*

участливо и любовно приступитъ къ его излеченію, единственно тотъ окажетъ ему помощь и спасетъ его. Къ сожалѣнію этого не дѣлаютъ, а только еще больше раздиракть русскій организмъ.

Генералъ Сахаровъ заявляетъ въ своей «Бѣлой Сибири», что славянской задачѣ и славянскому единству чехословацкое воинство въ Сибири нанесло такой ударъ какого не придумалъ бы и самый злѣйшій врагъ, а г. Гинсъ спѣшитъ прибавить: «покраснѣетъ не только Масарикъ и вся честная Чехословакія, но будутъ краснѣть и будущія чешскія поколѣнія». Однако изъ всего выше приведеннаго нельзя усмотрѣть ни единаго случая, который указывалъ бы на измѣну чехословаковъ русскому, или славянскому дѣлу. Нельзя упрекать ихъ за то, что въ соприкосновеніи съ нынѣшними ихъ обвинителями они не забывали о своемъ народномъ достоинствѣ и не хотѣли быть слѣпыми орудіями ихъ политики.

Оцѣнивая значеніе чехословаковъ для Россіи, русская газета «Сибирская Рѣчь» отъ 4 января 1919 года призывала сибиряковъ учреждать при всѣхъ народныхъ училищахъ стипендіи для увѣковѣченія того великаго дѣла, которое совершили чехословаки въ Россіи». Подобнаго рода статьи и призывы печатались во многихъ сибирскихъ газетахъ.

Въ Россіи поступки чехословацкаго войска вызывали благодарность, а Чехословакія, по рецепту г. Гинса, должна за нихъ краснѣть. Въ этихъ разныхъ чувствахъ заключается вся разница между массами русскаго народа и кучкой людей, погубившихъ все освободительное дѣло въ Сибири.

Какъ будто бы боясь, чтобы кто-нибудь не сталъ на защиту чехословаковъ, г. Гинсъ на страницѣ 569 своей книги «Сибирь, союзники и Колчакъ» угрожаетъ: «тотъ русскій политическій дѣятель, который будетъ выступать съ защитой чеховъ, рискуетъ нажить себѣ столько же непріятностей, сколько ихъ пережилъ болгарофилъ Милюковъ».

Я выступаю въ данномъ случаѣ въ защиту правды и дѣлаю это по побужденіямъ, о которыхъ я говорилъ раньше. При разсмотрѣніи всѣхъ возводимыхъ на чехословаковъ обвиненій, подозрѣній и даже простой ругани, я старался вник-

нуть въ мельчайшія подробности и пришелъ къ убѣжденію, что чехословаки остались такими же вѣрными славянами, какими были и ихъ величайшіе патріоты: Палацкій, Колларъ, Шафарикъ, Добровскій и другіе.

Достойно вниманія то, что на чехословаковъ нападаютъ тѣ, которыхъ многіе обвиняютъ въ сибирской катастрофѣ. Вс. Ивановъ въ своей книгѣ «Въ гражданской войнѣ», изданной въ 1921 году въ г. Харбинѣ, говоритъ, что генерала Сахарова обвиняли въ развалѣ фронта и что адмиралъ Колчакъ, отстранивъ его отъ должности главнокомандующаго, назначилъ слѣдственную комиссію надъ его дѣйствіями. А о г-нѣ Гинсѣ бывшій главнокомандующій сибирской арміей генералъ В. Г. Болдыревъ въ своей книгѣ: «Директорія, Колчакъ, Интервенты», пишетъ, что хотя г. Гинсъ заявляетъ что написалъ свою книгу «съ полной откровенностью и безжалостностью къ себѣ», но въ дѣйствительности она написана съ исключительной цѣлью, чтобы обѣлить себя и своихъ единомышленниковъ, въ родѣ Михайлова и всю вину за всѣ преступленія взвалить на плечи другихъ».

Россія тѣсно связана съ славянствомъ. Кто выступаетъ противъ славянъ тотъ идетъ противъ Россіи и наоборотъ. Славянскія взаимоотношенія назрѣвали вѣками и никакія выпады противъ чехословаковъ не поколеблютъ ихъ. Они крѣпнутъ и дастъ Богъ окрѣпнутъ. Г-ну Гинсу нечего безпокоиться о томъ, чтобы за дѣйствія своихъ войскъ не покраснѣла Чехословакія. Этихъ чехословацкихъ легіонеровъ торжественно встрѣтилъ весь чехословацкій народъ, во главѣ со своимъ президентомъ Масарикомъ, а нынѣшній чехословацкій министръ иностранныхъ дѣлъ д-ръ Бенешъ передъ всѣмъ свѣтомъ заявилъ, что объ этихъ легіонерахъ исторія скажетъ, что они добыли свободу чешскому народу.

Одинъ изъ рядовыхъ легіонеровъ, спрошенный мною о сибирскихъ событіяхъ, отвѣтилъ: «Мы старались освободить Сибирь и помочь русскимъ людямъ, но пришли человѣконенавистники, посѣяли вражду, возстановили однихъ противъ другихъ и создали адъ, въ которомъ погибъ верховный правитель адмиралъ Колчакъ, а вмѣстѣ съ нимъ и все освободительное дѣло въ Сибири.

ГЛАВА IV.

Событія, о которыхъ я разсказалъ, относятся къ тяжелымъ переживаніямъ русскаго народа. Воспоминанія о нихъ будятъ грустныя мысли.

Когда я прочелъ книгу генерала Сахарова «Бѣлая Сибирь» и остановился на его заключительныхъ словахъ: о неизмѣримой любви къ Родинѣ, объ одной только русской партіи «Святая Русь» и объ одномъ русскомъ классѣ, я хотѣлъ закричать: неправда, неправда, неправда! Ибо только тотъ другъ своей Родины, кто признаетъ ея широкую свободу и въ ней ищетъ счастья для своихъ соотечественниковъ. Свобода заключается въ томъ, чтобы быть свободнымъ и не нарушать чужой свободы. Кто нарушаетъ свободу другого и старается уничтожить ее, тотъ совершаетъ жестокое преступленіе противъ величайшей цѣнности человѣчества — его свободы.

Свобода для русскаго народа также нужна, какъ и воздухъ. Она поможетъ ему вырваться изъ цѣпей невѣжества и отсталости, главныхъ причинъ его нынѣшнихъ переживаній. Только въ предѣлахъ этой мысли возможна безпристрастная оцѣнка разыгрывавшихся въ Россіи событій. Психологія крестьянскихъ возстаній въ Сибири лучшее этому доказательство.

При разсмотрѣніи обвиненій, направленныхъ противъ чехословацкаго войска, бросается въ глаза отсутствіе фактическихъ данныхъ, а только наличіе ѣдкой критики, вытканной на фонѣ будто бы возмущеннаго патріотизма. Зачастую эта критика принимаетъ такія странныя формы, что поневолѣ возникаетъ вопросъ, чѣмъ собственно вызваны эти обвиненія, и какова цѣль ихъ авторовъ. Такъ, напримѣръ, генералъ Сахаровъ распинаясь за царскую власть въ Россіи, обруши-

вается не на тѣхъ, кто подготовлялъ сверженіе императора Николая II-го, а только на чехословаковъ за то, что они подчинились фактическому положенію, созданному самими русскими. Точно также онъ не обращаетъ никакого вниманія на цѣлый рядъ оскорблявшихъ національное достоинство измѣнъ, предательствъ, насилій и убійствъ, а нападаетъ на чехословаковъ за то, что они осмѣлились порицать эти дѣйствія и особенно ревниво оберегали себя и другихъ отъ всякой измѣны въ пользу нѣмцевъ. Громя на каждомъ шагу чехословаковъ, генералъ Сахаровъ вмѣстѣ съ тѣмъ обрушивается и на всѣхъ славянъ. «*Какъ блестяще и полно*, — пишетъ онъ въ своей «Бѣлой Сибири», — *доказали дѣйствія вожаковъ чехословацкаго войска правильность и справедливость вѣчныхъ безпокойствъ и хлопотъ старухи матери Россіи о мелкихъ, несчастныхъ, забитыхъ славянскихъ племенахъ. Доказали также и вѣрность нашего всегдашняго представленія о той большой любви, которую славянскіе народцы питали и питаютъ къ Святой Руси. Эпопея чехословацкой арміи въ Сибири дала Россіи хорошій урокъ. Никто на свѣтѣ не будетъ спорить, что славянской задачѣ и славянскому единству чехословацкое воинство въ Сибири нанесло такой ударъ, какого не придумалъ бы и самый злѣйшій врагъ*».

Причины такихъ заявленій кроются въ тѣхъ ненормальныхъ теченіяхъ, которыя свили себѣ гнѣздо при омскомъ правительствѣ и которыя вылились въ стремленіяхъ нѣкоторыхъ лицъ создать тогда «русско-японско-нѣмецкій союзъ». Этотъ союзъ поддерживался омской оффиціальной прессой, къ его осуществленію принимались разныя мѣры, отъ него ожидали большихъ для себя благъ. Генералъ Сахаровъ ярый приверженецъ этого теченія. Не стѣсняясь ролью главнокомандовавшаго противонѣмецкой арміей, онъ слѣдующимъ образомъ откровенничаетъ о своемъ желаніи сбрататься съ нѣмцами: «*Всюду*, — *и въ арміи и въ лучшихъ общественныхъ организаціяхъ, и среди отдѣльныхъ дѣятелей начала выбиваться наружу мысль, что не лишнее было бы и намъ войти въ переговоры съ Германіей. На нашихъ недавнихъ и навязанныхъ намъ противниковъ начали смотрѣть не только съ чувствомъ миролюбивымъ, но съ*

зарождающимся просвѣтленіемъ объ общности судьбы, а, слѣдовательно, и интересовъ. Среди же народныхъ массъ никогда не было враждебнаго чувства, а тѣмъ болѣе ненависти къ германцамъ. Этому свидѣтели тѣ десятки тысячъ военноплѣнныхъ нѣмцевъ, которые и тогда еще оставались въ Сибири. «*Мною*, продолжаетъ генералъ Сахаровъ, *было отправлено въ г. Омскъ къ верховному правителю особое лицо со спеціальнымъ докладомъ, въ которомъ я доводилъ до его свѣдѣнія мнѣніе арміи, что было бы очень полезно войти съ германскими кругами въ непосредственные переговоры, и что этимъ путемъ мы пріобрѣтемъ настоящее содѣйствіе и помощь въ нашей священной борьбѣ**).

Эти признанія говорятъ сами за себя. Ими объясняются всѣ обвиненія и опредѣляется цѣна всѣмъ тѣмъ, которые покланялись тогда нѣмецкому кулаку. Даже плѣнница императрица Александра Феодоровна, имѣвшая возможность спасти себя и своихъ дѣтей путемъ капитуляціи передъ нѣмцами, не рѣшилась это сдѣлать и въ письмѣ отъ 3-го марта 1918 года писала Вырубовой изъ своего сибирскаго заточенія «какой кошмаръ, что можетъ быть хуже и унизительнѣе этого, Боже спаси и помоги Россіи, одинъ позоръ и ужасъ». Пусть эти слова бывшей императрицы будутъ достойнымъ отвѣтомъ всѣмъ тѣмъ, которые въ дружбѣ съ тогдашними нашими врагами искали спасенія для русскаго народа. Въ этомъ отношеніи чехословаки были ихъ непримиримыми врагами. За это ихъ хотѣли изгнать изъ Сибири, а когда эти намѣренія не осуществились, на нихъ стали сваливать всю вину за сибирскую катастрофу.

Чехословацкіе легіонеры находились въ Россіи болѣе пяти лѣтъ. При освященіи въ 1914 году въ г. Кіевѣ ихъ боевого знамени они дали присягу сражаться до полной побѣды. Послѣ этого имъ пришлось пережить много мучительныхъ моментовъ. Было время полнаго крушенія всѣхъ надеждъ, а между тѣмъ они не измѣнили присягѣ и остались ей вѣрны до конца. Какъ сначала въ Галиціи, такъ потомъ въ Сибири, чехословацкіе легіонеры поддерживали глубокую дружбу съ

---

*) Генералъ К. Сахаровъ. «Бѣлая Сибирь» (стр. 152).

тѣми русскими патріотами, которые самоотверженно защищали свою Родину и желали ей счастья. Память объ этихъ герояхъ вѣчно будетъ жить въ сердцахъ чехословацкаго народа. Изслѣдуя разные моменты пребыванія чехословацкаго войска въ Сибири, я старался лично познакомиться съ участниками великаго сибирскаго похода, и я былъ пораженъ тѣми глубокими симпатіями къ Россіи и къ русскому народу, какія я нерѣдко встрѣчалъ даже среди рядовыхъ легіонеровъ. Я, конечно, не имѣю въ виду тѣхъ отдѣльныхъ личностей, которыя по разнымъ политическимъ и другимъ причинамъ, считаютъ своимъ долгомъ отгородиться отъ Россіи и Славянства. Такія лица встрѣчаются и среди русскихъ и среди славянъ. Не моя задача судить объ ихъ поступкахъ.

Въ своемъ трудѣ я не коснулся ни вопроса о значеніи пребыванія чехословацкихъ войскъ въ Россіи, ни его вольныхъ и невольныхъ ошибокъ. Первый вопросъ имѣетъ крупный общественный интересъ, но послѣдствія его еще не совсѣмъ обрисовались, вторыя же не представляютъ того матеріала, который заслуживалъ бы особеннаго вниманія. Въ концѣ книги я привожу всѣ тѣ документы, матеріалы и разные источники, которыми я пользовался при изслѣдованіи даннаго вопроса. Особенно много матеріала я нашелъ въ богатомъ архивѣ Легіи, широко доступномъ для всѣхъ интересующихся освободительнымъ движеніемъ въ Сибири. Всѣ приведенныя мною въ настоящей книгѣ свѣдѣнія основаны на документальныхъ данныхъ, заключающихся въ перечисленныхъ мною источникахъ.

Великая война создала въ русскихъ общественныхъ кругахъ два теченія. Одно — русско-нѣмецкое, и второе — русско-славянское. Первое, какъ упоминалось выше, знаменуетъ собою обезличеніе Россіи, подчиненіе ее нѣмцамъ и застой въ ея національномъ развитіи. Второе, скрѣпляя союзъ съ славянами, подготовляетъ пути къ полному ихъ раскрѣпощенію, а тѣмъ самымъ къ дѣйствительной свободѣ, равенству и братству сначала между славянами, а потомъ и между другими народами.

Славяне не преслѣдуютъ завоевательныхъ стремленій, а

только хотятъ быть независимыми хозяевами на своей землѣ. Главной угрозой для нихъ были всегда нѣмцы. Эта угроза росла вѣками и не можетъ исчезнуть скоро. Великая война потрясла движеніемъ нѣмцевъ на славянъ, но не уничтожила его. Нѣмецкій народъ только тогда откажется отъ всякихъ посягательствъ на славянскія земли, когда онъ перестанетъ находить въ нихъ тѣ условія, которыя дѣлаютъ это посягательство возможнымъ. Завоеваніе политическихъ свободъ есть крупный шагъ впередъ къ уничтоженію этихъ условій, и потому свободнымъ нынѣ славянамъ необходимо напречь всѣ усилія на развитіе своей культурной и экономической жизни для того, чтобы стать равными членами въ союзѣ европейскихъ народовъ. Когда это наступитъ, изчезнутъ и тѣ условія, которыя способствуютъ чуждому вмѣшательству въ дѣла славянъ.

Еще въ 1869 году извѣстный русскій военный писатель и публицистъ Фадѣевъ сказалъ, что «безъ чеховъ славянское дѣло будетъ потеряно навсегда; они передняя стража всего славянства». Это не измѣнилось и по нынѣ. То, что чехи на скорую руку сдѣлали въ Сибири за время своего двухлѣтняго тамъ пребыванія, достойно особеннаго вниманія. Они сами кормили и одѣвали свою 50-ти-тысячную армію, они устроили цѣлый рядъ фабрикъ и заводовъ, они, наконецъ, изъ ничего создали рядъ финансовыхъ учрежденій, получившихъ колоссальнѣйшее развитіе. У себя же на Родинѣ, они достигли такихъ успѣховъ въ области промышленной, финансовой, технической и т. д., какими ни русскіе, ни сербы, ни болгары не могутъ пока что похвастаться. Если бы русскіе, радѣющіе о благосостояніи Россіи, вошли съ чехами въ болѣе тѣсныя дѣловыя сношенія и пригласили къ себѣ ихъ опытныхъ практическихъ промышленниковъ, фабрикантовъ, финансистовъ и т. д., то отъ этого получилось бы больше пользы, чѣмъ отъ призыва нѣмцевъ, которые всегда работали и будутъ работать только для себя. Многіе нѣмцы десятками лѣтъ жили въ Россіи и остались такими же, какими туда пріѣхали: «Ни русскаго языка не изучили, ни симпатій къ русскому народу не сохранили.» Чехи же были въ Россіи всего 5 лѣтъ и почти всѣ

изучили языкъ и сохранили рѣдкостную теплоту чувствъ и уваженіе къ русскому народу. Въ настоящее, особенно тяжелое для русской интеллигенціи время, молодая Чехословацкая республика проявила такую огромную долю участія, что забыть объ этомъ невозможно. Этимъ она опредѣленно подчеркиваетъ свое желаніе быть съ русскими въ самой искренней дружбѣ.

Родственныя тяготѣнія одного славянскаго племени къ другому освящены вѣками. Послѣдняя война еще больше ихъ скрѣпила. Польскій писатель бывшій легіонеръ Ю. Бандровскій, отмѣчая участіе славянъ въ европейской войнѣ, приводитъ въ своей книжкѣ *«Чешско-польскія отношенія во время великой войны»* знаменательныя слова: *«Россія дала намъ возможность ликвидировать старые споры и совокупнымъ подвигомъ создать дѣйствительное славянское братство»*, — а другой польскій ученый д-ръ Т. Ст. Грабовскій въ своемъ трудѣ «Славянская идея въ Польшѣ» заявляетъ, что «послѣдняя война вывела польскую славянскую идею на широкую общеславянскую арену». Эти слова представителей польскаго народа особенно цѣнны. Они показываютъ насколько славянскія традиціи сильнѣе пережитыхъ Польшею съ славянской Россіей недоразумѣній. Эти традиціи — лучшее основаніе всей дальнѣйшей работы славянъ.

Взаимоотношенія на почвѣ экономической и финансовой, при наличности существующихъ у славянъ богатствъ, дадутъ имъ возможность освободиться отъ чуждой зависимости, улучшить бытъ трудовыхъ массъ, стать независимыми хозяевами на своей землѣ и претворить въ дѣло великіе призывы къ свободѣ, равенству и братству.

Опасность для славянъ со стороны нѣмцевъ тѣмъ сильнѣе, чѣмъ меньше среди славянскихъ народовъ солидарности и чѣмъ больше между ними разногласій. Устраненіе условій, ставящихъ славянъ въ зависимое положеніе, проложитъ въ свою очередь и столь желательные пути къ общечеловѣческому братству.

Горсть чехословаковъ достигла своихъ стремленій лишь благодаря ихъ великой вѣры въ свою неприложную силу.

Стремленія же нѣкоторыхъ русскихъ круговъ къ союзу съ нѣмцами покоятся наоборотъ на отсутствіи этой вѣры въ свои силы и диктуются лишь неумѣніемъ выйти изъ отчаяннаго положенія. Не въ интересахъ нѣмцевъ создавать Россію сильной и свободной. Ихъ отношенія всегда будутъ направляться въ сторону укрѣпленія тѣхъ условій, которыя дѣлаютъ ихъ присутствіе въ Россіи необходимымъ. Поддерживать и проповѣдывать русско-нѣмецкій союзъ могутъ только тѣ, которые преслѣдуютъ узко-эгоистичныя цѣли, и для которыхъ свобода Россіи и ея національная гордость второстепенное дѣло.

Въ послѣднее время славянское сознаніе замѣтно крѣпнетъ. Каждый день приноситъ новыя въ этомъ отношеніи проявленія, новые факты... Старые грѣхи и споры постепенно забываются. Передовыя славянскія націи Чехословакія и Польша зовутъ славянъ къ единенію. Пріѣзжавшій въ м. апрѣлѣ 1926 г. въ г. Прагу польскій министръ иностранныхъ дѣлъ Скржинскій произнесъ на обѣдѣ у чешскаго министра д-ра Бенеша рѣчь, въ которой высказалъ пожеланіе, чтобы Польша и Чехословакія создали «славянскій блокъ». Надъ этой мыслью слѣдуетъ призадуматься, потому что она диктуется реальными потребностями, и что въ этотъ блокъ постепенно войдутъ и всѣ другіе славянскіе народы. Нѣкоторые русскіе привыкли къ широкому размаху, многіе изъ нихъ все еще живутъ старыми традиціями «шапками забросаемъ» и свысока смотрятъ на разные славянскіе «народцы», а между тѣмъ достаточно прослѣдить исторію борьбы чеховъ съ нѣмцами и подсчитать итоги достигнутыхъ ими результатовъ на поприщахъ: промышленномъ, экономическомъ, финансовомъ, торговомъ и т. д., чтобы убѣдиться въ ихъ значительной культурной силѣ и въ ихъ возможности оказать ту помощь, которая для многихъ славянъ крайне необходима.

Когда вышла книга генерала Сахарова «Бѣлая Сибирь», нѣмцы поспѣшили издать ее на нѣмецкомъ языкѣ для того, чтобы выяснить тѣ возможности, которыя вытекаютъ для нихъ отъ славянскихъ раздоровъ. Когда польскій министръ иностранныхъ дѣлъ Скржинскій заговорилъ въ Прагѣ о «славянскомъ блокѣ», нѣмецкая пресса подняла вопль потому

только, что этимъ устраняется возможность Германіи держать славянъ въ своей постоянной зависимости.

Тѣ, которые стремятся къ свободѣ, равенству и братству не только между отдѣльными племенами, но и между всѣми народами, должны понять эти естественныя стремленія славянъ, иначе ихъ проповѣдь и ихъ призывы останутся пустымъ звукомъ. Свобода заключается въ томъ, чтобы быть свободнымъ и не нарушать свободы другихъ.

ПРИЛОЖЕНІЕ.

ДОКУМЕНТЫ.

№ 1.

ВЫСОЧАЙШІЙ МАНИФЕСТЪ.

Божіею Милостію

Мы, НИКОЛАЙ ВТОРЫЙ

Императоръ и Самодержецъ Всероссійскій и прочая и прочая.

Объявляемъ всѣмъ вѣрнымъ Нашимъ подданнымъ:

Слѣдуя историческимъ своимъ завѣтамъ, Россія, единая по вѣрѣ и крови съ славянскими народами, никогда не взирала на ихъ судьбу безучастно. Съ полнымъ единодушіемъ и особою силою пробудились братскія чувства русскаго народа къ славянамъ въ послѣдніе дни, когда Австро-Венгрія предъявила Сербіи завѣдомо-непріемлемыя для державнаго государства требованія. Презрѣвъ уступчивый и миролюбивый отвѣтъ сербскаго правительства и отвергнувъ доброжелательное посредничество Россіи, Австрія поспѣшно перешла въ вооруженное нападеніе, открывъ бомбардировку беззащитнаго Бѣлграда. Вынужденные, въ силу создавшихся условій, принять необходимыя мѣры предосторожности, Мы повелѣли привести армію и флотъ на военное положеніе, но, дорожа кровью и достояніемъ Нашихъ подданныхъ, прилагали всѣ усилія къ мирному исходу начавшихся переговоровъ.

Среди дружественныхъ сношеній союзная Австріи Германія, вопреки Нашимъ надеждамъ на вѣковое доброе сосѣдство и не внемля завѣренію Нашему, что принятыя мѣры отнюдь не имѣ-

ютъ враждебныхъ цѣлей, стала домагаться немедленной ихъ отмѣны и, встрѣтивъ отказъ въ атомъ требованіи, внезапно объявила Россіи войну.

Нынѣ предстоитъ уже не заступаться только за несправедливо обиженную родственную Намъ страну, но оградить честь, достоинство и цѣлость Россіи и положеніе ея среди великихъ державъ. Мы непоколебимо вѣримъ, что на защиту Русской Земли дружно и самоотверженно станутъ всѣ вѣрные Наши подданные. Въ грозный часъ испытанія да будутъ забыты внутреннія распри, да укрѣпится еще тѣснѣе единеніе Царя съ Его народомъ и да отразитъ Россія, поднявшаяся, какъ одинъ человѣкъ, дерзкій натискъ врага. Съ глубокой вѣрой въ правду Нашего дѣла и смиреннымъ упованіемъ на Всемогущій Промыселъ, Мы молитвенно призываемъ на Святую Русь и доблестныя войска Наши Божіе благословеніе.

Данъ въ С.Петербургѣ 20-й день іюля, въ лѣто отъ Рождества Христова 1914, царствованія же Нашего въ двадцатое.

На подлинномъ собственной Его Императорскаго Величества рукою подписано:

«НИКОЛАЙ».

№ 2.

ВЫСОЧАЙШІЙ МАНИФЕСТЪ.

Божіею Милостію

Мы, НИКОЛАЙ ВТОРЫЙ

Императоръ и Самодержецъ Всероссійскій и проч.

Объявляемъ всѣмъ Нашимъ вѣрнымъ подданнымъ:

Немного дней тому назадъ манифестомъ Нашимъ оповѣстили мы русскій народъ о войнѣ, объявленной намъ Германіей. Нынѣ Австро-Венгрія, первая зачинщица міровой смуты, обнажившая среди глубокаго мира мечъ противъ слабѣйшей Сербіи, сбросила съ себя личину и объявила войну не разъ

спасавшей ее Россіи. Силы непріятеля умножаются. Противъ Россіи и всего славянства ополчились обѣ могущественныя нѣмецкія державы, но съ удвоенной силой растетъ навстрѣчу имъ справедливый гнѣвъ мирныхъ народовъ, и съ несокрушимой твердостью встаетъ передъ врагомъ вызванная на брань Россія, вѣрная славнымъ преданіямъ своего прошлаго. Видитъ Господь, что не ради воинственныхъ замысловъ или суетной мірской славы подняли мы оружіе, но, ограждая достоинство и безопасность Богомъ хранимой Нашей Имперіи, беремся за правое дѣло. Въ предстоящей войнѣ народовъ мы не одни. Вмѣстѣ съ нами стали доблестные союзники наши, также вынужденные прибѣгнуть къ силѣ оружія, дабы устранить, наконецъ, вѣчную угрозу германскихъ державъ общему миру и спокойствію. Да благословитъ Господь Вседержитель наше и союзное намъ оружіе, и да поднимется вся Россія на ратный подвигъ съ желѣзомъ въ рукахъ, съ крестомъ въ сердцѣ.

Данъ въ С.Петербургѣ въ 26-й день іюля въ лѣто отъ Рождества Христова 1914, царствованія же Нашего въ двадцатое.

На подлинномъ собственной Его Императорскаго Величества рукою подписано:

«НИКОЛАЙ.»

№ 3.

Извлеченіе изъ представленія Главнаго Управленія Генеральнаго Штаба (по отдѣлу устройства и службы войскъ) отъ 5 августа 1914 г. за № 2843, — въ Военный Совѣтъ.

Находящіяся въ Россіи чешскія общества возбудили ходатайство о сформированіи особыхъ чешскихъ войсковыхъ частей изъ чеховъ добровольцевъ для совмѣстныхъ съ нами дѣйствій противъ Австріи.

Стремленіемъ чеховъ въ данномъ случаѣ является освобожденіе отъ австрійскаго порабощенія ихъ родины, для чего они ставятъ своей задачей, по вторженіи съ нашей арміей въ Австро-Венгрію, поднять противъ Австріи общее возстаніе среди

своихъ единоплеменниковъ, находящихся въ предѣлахъ Австріи.

Настоящее ходатайство чешскихъ обществъ было внесено Военнымъ Министромъ на разсмотрѣніе Совѣта Министровъ, причемъ Совѣтомъ Министровъ въ засѣданіи 30 іюля 1914 года, означенное предположеніе о сформированіи особыхъ чешскихъ войсковыхъ частей единогласно одобрено.

Въ соотвѣтствіи съ симъ представляется необходимымъ теперь же приступить къ осуществленію этой мѣры.

Организація чешскихъ частей. Проектируемыя чешскія войсковыя части имѣется въ виду сформировать изъ чеховъ добровольцевъ, причемъ тѣхъ изъ добровольцевъ, которые служили въ иностранныхъ арміяхъ офицерами, принимать на офицерскія должности, соотвѣтствующими чинами, но на правахъ офицеровъ нашего ополченія.

. . . .

Порядокъ формированія. Формированіе чешскихъ добровольческихъ частей предположено произвести въ Кіевѣ, какъ наиболѣе центральномъ изъ пунктовъ съ болѣе или менѣе значительнымъ чешскимъ населеніемъ, распоряженіемъ штаба Кіевскаго военнаго округа.

Вся дѣятельность по набору добровольцевъ для означенныхъ формированій возложена на чешскія общества, имѣющіяся въ Петербургѣ, Москвѣ, Кіевѣ и Одессѣ, причемъ Кіевское Общество по своимъ функціямъ является главнымъ.

. . . .

Финансовая сторона. Всѣ расходы по формированію и содержанію чешскихъ добровольческихъ частей полагалось бы отнести на военный фондъ. . . . .

Подлинное подписалъ. И. д. Начальника Генеральнаго Штаба *Генералъ-Лейтенантъ Бѣляевъ.*

Разрѣшеніе настоящаго вопроса Военнымъ Совѣтомъ послѣдовало 7 августа 1914 года, о чемъ Главное Управленіе Генеральнаго Штаба сообщило Начальнику Штаба Кіевскаго военнаго округа 7 того-же августа, за № 2871/293.

№ 4.

Извлеченіе изъ приказа командира «Чешской Дружины» отъ 8-го декабря 1914 г. за № 636, — своему помощнику по политическимъ дѣламъ I. I. Орсаку.

Дежурный Генералъ Штаба 3-ей Арміи предписаніемъ отъ 4 декабря 1914 г. за № 9502 увѣдомилъ меня о томъ, что Верховный Главнокомандующій, имѣя въ виду политическое значеніе привлеченія на нашу сторону чешскаго населенія Австріи, особенно при занятіи нами чешскихъ областей и принимая во вниманіе усиленныя ходатайства видныхъ чешскихъ дѣятелей въ Россіи, разрѣшилъ поступленіе въ «Чешскую Дружину» сформированную въ Кіевѣ, также и желающихъ чеховъ военноплѣнныхъ, причемъ такой пріемъ признается возможнымъ допустить тотчасъ по взятіи въ плѣнъ. Въ составъ «Дружины» можно принимать только тѣхъ, которые идутъ добровольно и подъ условіемъ Вашего за нихъ письменнаго ручательства.

. . . .

Подлинное подписалъ: *Подполковникъ Созентовичъ.*

№ 5.

Копія.

Телеграмма отъ 15 октября 1915 г. № 1930.

Псковъ — Генералу Бончъ-Бруевичу.
Бердичевъ — ,, Савичу.
Минскъ — ,, Квѣцинскому.
Тифлисъ — ,, Болховитинову.
Петроградъ — ,, Бѣляеву.

Въ виду потерь въ Чешской Дружинѣ и отсутствія достаточныхъ источниковъ для ея пополненія, а съ другой стороны принимая во вниманіе полезную работу Дружины, Начальникъ Штаба признаетъ необходимымъ разрѣшить переводъ въ означенную Дружину желающихъ нижнихъ чиновъ чеховъ, со-

стоящихъ въ дѣйствующихъ запасныхъ ополченскихъ частяхъ. Не откажите распоряженіями. «Дружина» въ настоящее время входитъ въ составъ третьей арміи.

Генералъ *Кондзеровскій.*

№ 6.

Извлеченіе изъ предложенія Начальника Штаба Главнокомандующаго арміями Юго-Западнаго фронта отъ 11 марта 1915 года за № 3836, — Начальнику Штаба 3-ей арміи:

Дежурный Генералъ при Верховномъ Главнокомандующемъ отношеніемъ отъ 3 марта 1915 года за № 442, сообщилъ слѣдующее: «Представители Чешскаго Комитета вспомоществованія жертвамъ войны» (въ Кіевѣ), во время пребыванія въ Ставкѣ, между прочимъ, возбудили ходатайство объ установленіи въ чешскихъ добровольческихъ частяхъ чешскаго команднаго языка.

. . . .

Принимая во вниманіе, что чешскія добровольческія дружины не являются частями русской арміи, Верховный Главнокомандующій призналъ возможнымъ означенное ходатайство удовлетворить.

. . . .

. . . .

Подлинное подписалъ: *Генералъ отъ Инфантеріи*

Алексѣевъ.

№ 7.

Копія письма предсѣдателя Парижской Націоналыной Рады проф. Т. Г. Масарика — къ чехословацкимъ войскамъ предъ ихъ отъѣздомъ изъ Россіи на французскій фронтъ.

Bratři vojáci a zajatci!

Odjíždím z Vašeho středu, vlastně budu Vaším kvartýrmajstrem ve Francii, tam se shledáme, tam se shledám se svým V. plukem a se svou rotou III. pluku; doufám, že se tam shledáme se všemi zajatci, že všichni vstoupíte do naší armády.

Mám veliké zadostiučinění z toho, že jsme společným úsilím vytvořili korpus, vytvořili ho za poměrů těžkých; ještě větší mám radost z toho, že jste v těch těžkých dobách uchovali svůj celek jednotným. Tento náš celek je politická moc, skýtající každému jednotlivci bezpečnost; tento náš celek je memento nepříteli a bude jeho postrachem!

Čechové všech stran a frakcí pochopili příkaz veliké doby a shlukli se ve svorný šik; našli se Čechové a Slováci v živé jednotě.

Jste svorni vedle sebe, Čechoslováci a Rusové, a bude Vám dána možnost bojovat s Jihoslovany a Poláky. *Našli jsme se, Slované v nebezpečí — zůstaneme si věrni a oddáni!*

Ve Francii a Italii budeme bojovat také za Rusko; chtěli jsme bojovat na straně ruských bratří zde a stal se slibný začátek u Zborova a po Zborovu — je nám líto, že ve jménu Ruska byl uzávřen tak jednostranný mír, ale právě proto přičiníme se v ženerósní Francii o vítězství nad Rakousko-Uherskem a Německem, a to vítězství posilní i Rusko. *Věříme přes všecky nehody v budoucnost ruského národa!*

Pokud budete v Rusku, zachovávejte jako dosud ve vnitřních bojích stran přísnou neutralitu; jen ten slovanský národ a ta strana jsou naším nepřítelem, kdo se zjevně spojují s nepřítelem.

Ať žije Rusko a Francie, ať žijí Spojenci! Ať žije sjednocený nezávislý československý národ! Ať žije demokracie a bratrství všech národů! Ať žije prvé československé vojsko, mocný budovatel svobodné vlasti!

Bratři, vojáci! Vytrvejte v útrapách, zachovejte jednotu; že vykonáte svou husitskou povinnost proti nepříteli, tomu věřím a to vím. Všichni za jednoho každého, jeden každý za všechny!

V Moskvě, 7. března 1918.

T. G. MASARYK.

№ 8.

Телеграмма.

Изъ Москвы 21-IV. 1918 г. № 1084.

Совдепу. Красноярскъ.

Опасаясь японскаго наступленія въ Сибири; Германія настоятельно требуетъ немедленнаго и скорѣйшаго проведенія эвакуаціи германскихъ плѣнныхъ изъ Восточной Сибири въ Западную или въ Европейскую Россію. Просимъ принять всѣ мѣры. Чехословацкіе отряды не должны продвигаться на востокъ. Наркомин *Чичеринъ. 229.*

№ 9.

Копія.

Телеграмма.

Передать всѣмъ совдепамъ и военнымъ комиссаріатамъ до Омска. Краевому залисовдепу, всѣмъ совдепамъ по желѣзной дорогѣ линій отъ Пензы до Омска.

Москва, № 1847 — 25 мая, 187 сл.
Принята: 27 .V. 1918 г. № 32/374.

Всѣ совѣты по желѣзной дорогѣ обязаны подъ страхомъ тяжкой отвѣтственности разоружить чехословаковъ. Каждый чехословакъ, который будетъ найденъ вооруженнымъ на желѣзнодорожныхъ линіяхъ *долженъ быть разстрѣлянъ на мѣстѣ*, каждый эшелонъ, въ которомъ окажется хотя бы одинъ вооруженный, *долженъ быть выброшенъ изъ вагона и заключенъ въ*

лагерь военноплѣнныхъ. Мѣстные военные комиссаріаты обязуются немедленно выполнить этотъ приказъ, всякое промедленіе будетъ равносильно измѣнѣ и обрушитъ на виновныхъ суровую кару. *Одновременно посылаю въ тылъ чехословацкимъ эшелонамъ надежныя силы, которымъ поручено проучить мятежниковъ.* Съ честными чехословаками, которые отдадутъ оружіе и подчинятся совѣтской власти, будетъ поступлено какъ съ братскими. Имъ будетъ оказана всяческая поддержка. Всѣмъ желѣзнодорожникамъ сообщается, что ни одинъ вагонъ съ чехословаками не долженъ продвинуться на востокъ. Кто уступитъ насилію и окажетъ содѣйствіе чехословакамъ въ продвиженіи ихъ на востокъ, будетъ сурово наказанъ. Настоящій приказъ, прочесть всѣмъ чехословацкимъ эшелонамъ и сообщить всѣмъ желѣзнодорожнымъ служащимъ по мѣсту нахожденія чехословаковъ. Каждый военный комиссаръ обязанъ объ исполненіи донести.

Народный комиссаръ по военнымъ дѣламъ

Л. Троцкій.

ПЕРЕЧЕНЬ ИСТОЧНИКОВЪ.

I.

На русскомъ языкѣ:

Анишев, А. Очерки истории гражданской войны. 1917—1920 г. Гос. Изд. Ленинград. 1925 г.

Аргуновъ, А. А. Между двумя большевизмами. Парижъ. 1919 г.

Архивъ Русской Революціи. Берлинъ.

Болдыревъ, В. Г. Директорія, Колчакъ, Интервенты. Воспоминанія. 1925 г.

Борьба за Уралъ и Сибирь. Гос. Изд. 1926 г.

Въ застѣнкахъ Колчака. Голосъ изъ Сибири. Парижъ. 1920.

Ганъ, Анатолій. (А. Гутманъ). Россія и большевизмъ. г. Шанхай. 1921 г.

Гинсъ, Г. К. Сибирь, Союзники, Колчакъ. Ч. I—II. Пекинъ. 1921 г.

Джон Уорд, начальник английского экспедиционного отряда в Сибири. Союзная интервенция в Сибири 1918—1919 гг. Москва. 1923 г.

Дитерихсъ, М. К. Убійство Царской Семьи. Ч. I—II. Владивостокъ. 1922 г.

Допрос Колчака. Протоколы заседаний чрезвычайной следственной комиссии. Под. редакцией К. А. Попова. Гос. Изд. Ленинград. 1925 г.

Журналъ военныхъ дѣйствій «Чехословацкой Дружины».

Зембалевскій, подполковникъ. Описаніе боя 19 іюня 1917 г.

Зензиновъ, В. Государственный переворотъ адмирала Колчака въ г. Омскѣ 18 ноября 1918 г. Сборникъ документовъ. Парижъ. 1919 г.

Ивановъ, Вс. Въ гражданской войнѣ. Харбинъ. 1921 г.
Колосов, Е. Е. Сибирь при Колчаке. Петроград. 1923 г.
Колосовъ, Е. Е. Дальній Востокъ и наше будущее. Красноярскъ. 1919 г.
Колчаковщина. Сборник. Екатеринбург. 1924 г.
Корд, А. 1918-й год. Мировая война. Москва. 1924 г.
Кроль, Л. А. За три года. Владивостокъ. 1922 г.
Куделя, И. Зборовъ. Очеркъ исторіи чехословацкаго революціоннаго цвиженія. Челябинскъ. 1918 г.
Лазаревскій, Вл. Россія и Чехословацкое возрожденіе. Парижъ. 1927 г.
Лелевич, Г. В дни Самарской Учредилки. Гос. Изд. 1921 г.
Мамонтовъ, полковникъ. Описаніе боевыхъ дѣйствій чехословацкихъ войскъ.
Партизанское движение в Сибири. Изд. Центроархива РСФСР Ленинград. 1925 г.
Парфеновъ, П. С. Гражданская война в Сибири 1918—1920 г. Гос. Изд.
Парфенов, П. С. Уроки прошлого. Гражданская война в Сибири 1918, 1919, 1920 г. г. Харбин. 1921 г.
Пишон, полковник франц. ген. штаба. Союзническая интервенция на Дальнем Востоке и в Сибири. Москва. 1925 г.
Полевыя книжки роты «Чехословацкой Дружины».
Последние дни Колчаковщины. Под. ред. К. А. Попова. Издание Центроархива РСФСР. Ленинград.
Революция на Дальнем Востоке. Гос. Изд. 1923 г.
Сахаровъ, К. В. генералъ. Бѣлая Сибирь. Мюнхенъ. 1923 г.
Соколовъ, К. Н. Правленіе генерала Деникина. Софія. 1921 г.
Стенографическій отчетъ переговоровъ о сдачѣ власти Омскимъ Правительствомъ — Политическому Центру въ январѣ 1920 г. Харбинъ 1921 г.
Тайные документы изъ Архива М-ва Иностранныхъ Дѣлъ. Берлинъ.
Танѣева, А. (Вырубова). Страницы изъ моей жизни. 1923 г.
Троцкий, Л. Война и революция. Петроград. 1922—1923 г.
Фирсов, Н. Н. проф. Народныя движения в России до XIX века. Москва. 1924 г.

II.

На чешскомъ языкѣ:

Bandrowski, J. Česko-polský poměr za velké války. Praha.
Bandrowski, J. Bílý Lev. Praha.
Beaumont, A. Hrdinské činy čs. legií. Praha.
Dr. *Beneš, Ed.* Smysl čsl. revoluce. Praha.
Beneš, V. Revoluční hnutí v Americe. Praha.
Čechoslovák.
Čechoslovan.
Čechoslovanský deník.
Čeček, R. S. Bitva pod Zborovem. Praha.
Čermák, J. dr. Boje pod Bachmačem a ústup z Ukrajiny roku 1918. Praha.
Černov, L. Cešta 2000 legionářů ze Sibiře domu.
Červinka, J. Cestou našeho odboje. K historii čsl. vojska na Rusi r. 1914—1918. Praha.
Červinka, V. Naši na Sibiři. Kapitoly vlastní i cizí. Praha.
Čila, M. Rozvědky České družiny a Čs. brigády na Rusi. Praha.
Český New York v době revoluce 1914—1920. New York. 1921.
Deník plukovníka Švece. Praha.
Dokumenty našeho osvobození. Praha.
Eliáš, A. Vývoj a boje čs. legií ve Francii. Praha.
Fink, P. Bílý admirál. Praha.
Fink, P. Umírající království. Praha.
Gajda, R. Moje paměti. Praha.
Haering, V. dr. Zdravotnictví v čs. vojsku na Rusi. Praha.
Ivičič, V. Tatránci. Dějiny 7. střel. tatr. pluku. Praha.
Kadlec, R. Rok čs. vojska ve Francii. Praha.
Karžanskij, N. Rusko a čs. legie. Dokumenty. Praha.
Klecanda, V. Operace čs. vojska na Rusi v letech 1917 až 1920. Praha.
Kopta, J. Štefánik. Praha.
Kratochvíl, J. Cesta revoluce. Čs. legie v Rusku. Praha.
Krejčí, F. U sibiřské armády. Praha.
Krejčí, F. Poselstvo vlády k čs. vojsku na Sibiři. Praha.
Kudela, J. dr. O ruském zlatém pokladě a čs. legiích. Praha.

Kudela, *J. dr.* V počátcích revoluce. Praha. 1924.
Kudela, *J. dr.* O slavné bitvě u Zborova. Praha.
Kudela, *J. dr.* S naším vojskem na Rusi. Praha.
Kudela, *J. dr.* Profesor Masaryk a čs. vojsko na Rusi. Praha.
Markovič, *J. dr.* Slováci v revoluci. Praha.
Masaryk, *T. dr.* Světová revoluce. Za války a ve válce 1914—1918. Praha.
Masaryk, *T. dr.* Nová Evropa. Stanovisko slovanské. Praha.
Masaryk, *T. dr.* První kapitola pamětí. Praha — prosinec 1914.
Masaryk a revoluční armáda. Praha.
Mašín, *E. dr.* Česká družina. Praha. 1922.
Medek, *R.* Bitva u Zborova a čs. odboj. Praha.
Medek, *R.* Blaník. Úvahy a dokumenty o čs. vojsku 1916—1920. Praha.
Memorandum petrohradského sjezdu, předložené carovi 4. září 1914.
Merhout, *C.* Dokumenty našeho osvobození.
Muna, *A.* Ruská revoluce a čs. hnutí na Rusi. Praha.
Naše revoluce. Historický sborník. Ročník I, II, III. Praha.
Pamětní kniha 1. stř. pluku. Redakcí dra F. Langra. Praha. 1920.
Papoušek, *J.* Zborov, Historie. Dokumenty. Praha.
Papoušek, *J.* Masarykovy projevy a řeči za války. Praha. 1920.
Patejdl, *J. dr.* Sibiřská anabase. Praha.
Pavel, *A.* Sibiřské úvahy. Praha.
Polák, *J.* Peněžnictví v ruských legiích. Praha.
Pecháček, *F. inž.* Technické oddělení čsl. vojska na Rusi. Praha.
Raše, *A. dr.* Evakuace. Praha.
Sajdl, *J.* Českoslovenští železničáři v sibiřské anabasi. Praha. 1924.
Slavnostní list na paměť přísahy na prapor čs. Družiny v Kijevě 1914. Praha.
Splitek, *J.* Národohospodářská činnost čs. vojsk na Sibiři. Praha.
Svoboda, *V. dr.* Soudnictví v čs. vojsku na Rusi. Praha.
Stehlík, *G.* Na sibiřské magistrále. Obraz z bojů čs. legionářů s ruskými povstalci v roce 1919.
Sychrava, *L. dr.* Duch legií. Řada úvah a dokumentů z let 1915 až 1919. Praha.
Sychrava, *L. dr.* Masarykovo revoluční dílo na evrop. západě 1914—1917. Praha.

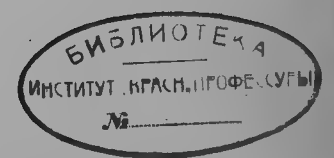
Sychrava, L. dr. Revoluční hnutí ve Švýcarech, Francii a Anglii. Praha.
Sychrava, L. dr. a Werstadt, I. dr. Čs. odboj. Praha.
Šíp. Několik kapitol o hospodářství naší sibiřské armády. (V odpověď na Bílou Sibiř generála Sacharova.) Praha.
Šíp, A. dr. Persekuce čs. národa za válku.
Špaček, J. Čs. revoluční hnutí na Rusi. Praha.
Šteidler, F. V. dr. Čsl. hnutí na Rusi. Praha.
Šteidler, F. V. dr. Zborov. Operace čs. brigády u Zborova a Tarnopole, Praha.
Šteidler, F. V. dr. Naše vystoupení v Rusku r. 1918. Praha.
Šteidler, F. V. dr. Ideový a vojenský význam čs. legií, Praha.
Valenta, V. Česká škola na Sibiři. Praha.
Vaněk, O. Čechoslováci v Rusku. Praha.
Vaněk, V. Moje válečná odyssea. Praha. 1925.
Vondrák, V. Z doby bojů o samostatné čs. vojsko na Rusi. Praha.
Vondráček, F. Tragedie Ruska. Praha.
Výroční zprávy čsl. výpomoc. spolku v Petrohradě za rok 1914.
Za Svobodu. Kronika čs. rev. hnutí na Rusi 1914—1920. Praha.
Zmrhal, K. Vláda sovětů a Čechoslováci. Praha.
Zuman, F. Osvobozenská legenda. Vzpom. a úvahy o čs. vojsku na Rusi. Praha. 1922.
Žipek, A. Válka národů 1914—1918 a účast čs. národa v boji za svobodu. Praha.

III.

На польскомъ, французскомъ и нѣмецкомъ языкахъ;

Bagiński, Henryk, podpułkownik. Wojsko polskie na Wschodzie 1914—1920. Warszawa.
Białynia-Chołodecki, J. Zborow. Lwów. 1924.
Dubarbier, Georges. En Sibérie après l'armistice. Paris. 1924.
Grabowski, T. G. dr. Słowiańska ideja w Polsce. Sofia. 1923.
Grondijse, Ludovic. La guerre en Russie et en Sibérie. Paris. 1922.
Hurwicz, Elias. Geschichte der jüngsten russischen Revolution. Berlin 1922.

Janin, M. général. Fragments de mon „Journal Sibérien". (Le Monde Slave N. 2—4, 1924.)
Kavakami, K. Le Japon et la paix mondiale. Paris. 1921.
Lasies, J. La Tragédie sibérienne. Paris. 1921.
Montandon, George, dr. Deux ans chez Koltchak et chez les bolchéviques. Paris. 1922.
Paléologue, Maurice. La Russie des tsars pendant la grande guerre I.—III. Paris. 1921—1922.
Pichon, colonel. Le coup d'état de l'amiral Koltchak. (Le Monde Slave N. 1—2, 1925.)

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕНЪ.

